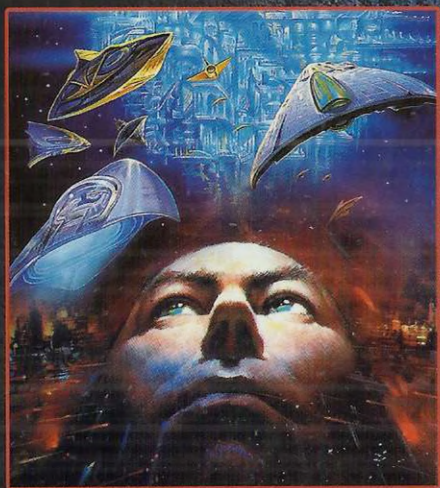

ВИЛСОН

Ф. ПОЛ

К О Л Е С О
В К О Л Е С Е

ВИЛСОН

*Издательство «Центрполиграф»
выпустило в свет романы Ф. Пола Вилсона
в серии «Наладчик Джек»*

МОГИЛА
НАСЛЕДНИКИ
БЕЗДНА
ЯРОСТЬ
ПОЖИРАТЕЛИ СОЗНАНИЯ
КРОВАВЫЙ ОМУТ
ВРАТА

в серии «Ночной мир»

ЗАМОК
МОГИЛА
ПРИКОСНОВЕНИЕ
РОЖДЕННЫЙ ДВАЖДЫ
АПОСТОЛ ЗЛА
НОЧНОЙ МИР

в серии «Федерация Ла Нага»

ЦЕЛИТЕЛЬ
КОЛЕСО В КОЛЕСЕ

F. PAUL

WILSON

W H E E L S
W I T H I N W H E E L S

A NOVEL

ВИЛСОН

КОЛЕСО В КОЛЕСЕ

РОМАН

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2006

УДК 820(73)-31
ББК 84(7Сое)
В44

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

This edition published by arrangement
with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

*Художественное оформление
И.А. Озерова*

Вилсон Ф. Пол
В44 Колесо в колесе: Роман / Пер. с англ.
Е.В. Нетесовой. — М.: ЗАО Центрполиграф,
2006. — 270 с.

ISBN 5-9524-2128-8

Секторальный представитель Межпланетной Федерации Эл-сон де Блауз хочет использовать открытые врат, искривляющих пространство, для укрепления своей власти. У него на пути встает Джозефина Финч, которая обнаруживает заговор против Федерации. Де Блауз отправляет пси-киллера уничтожить своих против-ников...

УДК 820(73)-31
ББК 84(7Сое)

Wheels Within Wheels
Copyright © 1978 by F. Paul Wilson
© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2006
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2006

ISBN 5-9524-2128-8

КОЛЕСО
В КОЛЕСЕ

РОМАН

Все персонажи книги, за исключением подлинных исторических личностей, вымышленны. Любое сходство с реальными людьми, живыми и мертвыми, чисто случайно.

*Посвящается Джону У. Кэмпбеллу —
младшему, разумеется*

В свете ныне известных нам фактов трудно представить, что движение Перестройщиков вообще могло пользоваться хоть какой-то публичной поддержкой. Было, тем не менее, время, когда целые сектора объявляли себя Перестройщиками и требовали так называемой законодательной реформы.

Впрочем, термин «реформа» в высшей степени обманчив: высшую иерархию Перестройщиков составляли первостепенные реакционеры, роялисты от экономики — заклятые враги свободного рынка. Революция Ла Нага сокрушила их политическую философию, Устав Федерации выбросил ее на свалку истории. Но Перестройщики не отступались, маскируя свои амбиции под притворную заботу об обществе, провозглашая гуманитарные лозунги и под их прикрытием совершая маневры с целью взять под контроль межзвездную торговлю.

*Из книги Эммерца Фенти «Звезды
на продажу: экономическая история
освоенного космоса»*

Пролог

Спецпомещение располагалось в дальнем конце здания на задворках федерального комплекса, которое Долгосрочный Фонд Перестройки Федерации арендовал более двадцати стандартных лет назад, целиком оплатив дорогую широкомасштабную реконструкцию.

Окна сняли, проемы заложили, заделали наглухо. Стены залили густой смесью синтестона с проклад-

кой из микросетки, которая в активированном состоянии глушит не только вибрации в самих стенах, но и любую электронную передачу, за исключением подпространственной. Сплошь затянувшая помещение вместе с дверями сетка гарантировала, что любой наружный усилитель, пытающийся записать звучащие в комнате голоса, уловит лишь неразборчивый шум и больше ничего. В качестве заключительного штриха добавилась пси-изоляция. Кроме подпространственного, ни один передатчик не отправит сообщение изнутри здания, где вдобавок невозможно спрятать даже самый миниатюрный на свете жучок.

Особенно в спецпомещении. Абсолютно голые стены, пол, потолок освещались напольными безбатарейными лампами. Вся мебель была изготовлена из прозрачного кристаллического полимера, весьма популярного лет двадцать назад. Здесь не имелось ни одного укромного места для какой-либо аппаратуры слежения, а любая попытка встроить ее в стену повредила бы микросетку, подав сигнал тревоги. Это был «секретный кабинет», предназначенный для особых совещаний верхнего эшелона движения Перестройщиков. Именно такое совещание созвал сегодня Элсон де Блуаз.

Первым вошел Даглас Хейбл, великий патриарх движения, ныне почти отошедший от дел. Он с некоторым усилием прошел мимо председательского кресла — ныне принадлежащего де Блуазу — и расположился на противоположном конце стола заседаний.

Вскоре явился Фило Барт — дерзкий самоуверенный грубиян с заметным брюшком, прочно окопавшийся на посту представителя своего сектора в Федерации.

— Привет, Даг, — буркнул он, тяжело рухнув в кресло.

После чего они с Хейблом принялись тихо и деловито обсуждать приближающиеся каникулы, когда всем представителям предстоит соответственно разъехаться по родным мирам.

Затем прибыл хмуро, сердито насупившийся Дойл Катера — молодая восходящая звезда на перестроечном небосводе, но с переменчивым, словно ртуть, настроением, который вдобавок терпеть не мог «спецпомещение». Кивнув двоим другим присутствующим, он сел, мрачно застыв в ожидании.

Через короткое время состоялся торжественный выход Элсона де Блуаза, тщательно рассчитавшего, чтоб явиться последним.

Де Блуаз — грузноватый, чрезвычайно самоуверенный с виду мужчина с темными волосами и в самую меру седыми висками — плотно закрыл за собой скользящую дверь, нажал кнопку посередине, сомкнувшую микросетку в створке с микросеткой в стенах, затем решительно занял место во главе стола и вытащил из кармана блокнотик.

— Что ж, — приятным дружелюбным тоном начал он, — по-моему, всем известно, по какой причине мы здесь собрались.

— По какой причине именно здесь — неизвестно, — с дерзким вызовом вставил Катера.

Де Блуаз продолжал с прежней учтивостью:

— Мы с Дагом и Фило хорошо осведомлены о ваших возражениях против мер безопасности в этой комнате, Дойл, но считаем их неизбежным злом.

— Особенно на данной стадии игры, — подхватил Хейбл. — Мы находимся в Центре Федерации, а этой планетой заправляют сторонники Устава. И хотя я должен признать, что за время моей долгой

карьеры они в принципе не посягали на наши секреты, за рамками политических кругов имеются другие, не столь щепетильные личности. У меня есть надежные сведения, что кто-то пристально следит за нами в последнее время, особенно за вами, Элс. Мне пока неизвестно, кто именно, однако подчеркну, что на данной стадии осуществления нашего плана любая осторожность не лишняя. Ясно, Дойл?

— Ладно, — сдался Катера. — Пока примирюсь с параноидным бредом насчет безопасности. Давайте перейдем к делу и покончим с проблемой.

— Я целиком и полностью за, — пробормотал Барт. — Проблема, как я понимаю, в деньгах.

— Как всегда, — подтвердил де Блуаз.

Он старательно избегал участия в предыдущем обмене репликами, изображая благородное беспристрастие. Презирал Катеру за наглые склонности выскочки и — хотя даже себе редко в том признавался — за потенциальную угрозу своему статусу знаменосца движения, однако почти тридцать лет активной политической жизни научили его скрывать личные чувства.

— Секторальные казначеи подняли небольшой шум насчет суммы, — сообщил Барт. — Говорят, даже не представляют, на какой проект может понадобиться столько денег.

— Надеюсь, все требовали ту самую сумму, о которой мы договорились, — сказал де Блуаз, поглядывая на Катеру.

Тот выдержал его взгляд.

— Конечно. Объяснили, что деньги пойдут на расширенное исследование вопроса о том, почему Устав Ла Нага ставит в невыгодное положение многие планеты Федерации. В это практически невоз-

можно поверить, но, пожалуй, если план провалится, можно будет в конце концов спасти товар, брошенный на рынок.

— За план не опасайтесь, — успокоил его де Блуаз. — А вот деньги... выделяют ли казначейства необходимые средства?

— Выделят, — кивнул Барт, — хоть без большой охоты. Если бы не короткое выступление Дага, до сих пор бы брыкались.

Хейбл просиял. Он записал небольшое вдохновенное обращение, которое представители распространили в секторальных комитетах. Оно призывало каждого комитетского Перестройщика помочь решению насущной проблемы: найти деньги на сбор важной информации, с помощью которой лидеры откроют глаза Федеральному Собранию, переманив его на свою сторону.

— Хорошая речь, пусть даже я это сам говорю.

— Действительно, — подтвердил де Блуаз, — и кажется, она сработала, вот что самое главное. Мы, наконец, получили возможность привести план в действие.

— У меня все-таки есть возражения, Элсон, — заявил Катера.

Все присутствующие в спецпомещении затаили дыхание. От сектора Катеры — одного из самых богатых — рассчитывали получить крупный вклад. Если он отступит...

— Какие же у вас могут быть возражения против плана, Дойл? — максимально возможным отеческим тоном спросил де Блуаз.

— Фактически возникает моральный вопрос. Вправе ли мы разыгрывать политические игры вокруг технологического открытия подобного масштаба? Оно способно произвести революцию в межзвезд-

ных перелетах и со временем тесно связать все планеты, которые станут близкими соседями...

— Мы не играем в игры, Дойл, — горячо заверил де Блуаз. — С осуществлением замысла мы приблизимся к целям движения. Такая возможность выпадает раз в жизни — раз в тысячелетие! Если должным образом ею воспользоваться, все наши труды и усилия полностью вознаградятся. А если мы сейчас за нее не ухватимся, не извлечем пользы, то не достойны именовать себя Перестройщиками.

— Я побывал на Диле...

Де Блуаз резко махнул рукой:

— Мы же договорились — никаких имен и названий! Всем известно, о ком идет речь и где он проживает.

— Ну, значит, всем также известно, что это личность неуравновешенная и ненадежная! Возможно, его изобретение никогда не попадет к нам в руки.

— Не беспокойся об этом, — вставил Барт. — Как только мы придем к власти, он будет вынужден передать его нам. Никакие личные капризы и причуды не преградят нам дорогу — это мы гарантируем.

Катера, нахмурившись, покачал головой:

— Все равно, мне это не нравится.

— Советую вам изменить свое мнение, — прошипел де Блуаз.

Он вскочил на ноги, выдавливая слова сквозь стиснутые зубы. Не поймешь, то ли Катера искренне озабочен, то ли просто затевает политическую игру. Надо раз навсегда разобраться, здесь и сейчас.

— Нашему движению в данный момент чуть больше ста лет, и за это время мы одержали значительные победы. Сначала его составляла горст-

ка недовольных депутатов, теперь целые сектора причисляют себя к Перестройщикам. Однако мы пребываем в застое и все это знаем. Да, на публике совершаем красивые жесты, произносим хлесткие общие фразы, но наша точка зрения утратила влияние и силу. Некоторые аналитики даже подмечают на некоторых условно поддерживающих нас планетах отступнические тенденции.

Де Блуаз помолчал, дав слушателям время усвоить сказанное.

— Наши выступления не вызывают в Собрании ни малейшего интереса, все предложения о поправках в Уставе одно за другим отвергаются. Скоро коллеги задумаются, действительно ли мы знаем, что делаем, и, может быть, через короткое время наши места в Собрании займут другие, если немедленно не принять меры!

Последовало продолжительное молчание. Катера сквозь прозрачное сиденье пристально разглядывал свои туфли и в конце концов тихо вымолвил:

— Я прослежу, чтобы средства, имеющиеся в моем распоряжении, сегодня же поступили на счет.

— Спасибо, Дойл! — примирительно поблагодарил де Блуаз, вновь усевшись. — На сколько можно рассчитывать?

Катера передернул плечами:

— Точно не знаю. Деньги в разных валютах, конечно. Думаю, после конверсии общая сумма составит примерно полмиллиона федеральных кредиток.

— Великолепно! Фило?..

И они продолжали подсчитывать вклады, ни сном, ни духом не подозревая, что все их разговоры прослушаны и записаны.

Ход общественных событий нередко определяют незначительные с виду личности, занимающие незначительное с виду положение. За современную ситуацию в освоенном космосе надо, пожалуй, во многом благодарить или винить — в зависимости от вашей философской точки зрения — членов одной семьи, о которой вам, безусловно, ничего не известно, если вы не связаны с межзвездной торговлей. Как их фамилия? Финч.

Из книги Эммерца Фент «Звезды на продажу: экономическая история освоенного космоса»

1. СТАРИК ПИТ

— Ах, как бы мне хотелось свернуть ему шею! — пробормотал старик Пит в пустоту.

Растянувшись на песке, он прослушивал запись под лучами солнца Рагны спектрального класса G2, преодолевавшими расстояние приблизительно в 156 миллионов километров. Ему было восемьдесят один год, но на свои лета он никогда не выглядел, никогда их не чувствовал. Ноги, правда, толстые, жилистые — настоящие петушинные, по его выражению, — кожа обвисла на шее и сморщилась вокруг глаз, прежняя шевелюра начисто исчезла спереди, но двигался старик Пит легко и быстро, энергично размахивая руками и прямо держа спину.

Он любил солнце. Любил на нем сидеть, греться, жариться. Седеющие волосы выгорели добела, загрубевшая кожа приобрела темно-коричневый оттенок, подчеркивая карий цвет глаз. Только на высоком лбу шелушились белые чешуйки. Врач

сказал, актинический кератоз, или как там его. От чрезмерного воздействия солнца, особенно на Рагне с ее относительно тонким озоновым слоем. Может развиться рак кожи, сказал врач. Поберегитесь. Вот эта примочка размягчает ороговевший слой. Либо отныне ежедневно пользуйтесь лосьоном для загара, либо сидите в тени.

Старик Пит не сделал ни того ни другого. Если кератоз превратится в злокачественный, найдется еще какая-нибудь примочка. А до тех пор от всей души порадуемся солнцу.

Вдобавок это его личное солнце. По крайней мере, то, что светит на этот вот остров. Море Кель простирается во все стороны до сплошного ровного горизонта, где сливается с более светлой голубизной неба. Остров представляет собой продолговатый каменисто-песчаный клочок длиной около километра, шириной вдвое меньше, с единственным домом, редкими чешуйчатыми деревьями — пожалуй, и все. Но это собственность Питера Пакстона, и ничья больше. Он купил его вскоре после ухода из КАМБа и редко покидал. Для таких случаев на крыше дома стоит на приколе флитер высшего класса.

Итак, старик Пит лежал на берегу на спине, с залитыми красным светом глазами от проникавшего под веки солнца, и вслушивался в записанные мужские голоса. В правой руке держал распечатку, предпочитая слышать оригинал. На бумаге не воспроизводятся тончайшие нюансы интонаций, не менее для него важные, чем значение слов.

Он и без распечатки прекрасно знал, кто когда говорит. Никогда этих людей не встречал, но голоса, звучавшие в записи, были ему знакомы насколько не хуже собственного. Старик Пит уже

много лет время от времени устанавливал слежку за иерархами Перестройщиков, а получив не так давно сообщение о подготовке во внутреннем круге чего-то особенного и до жути секретного, повысил бдительность. Обязательно надо выяснить, что затевается.

Запись кончилась. Он с кряхтеньем сел.

— Бедный Дойл Катера — чуть не вляпался по уши в неприятности. Моральные принципы серьезно пытались пробиться наружу. И почти что пробились. Тогда де Блауз прозрачно намекнул на выборы, на угрозу лишиться места в Собрании — важнейшие для политика вещи, — и этические соображения снова нырнули на самое дно. Ну что ж, — вздохнул он, — пожалуй, ничего больше ждать не приходится...

Прибывший на остров гость бесстрастно сидел с другой стороны от плеера. Старик Пит посмотрел на него.

— Что скажешь, Энди? — спросил он.

Эндрю Телла пожал плечами. Манеры этого невысокого смуглого темноволосого мужчины до сих пор свидетельствовали о прошлых усиленных тренировках в рядах федеральных вооруженных сил. Ему не хотелось высказывать свое мнение. Он сыщик, оперативник. Его дело — добывать информацию, и это у него хорошо получается. Клиент — старик Пит — завел речь об этике, а Телла не любил обсуждать нравственные проблемы. Не то что сама тема ему неприятна, просто его моральный кодекс несколько отличается от представлений большинства других людей. Он без зазрения совести лезет в дела, которые окружающие стараются держать в секрете. Происходят события, свершаются факты. Они принадлежат тем, кто может их об-

наружить и вывести. Отчасти поэтому Энди и занимается своим делом — ради процесса поиска и открытия. Тем не менее даже этот процесс иногда бывает банальным и скучным — разгадывай замыслы или следи за поступками жен, деловых партнеров, конкурентов клиентов... Но потом подвернется какой-нибудь Питер Пакстон, и начинаются совсем новые игры. Заказчик без всяких политических связей желает проникнуть в секреты крупнейших политиков Федерации. Вот настоящая задача, и очень даже прибыльная.

Не получив словесного ответа, старик Пит продолжал:

— Ты отлично управился. Действительно всадил жучок в засекреченный конференц-зал! Как же это тебе удалось?

— Без всякого труда, — самодовольно ухмыльнулся Телла. — Лопухи установили мудреную охранную систему, сетки-глушилки, детекторы, поставили дурацкую прозрачную мебель, а входящих сканировать не додумались. Я просто ночью перед совещанием запихнул жучок в каблук левого башмака Катеры, а через два дня вытащил. Результат вы только что слышали.

Старик Пит рассмеялся, устремив взгляд к горизонту:

— Все бы отдал, чтоб сунуть эту самую запись под нос де Блуазу и прокрутить. К сожалению, об этом не может быть речи. Пусть спокойненько идут своей дорогой в прежней уверенности, будто их замыслы остаются большим секретом. — Он помолчал. — Знаешь, а ведь мы во второй раз слышим упоминание о Диле. По-моему, пора тебе совершить небольшое путешествие на планету, постараться разведать, что их там так сильно интересует.

— Вариант, пожалуй, не самый практичный, — возразил Телла. — На розыски на Диле у меня, скорей всего, уйдет чересчур много времени. Лучше начать с федерального Бюро патентов и авторских прав. В конце концов, мы ищем какое-то «технологическое открытие», а только буйный сумасшедший не станет его регистрировать, прежде чем выпускать на рынок. У меня случайно имеются кое-какие связи в Бюро.

— Пожалуй, верно, — согласился Пит. — Скажи, ты когда-нибудь занимался промышленным шпионажем?

— Пару раз в самом начале, — колебавшись, признался Телла. — С тех пор у меня и остались контакты в Бюро. Впрочем, это никогда мне особо не нравилось.

Старик Пит вздернул брови, и сыщик это заметил.

— Я воров себя не считаю, — воинственно заявил он. — Раскапываю информацию, которую люди предпочитают хранить в тайне, но не краду плоды чужого труда и ума. Поэтому и работаю с Ларри. Он придерживается такого же правила.

Старик Пит изумленно всплеснул руками:

— Разве я сомневаюсь в твоих моральных принципах?

— Судя по выражению вашего лица.

— Ты слишком чувствительный и обидчивый. Прежде чем тебя нанять, я вас с твоим партнером — Ларри Изли — досконально проверил. Знаешь, провел тщательное исследование. Подыскивал работающих под прикрытием оперативников, которые серьезно относятся к своему делу и к своей репутации. Вы оба отвечаете требованиям. Теперь отправляйся в Центр Федерации, на Дил, куда сочтешь нужным,

разузнай все возможное об открытии, за которым гоняется де Блуаз со своими крысами.

Несколько смягчившись, Эндрю Телла кивнул и потянулся к стоявшему между ними плееру. Накрыв его сверху маленькой коробочкой, нажал кнопку, крошечный серебристый шарик прыгнул в нее, притянутый магнитом, после чего коробочка, щелкнув, захлопнулась. Он встал на ноги.

— У вас средства, конечно, имеются, мистер Пакстон, — заметил Энди, окинув взглядом остров и дом, — но, если вы пожелаете нарушить их планы и отвесить в зад пару пинков, понадобится гораздо больше.

— Почему ты решил, будто я вообще собираюсь вмешаться? Может быть, доживающего свои дни старика просто терзает праздное любопытство...

Сыщик ухмыльнулся:

— Кого вы пытаетесь провести? Сами сейчас говорили про тщательное исследование. Это *моя* профессия. Думаете, я по вашему поручению побежал шпионить в Центр Федерации, предварительно не проверив, кто вы такой, где были и как туда попали? Насколько мне известно, вы за всю свою жизнь не сделали ни единого шага без определенной конечной цели. Для вас данный случай не просто политика — тут у вас еще личная ставка, но это ваше дело. Просто предупреждаю: в деле замешаны весьма влиятельные шишки. Вам понадобится помощь, мистер Пакстон.

Старик Пит вновь опрокинулся на спину на песок и закрыл глаза.

— Это я прекрасно понимаю. Только пока давай посмотрим, нельзя ли точно выяснить, за чем они охотятся. — Не открывая глаз, он махнул рукой. — Сообщи, когда что-то узнаешь.

Старик Пит лежал, обдумывая имеющиеся варианты, ощущая затылком вибрацию раскаленного песка от удалявшихся шагов Теллы. В голове забродили мысли. Надо немедленно приступать к организации контрудара, иначе он рискует оказаться не подготовленным к началу решительных действий.

Значит, придется вернуться в КАМБ.

На него нахлынул поток воспоминаний. Более полувека назад они с Джо Финчем на жалкие гроши основали Консультативное агентство по межзвездному бизнесу. Если точно сказать, с тех пор прошло пятьдесят четыре года. Трудно поверить, что утекло столько времени. Но, припомнив успехи и достижения, удивляешься, чего они успели добиться.

Все началось на Земле, когда совсем молоденький Питер Пакстон получил от Джозефа Финча, издателя и редактора компании «Финч-Хаус букс» сообщение, что его рукопись о теории и практике межзвездного бизнеса принята к публикации. Мистеру Финчу хотелось бы лично с ним встретиться.

Первая встреча до сих пор отчетливо жива в памяти. Сгорбившись над захламленным письменным столом, Джо Финч, то и дело впиваясь в собеседника пронзительным взглядом, объяснял, какую революцию произведет книга Пита в межзвездной торговле. Причем — подумать только — написанная автором, который даже в выходные никогда на Луне не бывал!

Весь день они сидели в кабинете. Джо Финч — всеядный ненасытный пожиратель информации — обладал впечатляюще широкими интересами и познаниями. Пространно, со знанием тонкостей,

рассуждал о последних попытках бурения нейтронных звезд, огласил импровизированную диссертацию о причинах недавнего пополнения списка исчезнувших с лица Земли образцов флоры и фауны, предложил техническое толкование собственных экспериментальных способов голографической фотосъемки, перешел к изложению своего непоколебимо неортодоксального взгляда на нынешнее финансовое и политическое положение Земли. И во всех его рассуждениях сквозила невидимая логическая ниточка, неким непостижимым образом связывающая разнообразные темы в единое целое.

Не один час проболтав захлеб в офисе, новоиспеченные друзья отправились домой к Финчу, где он жил в одиночестве, не считая ручного гигантского муравьяда. Остаток вечера прошел в гостинной за разговорами и дегустацией принадлежавшей Джо Финчу исчерпывающей коллекции образцов натурального шотландского виски, пока оба не отключились в креслах.

Живя всю жизнь среди однородной, послушной и добропорядочной массы землян, Пит никогда еще не встречал такой сильной личности. Тот вечер положил начало тесной дружбе — столь тесной, что, когда Джо, навлекший на свою голову гнев главного администратора планеты, покинул Землю, Питер Пакстон, книга которого так и не вышла, отправился вместе с ним. И разумеется, с муравьемдом.

Они прилетели на Рагну, где сняли офис, решив вместо публикации дать книге Пита практическое применение. Частным предпринимателям в те времена было не так-то легко получить ссуду на Рагне, но им это удалось, и партнеры объявили об

открытии Консультативного агентства по межзвездному бизнесу — длинное название на маленькой дверце.

Вскоре приступили к консультациям. Пошли первые клиенты — немногочисленные мелкие независимые торговцы с робкими мечтами об укрупнении или слиянии. Пит закладывал в свои теоретические программы данные о типе продукции, демографические прогнозы, оценки численности населения, политические переменные для конкретного сектора и так далее, прогонял на компьютере в абонированное время. Потом компьютерные результаты прогонялись через Джо Финча, который их обрабатывал с помощью необъяснимого сочетания интуиции и рыночного опыта. Затем разрабатывалась стратегия.

Успех шел в руки медленно. Эффективность программ КАМБа никогда сразу не проявлялась. Окончательное доказательство, как всегда, давал рынок, а на это нужно было время. Однако Джо с Питом тщательно выбирали клиентов, отсеивая фантазеров и легковверных художников от серьезных предпринимателей, и через шесть-семь стандартных лет по торговым путям разнеслась весть, что двое парней из маленькой конторки на Рагне свое дело по-настоящему знают.

Жиденький ручеек заказов вскоре разлился неиссякаемым потоком, КАМБ начал перебираться в более просторные помещения, обзаводиться вспомогательным персоналом. К тому времени оба партнера обрели спутниц жизни, Джо стал отцом Джозефа Финча-младшего, жизнь была прекрасна.

Агентство расширялось, заключив за два стандартных десятилетия постоянные деловые контракты со многими ведущими фирмами, заняты-

ми в межзвездной торговле, которые даже не думали выйти на новый рынок, предварительно не посоветовавшись с Джо и Питом. Впрочем, партнерам особенно нравились маленькие маргинальные предприятия, предлагавшие принципиально новую продукцию, способы производства, фантастические теории, в которые никто не верил. Крупные престижные контракты поддерживали КАМБ на плаву, сомнительные не позволяли владельцам потерять интерес к делу. С первых клиентов они получали умеренный гонорар за услуги, с последними договаривались о проценте с дохода через тот или иной период времени.

Шли годы.

Они разбогатели. Когда в другие миры просочились известия о подвигах Джо на Земле, которые разлучили его с родной планетой, он стал на Рагне знаменитостью своего рода. Бездетный брак Пита распался. С планеты на планету распространялось психическое заболевание под названием «белая горячка», поразившее нескольких сотрудников КАМБа. С Толивы явился мужчина, именующий себя Целителем, заявляя, что лечит горячку, и действительно это ему удавалось. КАМБ заключил контракт на строительство собственного административного здания, сдавая помещения другим частным фирмам.

Бывали забавные необычные случаи. Однажды, к примеру, Джо с Питом чуть не лишились целого состояния, одураченные чрезмерно продвинутым клоном известнейшего в освоенном космосе финансиста. Клон, разумеется, был уничтожен — по Закону о клонах, действующему почти на всех планетах, — о чем они оба страшно жалели, полностью очарованные мошенником.

Пережили почти подлинную трагедию, когда Джо-младший вскоре после поступления в фирму едва не погиб при утечке радиации на строительной площадке. Тогда ему было всего восемнадцать, он умудрился выжить.

Отпраздновали появление на свет Джозефины Финч, пополнившей супружеский союз Младшего через пять лет после женитьбы. Чуть позже по стандартам внешних миров событие вознаградило ожидания всех заинтересованных лиц.

Потом разразилась истинная трагедия. На высоте двух километров у флитера, в котором летел Джо-старший с женой и невесткой, отказал двигатель.

Дела временно пришли в расстройство. Хотя Джо поговаривал, что через несколько месяцев выйдет в отставку, отметив семидесятипятилетие, совпадавшее с тридцатипятилетием КАМБа, никто не воспринимал разговоры всерьез. Каждый твердо надеялся еще долгие годы после официальной отставки каждое утро видеть его в офисе. Теперь его не стало. С тех пор КАМБ никогда уже не был прежним.

Все, включая Питу, видели в сыне Джо его преемника, которому суждено заполнить пустоту, но Младший не оправдал ожиданий. По неким соображениям, известным лишь ему самому, он покинул Рагну без какой-либо конкретной цели. С тех пор никто о нем не слышал, никто его не видел. Тело год спустя обнаружили в глухом переулке на Джебинозе с церемониальным кинжалом ванеков в сердце.

Перед отъездом Младший доверил свой пакет акций Питу, в руки которого после его смерти полностью перешел КАМБ. Однако старик Пит — приблизительно в то время приставка «старик» беспово-

ротной приклеилась к его имени — категорически не желал заниматься делами. Он назначил совет директоров под своим председательством, взяв за твердое правило никогда не присутствовать на заседаниях. Так продолжалось несколько лет. Директора обеспечивали вполне приличную деятельность агентства, хоть без прежнего пыла и блеска, укрепляя в процессе свое положение. Старик Пит не обращал на них никакого внимания, увлекшись новым хобби, которое называл «политическим шпионажем», уделяя ему почти все время. Он преследовал свои цели, используя лучшие методы, какие можно купить за деньги. Хобби как бы успокаивало предчувствие надвигающейся политической угрозы, унаследованное от старшего Джо.

Сложившееся положение дел длилось бы до бесконечности, если бы в один прекрасный день в кабинет старика Пита не ворвалась привлекательная и довольно воинственно настроенная девятнадцатилетняя девушка, потребовав передать в ее распоряжение отцовский пакет акций КАМБа. Джозефина Финч достигла совершеннолетия.

Старик Пит без всяких колебаний отдал ей акции. Единственная наследница Младшего имела на то полное право. Потом она попросила доверить ей на время его акции, и он согласился по собственным тайным причинам. Потом Джозефина Финч принялась переворачивать КАМБ с ног на голову. Результат повлек за собой лавину добровольных отставок в совете директоров и насильственное увольнение самого старика Пита.

Уйдя из агентства, он получил возможность уделять больше времени политическому шпионажу и вот теперь наткнулся на нечто угрожающее межзвездной торговле в целом. Что замышляется, точ-

но пока неизвестно, но, если Перестройщики толкуют о полумиллионе федеральных кредиток, дело серьезное. Очень серьезное. А то, что хорошо для Перестройщиков, плохо для старика Пита — плохо для КАМБа, для компаний, которые он много лет консультировал, плохо для свободы, которая до сих пор придавала смысл его жизни.

Телла прав. Задача для него непосильная. Потребуется помощь, которую можно получить только в КАМБе.

Подобное заключение не принесло большого облегчения. Между ним и Джо до сих пор чувствуется неприязнь — исключительно с ее стороны. Вынужденная отставка удивила и обидела старика Пита, особенно после того, как он, вопреки возражениям совета директоров, передал ей свои акции, но он не стал бороться. Давненько серьезно подумывал об отказе от номинально активной роли в компании, не предпринимая конкретных шагов. Увольнение решило проблему, и старик Пит спокойно уехал на остров в море Кель, купленный вскоре после смерти Младшего.

Нет, он на нее зла не держит — для этого девушка слишком похожа на Младшего. Хотелось бы сказать о ней то же самое. Ничего понять невозможно. Она неизменно относится к нему с подспудной враждебностью, причем без каких-либо видимых поводов.

Старик Пит задумчиво вздохнул, поднялся на колени, встал на ноги. Страшно не хочется покидать остров. Больше того, страшно думать о новой встрече лицом к лицу с бешеной, дикой девчонкой. Потому что при виде ее обязательно возвращаются воспоминания о Джо-младшем.

А вспоминать Младшего всегда немного грустно.

2. МЛАДШИЙ

Двое мужчин рассеянно смотрели на суетливый космопорт внизу.

— Ну и куда ты теперь направляешься? — спросил старший, видно искренне озабоченный.

Джо Финч-младший пожал плечами:

— Да, собственно, пока не решил. Может, в какой-нибудь другой сектор.

— А как же агентство?..

— Всего только на год, Пит. КАМБ к тому же наверняка без меня обойдется. Если кто-нибудь способен позаботиться о делах, так это ты. В любом случае после гибели папы я вносил не такой уж значительный вклад.

— Нельзя же вот так просто взять, все бросить и уехать, — возразил Пакстон. — Подумай о Джозефине!

Младший положил руку ему на плечо. Они были близки — в детстве он звал его дядей Питом, а тот относился к нему по-отечески, особенно после смерти Джо-старшего.

— Слушай, ей сейчас десять. Три года после катастрофы я старался быть ей отцом и матерью. Возможно, в данный момент она ко мне чрезмерно привязана, но год потерпит. Мне стукнуло тридцать три, и я должен на время уехать, иначе никогда уже ни для кого не буду представлять ни малейшего интереса. Особенно для себя самого.

— Знаю, что у тебя на уме вертится, — серьезно кивнул Пакстон, — поэтому пойми меня правильно... не лучше ли влезть на горную вершину или что-нибудь вроде того?

Младший рассмеялся:

— Не хочу превращаться в заядлого скалолаза. Я... просто не ощущаю причастности к КАМБу, и все.

Это не мое агентство. Оно твое и папино. Я ничего не сделал для его основания и расширения. Оно просто досталось мне в руки.

— Агентство и впредь будет расти, — возразил Пакстон. — Ты можешь сыграть в его судьбе огромную роль. Фактически, знаешь, будущее КАМБа в конечном счете от тебя зависит. Если ты сейчас его бросишь, трудно сказать...

— При нынешнем положении дел, — перебил его Младший, — КАМБ с легкостью продержится десяток лет без чьей-либо помощи. Я нисколько не чувствую себя виноватым за отлучку на год.

— И что будешь делать?

— Займусь чем-нибудь... — Он протянул руку. — До свидания, Пит. Как только доберусь куда-нибудь, обязательно сообщу.

Питер Пакстон смотрел вслед сторбленной фигуре, шаркавшей по направлению к выходу на посадку. Мужчина, проживший жизнь в тени собственного отца, единственный сын Джо Финча, старается доказать себе, что стоит этого титула. Горько видеть, как мальчик уходит, но, с другой стороны, радостно, что у него хватило на это духу. В конце концов, всего на год. Может быть, за это время он сумеет найти себя или как-нибудь смириться с собой. В любом случае в нынешнем состоянии агентству от него мало пользы.

Оба они расстались в уверенности, что это к лучшему и всего только на год, даже не подозревая, что меньше чем через год один из них будет мертв.

Младший сам точно не знал, почему остановил выбор на Джебинозе. Может быть, как-то слышал о возникшей там мелкой расовой проблеме, и эта

информация, застряв в подсознании, дождалась подходящего момента, подтолкнула к планете. Возможно, его влекли перемены. На Джебинозе кос-что постепенно менялось.

История планеты представляла собой грязноватое пятнышко на ранних этапах межзвездной колонизации. В старые времена раскола во все стороны направлялись исследовательские экспедиции в поисках планет земного класса. Правительство Земли тогда разрешало свободно лететь к подходящей планете любым диссидентам, жаждущим возможности практически осуществить свое собственное представление об идеальном обществе. Подобная политика служила многим целям: земляне покидали замкнутую сферу пространства с Землей в приблизительном центре; человечество начинало утрачивать однообразие, отрываясь от целого, самостоятельно развиваясь; с плеч земной бюрократии сваливался непомерный груз — ради чего в действительности и задумывался план в целом, — когда с планеты скатертью расстелилась дорожка для чем-то недовольных землян и свободных мыслителей.

Других планет требовалось немало, перед разведывательными экспедициями стояла непростая задача. Порой они допускали небрежные промахи. Главным критерием классификации планеты как пригодной для колонизации служило отсутствие местных «разумных» видов. Никто точно не знал, что именно подразумевается под «разумными», но в основном было принято отделять разумных от неразумных по признаку изготовления орудий. В ходе бесконечных серьезных дискуссий обсуждалась допустимость использования единственного критерия для определения положения расы на ин-

теллектуальной шкале, но эти дискуссии шли на Земле. Конкретное решение по своему усмотрению принимали разведчики, по-прежнему руководствуясь изготовлением орудий.

Впрочем, допущенная на Джебинозе промашка не имела ничего общего с интерпретацией правил. После весьма беглого обследования планету зачислили в категорию «М» (земной тип, пригодный для заселения). Колонисты искренне удивились, обнаружив, что делят ее с племенем примитивных гуманоидов.

Никто как следует не знает ранней колониальной истории Джебинозы. Высадившаяся там отколовшаяся группа состояла из третьестепенных синдикалистов, прославившихся только полной неспособностью решить проблемы колонизации. С точки зрения аборигенов, ни один ее представитель не сумел бы пережить первую зиму.

Загадочные инопланетяне ванеки были малочисленными тихими, мирными и покорными фаталистами, истово исповедовали довольно туманную религию, которая требовала гостеприимно приветствовать любых новых пришельцев. Их цивилизация достигла аграрной стадии развития, на которой они и желали остаться.

Гуманоиды с синевато-серой кожей и длинными веретенообразными руками сумели с легкостью подружиться с колонистами. И вскоре полностью их поглотили.

Феномен скрещивания людей с ванеками еще ждет объяснений. Существует масса теорий, ни одна из которых не получила общего признания. Тем не менее факт остается фактом. Колония на Джебинозе, подобно многим прочим отколовшимся колониям, была прочно забыта, пока новая Фе-

дерация не попыталась привести в порядок хаотичную миграцию человечества в разные стороны. К моменту повторного открытия Джебинозы человеческие и ванекские гены слились в однородную смесь.

Последовали новые жаркие дебаты. Одни утверждали, что после полной ассимиляции первой колонии вторичное заселение фактически будет вторжением в инопланетную культуру. Другие доказывали, что нынешние ванеки отчасти люди и поэтому имеют право на доступ к земной технологии. Кроме того, Джебиноза чрезвычайно выгодно расположена неподалеку от возникавшего в высшей степени перспективного торгового пути.

Джебинозу заселили вторично. Хотя потенциал торгового пути так и не раскрылся. Сначала со строительством космопортов и городов численность населения планеты резко выросла. Потом рост замедлился, стабилизировался, некоторые закаленные граждане перебирались вглубь, где на довольно низком технологическом уровне жили ванеки. Джебиноза была типичной средней планетой с современными городами в относительно примитивном окружении — не отсталой, но и далеко не центром межпланетной деятельности.

Племена ванеков были рассеяны по планете, главным образом в сельскохозяйственных областях. Через одну из них брел Младший, высокий, жилистый, с хорошо развитой мускулатурой на легком каркасе. Непослушные песочные волосы, накрывавшие сверху уши и выющиеся на шее, унаследованы от матери, прямой длинный нос, голубые глаза и уверенные движения — от отца. Лицо красивое, открытое, симпатичное, готовое принять Вселенную такой, какова она есть, пока

не появится основательная причина ее изменить. Плечи постоянно сторблены, хотя это не связано с какой-либо физической аномалией. Всю жизнь ему велели держать спину ровно, но он так и не распрямился.

Со временем странствия привели его в город Данцер — крошечное местечко, центр которого составляли восемь деревянных гостроек, включая универмаг со столовой. По грязной центральной улице бегали взад-вперед немногочисленные наземные автомобили. По обеим сторонам от нее тянулся приподнятый деревянный тротуар. Младший нашел укромное местечко на правой стороне, сбросил рюкзак и уселся.

Путешествовал он не один день и совсем выдохся. Прислонился затылком к столбу, закрыл глаза, подставил вспотевшее лицо прохладному ветерку на просушку, придя к заключению, что находится в неплохом физическом состоянии. Кругом одни колдобины! Столь красивые издали округлые холмы оказались на поверку чистой мукой, особенно при лишней десятой доле «же». Можно было взять напрокат, а то сразу купить флитер или наземный автомобиль, от чего он отказался, теперь усомнившись в разумности собственного решения.

Когда высохла последняя капля пота, Младший снова открыл глаза и увидел мужчину средних лет, который пристально его разглядывал через дорогу. Еще немного поглазев, сошел с тротуара и направился взглянуть поближе

— Новенький, да? — спросил он с провинциальным выговором, протянув правую руку. — Меня зовут Марвин Хебер, я в Данцере каждую собаку знаю.

Младший пожал эту самую руку — лишь слегка загруbevшую, не крестьянскую.

— Финч-младший, действительно новенький. Совсем новенький.

Хебер уселся с ним рядом, сдвинул шляпу на затылок. Лицо обветренное, красновато-коричневое до четкой границы, образованной круглым ободком от шляпных полей в двух сантиметрах выше бровей, за которой открывалась чисто-белая кожа. Сухопарый костлявый мужчина среднего роста, без нескольких зубов — для Младшего непривычное зрелище, — нынче утром, видно, забывший намазаться депилятором. Не слишком впечатляющая личность этот самый Марвин Хебер, однако по быстрому пытливому взгляду Младший догадался, что он представляет собой нечто большее, чем кажется с виду.

— Только что к нам прибыли, да?

— Нет. Просто мимо иду. Хожу по округе, глядя по сторонам.

— Видели что-нибудь интересное?

Мужчина ничуть не скрывал жгучего неумного любопытства. Младший решил по возможности не слишком откровенничать.

— Очень много невозделанной земли.

Хебер кивнул, окинув взглядом нового знакомого.

— Если захотите устроиться, мы вам наверняка поможем найти место.

— Кто это «мы»? — спросил в свою очередь Младший.

— Фактически я. Употребляю множественное число в редакционном смысле.

Теперь Младший полностью удостоверился, что этот мужчина вовсе не тот, кем кажется. Он по-

спешно подыскивал следующее замечание и не успел найти — приближение странной с виду фигуры изменило ход беседы. К нему подошел старик нищий с веретенообразными руками в пыльном балахоне, выпрашивая альм. Кожа синевато-серая, черные волосы забраны назад с высокого лба и заплетены в одну косу, перекинутую через левое плечо.

Младший покопался в кармане, выудил несколько мелких монеток, бросил в протянутую низко опущенную чашку.

— Колесо в колесе, бендрет, — протянул нищий высоким гнусавым тоном и поплелся вниз по улице.

— Это ванек, да? — уточнил Младший, глядя вслед удалявшейся фигуре. — Я слышал, что их в этом районе много, а после приезда впервые вижу так близко.

— Они обычно держатся особняком, сами по себе живут, в город ходят только за покупками.

Младший не ответил, надеясь, что молчание заставит Хебера отвязаться, но тот продолжал объяснения:

— Почти все время сидят в резервации.

— Их держат в резервации?

— «Держат» — не совсем подходящее слово, мой юный друг. Прежде чем Федерация разрешила заселять планету, связались с вождями ванеков, спросили, нет ли у них возражений. Те ответили: «Колесо в колесе, бендрет». Предложили выбрать место, которое они за собой пожелали бы зарезервировать — без всяких ограничений, учтите, — те ответили: «Колесо в колесе, бендрет». Тогда изучили их кочевые маршруты, нанесли на карту и передали все эти земли в исключитель-

ное пользование ванеков. — Он хмыкнул. — Если хотите знать мое мнение, пустая трата доброй земли.

— Почему?

— Потому что они уже не кочуют. Вдобавок их не так много. Всегда было мало. Где-то пятьдесят стандартных лет назад на всей планете насчитывалось около сотни тысяч — самое большее. Сейчас численность снизилась до девяноста тысяч. И похоже, такой же останется.

— Почему они перестали кочевать?

— Смысла нет. Теперь им ничего больше делать не надо. Просто сидят, медитируют да статуэтки вырезают.

— Что?

— Вы не ослышались. Статуэтки. Только тут ни одной не увидишь. Одна городская компания скупает их на корню сразу после изготовления и распродает в качестве сувениров по всему освоенному космосу. В рекламе, по-моему, сказано: «Ручные поделки инопланетных метисов».

— Знаете, — встрепенулся Младший, — я, кажется, парочку видел в антикварных лавках.

Он смутно помнил дерево с причудливой волокнистой фактурой, затейливые фантастические резные изображения сцен и пейзажей. Помнил и ярлычки с ценами.

— Стало быть, понимаете, почему у ванеков нет финансовых проблем.

— Зачем тогда они просят милостыню?

Хебер пожал плечами:

— Это как-то связано с их религией, в которой никто по-настоящему не разбирается. Попрошайничают в основном пожилые ванеки. Наверно, уходят в религию от старческого слабоумия, как и многие

люди. Слышали, что он сказал, когда вы дали ему монеты? «Колесо в колесе»...

— Угу, — кивнул Младший. — И еще добавил «бендрет» или что-то вроде того.

— «Бендрет» на языке ванеков означает «господин», «госпожа». Они так ко всем обращаются. А вот «колесо в колесе» — это что-то религиозное. Согласно традиционной легенде, старый ванекский мудрец-философ с непроизносимым именем создал теорию, по которой Вселенная составлена из бесконечных колес: колесо в колесе в колесе в колесе.

— И не сильно ошибся, не так ли?

— По-моему, нет. В любом случае ему удалось связать все — я имею в виду, *абсолютно* все — с движением этих самых колес. Дошел до того, что на любой вопрос давал один ответ — «колесо в колесе». Довольно фаталистическая философия. Ванеки верят, что в конце концов все уладится само собой, поэтому редко предпринимают решительные действия. По их убеждению, колеса совершат полный оборот, и дела образуются без их помощи. — Хебер прервался, глубоко вздохнул, выдохнул, надув щеки. — Кстати, обратили внимание на трещины в нищенской чашке?

Младший кивнул:

— Похоже, будто ее разбили, а потом снова склеили.

— Тоже религиозная тонкость. Видите ли, тот самый старый философ явился однажды на пир — в древние времена, когда ванеки были вполне энергичной варварской расой, — и вождь устроившего угощение племени начал расспрашивать о его философии. Услыхал, разумеется, тот же самый ответ: «Колесо в колесе, бендрет». Разозлился, но сдерживал

вал гнев, пока все не уселись за праздничный стол. Говорят, что во время еды старик философ повторил любимую фразу двести пятьдесят с лишним раз. В конце концов вождь не выдержал, схватил тяжелую глиняную чашку для салата и разбил о голову старика, убив его насмерть. С тех пор все нищенствующие ванеки носят глиняные салатные миски, которые разбивают и склеивают в знак того, что философ умер не напрасно.

Младший удивленно помотал головой:

— Кажется, весьма странный народ. Как местные земляне уживаются с ними?

Хебер на него покосился, а потом ответил:

— Одно можно сказать — уживаются. Не враждуют, но и определенно не дружат. К ванекам нелегко проникнуться теплыми чувствами. Приходят в город, уходят, нам от этого ни жарко ни холодно. В столице кое-кто шум поднимает, будто земляне подвергают ванеков дискриминации, и, по-моему, правда полно таких случаев, хотя дискриминация на самом деле пассивная. Если подумать, большинство здешних землян не уважают ванеков просто потому, что те не нуждаются ни в каком уважении и, соответственно, не стараются его завоевать. Дело вовсе не в расовой вражде, как думают многие новички... — Он опять покосился на Младшего. — Тот факт, что ванеки частично инопланетяне, совсем ни при чем. Это отличие второстепенное. Проблемы возникают по другим поводам.

— Например? — спросил Младший, ожидаемо отвечая на реплику.

— Во-первых, в языке ванеков отсутствует местоимение первого лица единственного числа. Некоторые старые антропологи одно время считали

это признаком коллективного сознания, но такой вывод был опровергнут. Суть в том, что они себя индивидуумами не представляют. Все едины в Большом Колесе. Поэтому землянам трудно в них видеть конкретную личность, а значит, и уважать эту самую личность.

— Больше того, — продолжал Хебер, — тут народу приходится здорово вкалывать. Горбатятся на земле до седьмого пота, чтоб добыть пропитание, а кругом целыми днями посиживают себе костлявые ванеки, режут свои деревяшки, сколачивают капиталы. Местные земляне не признают это достойным трудом.

— Отсюда снова отсутствие уважения, — заметил Младший.

— Конечно! Но попробуйте убедить в этом столичных законодателей! Собрались все вместе, сочинили какой-то билль против так называемой дискриминации ванеков, и, похоже, он будет принят. Только никакие законы не заставят землян с уважением относиться к ванекам, вот где корень проблемы. — Он пинком отшвырнул камень на середину дороги, демонстрируя таким образом раздражение. — Чертовы дурни в столице наверняка даже не знают, на что ванек похож! Просто стараются сделать себе имя в политике.

— Ну, — начал Младший, — равноправие...

— Равноправие — пустая болтовня! — последовал сердитый ответ. — Силой навязанное равноправие вполне может вызвать протест местных землян. Не хотелось бы мне это видеть. Нет, мистер... Финч... если не ошибаюсь?

Младший кивнул.

— Нет, мистер Финч. Если когда-нибудь в Данцере и других местах установится равноправие, его

должны установить местные жители, а не столица.

Младший воздержался от комментариев. Собеседник, по его мнению, явно прав, хотя невозможно понять, то ли это его искренние убеждения, то ли повод для возражения против закона, препятствующего его расовым предрассудкам. Он отметил, что альтернативных решений Хебер не предлагает.

Хебер взглянул на солнце.

— Ну, мне пора вернуться к работе.

— А чем именно вы занимаетесь, если можно спросить?

— Представляю, так сказать, городскую власть — мэр, шериф, судья, нотариус и так далее и тому подобное. — Он улыбнулся. — Рад с вами познакомиться, мистер Финч. Надеюсь, вам у нас понравится.

— И я рад познакомиться с *вами*, мистер Хебер, — ответил Младший искренне, несмотря на некоторые оговорки.

Тип, разумеется, дружелюбный и словоохотливый с виду, но зачем тратить столько времени на разъяснение отношений между землянами и ванеками незнакомому человеку? Возможно, по политическим соображениям. Если удастся настроить побольше новичков против выдвинутого на голосование антидискриминационного билля, закон, возможно, удастся провалить. Какие бы цели Хебер ни преследовал, он изложил немало ценной информации.

Младший с трудом поднялся на ноги и направился к универмагу через дорогу. Прямо у него за спиной по улице проехал «лендровер». Здесь пользуются исключительно наземным транспортом — види-

мо, из-за чрезмерной дороговизны флитеров, эксплуатации и технического обслуживания. Хебер правду сказал о тяжелом труде земледельцев на Джебинозе и о минимальной отдаче. Сельскохозяйственные земли экономически убыточны в любом смысле. Что отчасти объясняет неприязненные отношения между землянами и ванеками. Местные земляне занимают первое место по численности, владеют технологией, частными предприятиями, а экономическое положение ванеков несравненно лучше, благодаря продаже резных статуэток. Более подходящей для вражды ситуации не придумаешь.

Младший равнодушно отнесся к проблеме. Жалко, конечно, что между двумя расами возникли трения, но, если ванеки действительно столь убежденные фаталисты, как утверждает Хебер, чего о них беспокоиться?

Он подошел к универмагу. Выставленные в центральной витрине продукты и товары в сверкающей разноцветной упаковке из пластика и металлических сплавов резко контрастировали с деревянной постройкой, потрепанной непогодой. Все дома в городе сложены вручную из местного дерева. Наверно, готовые панели слишком дорого стоят.

На дверях висела написанная от руки вывеска с именем владельца заведения — Билл Джефферс. Шагнув вперед, Младший задохнулся от разнообразных запахов. В нос ударила богатейшая смесь ароматов, начиная с жареного мяса и заканчивая улучшениями.

Глаза еще не привыкли к слабому свету внутри магазина, и он прямо в дверях с кем-то столкнулся. Прищурившись и моргая, разглядел молодого ванека, пробормотал, обращаясь к закутанной в хламиду фигуре:

— Прошу прощения, почти ничего не вижу, — и пошел дальше к стойке в дальнем конце обеденного зала, не заметив, что ванек проводил его пристальным взглядом.

— Слушаю, сэр! — взревел за прилавком брыластый медведь. Гигантские ладони упирались в прилавок, сквозь растрепанную черную бороду сверкали в улыбке белые зубы. — Чем могу служить?

— Хотелось бы перекусить. Есть у вас в меню что-нибудь?

Великан прищурился:

— Видно, вы у нас новенький. Тут вы съедите не *что-нибудь*, а настоящий обед: местное мясо, местную картошку и местные овощи.

— Ну, очень хорошо, — пожал Младший плечами. — Тогда подайте мне настоящий обед.

— С удовольствием. Кстати, меня зовут Билл Джефферс, — представился он, вытер о полу рубашки правую руку и протянул Младшему.

Тот ответил на рукопожатие и тоже назвался.

— Надолго к нам, мистер Финч? — полюбопытствовал Джефферс.

Младший покачал головой:

— Вряд ли. Я просто путешествую.

Ох уж эти провинциалы! Везде суют нос. Вечно расспрашивают без всякого зазрения совести, кто ты такой, надолго ли приехал. Он привык иметь дело с людьми, которые получают подобные сведения косвенным образом.

Джефферс кивнул ему, глядя мимо.

— Тебе чего?

— Поесть, бендрет, — проговорил за спиной Младшего тоненький свистящий голосок.

Оглянувшись, он очутился лицом к лицу с ванеком, с которым случайно столкнулся в дверях.

— Привет, — кивнул Младший.

— Добрый день, бендрет, — ответил ванек.

У него был легкий костяк, гладкая сероватая кожа с синим оттенком, пронзительные черные глаза, родимое пятно цвета индиго почти посередине лба, чуть левее.

— Как дела у вас нынче? — осведомился Младший в неуклюжей попытке завязать беседу.

Несмотря на многолетнюю службу в КАМБе с его безграничными связями во всем освоенном космосе, он никогда еще близко не видел инопланетянина. Хотя считалось, что почти все ванеки несут в себе следы человеческого генетического материала, в любом другом отношении это настоящие инопланетяне. И вот один из них стоит рядом, заказывая обед. Отчаянно хотелось вступить в разговор, но он никак не мог найти общую тему для обсуждения.

— В основном мы хорошо живем, — последовал ответ.

Младший обратил внимание на множественное число местоимения, вспомнив рассказы Хебера. Предлог не слишком удачный, но, возможно, поможет разговориться.

— Я слышал, что ванеки всегда говорят «мы» вместо «я», — подобострастно начал он, чувствуя себя чрезмерно дотошным туристом. — Почему?

— Так у нас принято, — равнодушно ответил ванек. — Наставники учат, что мы едины в Большом Колесе. Может быть, так и есть. Мы не знаем. Знаем только, что обязаны так говорить, и несомненно будем. У ванеков нет слова, которое обозначает одного человека.

— Очень плохо, — с полной искренностью заявил Младший и мигом пожалел об этом.

— Почему, бендрет?

Ванек наконец-то проявил определенный интерес, и Младший понял, что надо найти деликатный, но честный ответ.

— Ну, я усвоил в ходе обучения, что раса развивается благодаря действиям отдельных личностей. По-моему, ванеки прогрессируют страшно медленно. То есть, насколько я могу судить, за последние столетия вы ничего не достигли. Может быть, именно потому, что в вашем функциональном словаре отсутствует местоимение «я». Надеюсь, вы не обидитесь на такие слова.

Ванек прищурился:

— Не надо извиняться за откровенное изложение своих мыслей. Возможно...

Он вдруг замолчал — появился обед: дымящиеся груды еды на деревянных подносах. Оба заплатили за свои порции валютой Джебинозы, и Младший надеялся, что ванек пойдет за ним следом к столикам в левом углу. Но вместо этого инопланетянин повернулся и направился к двери.

— Куда вы?

— На улицу. Обедать.

— Там слишком жарко. Давайте сядем за столик.

Ванек нерешительно оглядел пустое заведение — Джефферс скрылся где-то в глубине — и без единого дальнейшего слова проследовал за Младшим к столу.

Проголодавшись, оба уселись и сразу принялись за еду. Дважды набив полный рот, Младший спросил перед третьим глотком:

— Ну, на чем мы остановились?

Ванек посмотрел на него через стол, задумчиво жуя:

— Возможно, вы правы. Некогда мы могли утверждать, что будем развиваться, сколько пожелаем. Теперь этого не скажешь. Мы, ванеки, с готовностью приняли и воспользовались благами цивилизации, которая технологически далеко превзошла нашу собственную. Никто не хотел, чтобы в нашей культуре начался застой. В любом случае дело больше в культуре, чем в технологии. У нас...

— Эй! — раздался крик с другого конца зала. — Ты что это тут делаешь?

Младший, присмотревшись, увидел за спиной ванека стоявшего за стойкой Джефферса с пылающим взглядом.

Ванек, не оглядываясь, прихватил свой подносик и заторопился к выходу. Младший смотрел ему вслед в изумленном молчании.

— Что случилось? — спросил он. — Мы беседовали...

— Мы не разрешаем никаким ванекам здесь есть, — объяснил ему Джефферс более мягким тоном.

— Почему, черт возьми?

— Потому что не разрешаем, и все!

Младший, разозлившись, с трудом взял себя в руки.

— Знаете, это дьявольски оскорбительно для любого.

— Может быть. Только мы все равно не позволим ванекам обедать у нас.

— И кто же это «вы»?

— Я! — уточнил Джефферс, выйдя из-за стойки и приближаясь к столику Младшего. Двигался он с неожиданным для мужчины его габаритов изяществом. — Это мое заведение, и у меня есть полное право гнать отсюда нежеланных клиентов!

— Никто не утверждает, что у вас его нет, только... можно хоть чуточку уважать его достоинство. Хотя немножечко!

— Это гибрид!

— Проявите тогда уважение к той половинке, которую он получил от землян. Что скажете?

Джефферс прищурился:

— Вы, случайно, не из столичных бузотеров?

— Нет, — отрезал Младший, ткнув в картофельное пюре вилку и забирая поднос. — Я прибыл на планету всего пару недель назад.

— Значит, вы даже не с Джебинозы! — расхохотался Джефферс. — Инопланетянин!

— Разве не все мы инопланетяне? — бросил через плечо Младший, выходя в дверь.

Ванек спокойно доедал обед, сидя на тротуаре у заведения. Младший сел рядом, поставил поднос, но не мог есть, задыхаясь от справедливого, по его убеждению, гнева. Непривычное ощущение. Никогда еще он не испытывал такой ярости. Время от времени злился раньше, конечно, однако за тридцать с лишним лет спокойного и довольно уединенного существования ни с чем подобным близко не сталкивался. Чистая неприкрытая неудержимая злоба. Очень опасно. Надо глубоко вдохнуть, остыть, опять обрести здравомыслие.

— Джефферс всегда так поступает? — спросил он наконец.

— Да, — кивнул ванек. — Ведь это его заведение.

— Знаю, что его, — буркнул Младший, — безусловно признаю за ним право вести дела по своему разумению, но с вами он обошелся несправедливо.

— Здесь так принято.

— Это унижительное обращение, полное неуважение к вашему личному достоинству.

Речь вновь заходит об уважении. Хебер сказал, что местные земляне нисколько не уважают ванек. Возможно, им не за что уважать эти робкие замкнутые существа, хотя усвоенный за много лет в КАМБе образ мыслей вскипел, одним щелчком встал на место, и Младший вдруг понял, что из данцерских землян Билл Джефферс больше всех думает о ванеках.

— Мы должны изменить подобное отношение, переубедив хотя бы одного человека.

Ванек бросил на него вопросительный взгляд — и Младшего на миг поразило смысловое сходство мимики обеих рас. Любопытно... Он прогнал эту мысль. Есть дела поважнее.

— Приведите меня в свое племя, в лагерь, не знаю куда, — потребовал он. — Мы придумаем способ немножко прижать мистера Джефферса.

Имеется в виду, конечно, экономическое давление. В этой сфере члены семейства Финч чувствуют себя как дома.

Ванек вздохнул:

— Что бы вы ни задумали, ничего не получится. Старейшины никогда не согласятся на то, что может повлиять на движение Большого Колеса. Отвергнут любое ваше предложение даже не выслушав.

— Я предчувствую, что они согласятся. Кроме того, не собираюсь просить их что-нибудь делать. Напротив, попрошу *кое-чего* не делать.

Ванек вновь озадаченно посмотрел на него, потом пожал плечами:

— Тогда идите за мной. Я приведу вас к старейшинам. Только предупреждаю — ничего не выйдет.

Младший думал иначе. В поведении молодого ванека, имя которого, как выяснилось по дороге, примерно сводилось к буквосочетанию Рмрл, обнаружилось нечто неожиданное. В мелькнувшей в его взгляде искре, в дрогнувших губах читалось и чувствовалось, что при всей своей независимости, при всем показном равнодушии именно этот конкретный ванек остро переживает дискриминацию, которой ежедневно подвергается в городе со стороны землян. Младший насквозь его видел под тщательно замаскированным фасадом, зная, что можно и нужно что-нибудь сделать и что он на это способен.

3. ДЖО

Старик Пит — сплошной костлявый контраст темно-коричневой кожи и глаз, простого белого свитера и коротких седых волос — с такой легкостью и уверенностью двигался по хорошо знакомым коридорам верхнего этажа офисного здания КАМБа, что секретарша в приемной окликнуть его не решилась. Но когда он направился мимо ее стола к служебным кабинетам, сочла своим долгом вмешаться.

— Чем могу вам помочь, сэр? — вежливо спросила она.

Он с улыбкой оглянулся:

— Леди у себя?

Секретарша ответила вопросом на вопрос:

— Вам назначена встреча?

На столе у нее засветилась электронная записная книжка с затейливым маркером, готовым отыскать его фамилию.

— К сожалению, нет. Понимаете ли...

— Прошу прощения. — Мгновенно погасший аппарат подчеркнул категоричность ее тона. — Мисс Финч без предварительной договоренности никого не принимает.

Девушка умело пользовалась электронным дневником, как последним оружием, регулирующим поток посетителей в кабинеты начальства.

Старик оперся о письменный стол узловатой костлявой рукой, наклонился поближе.

— Слушай, милочка, — тихо, но властно сказал он, — ты просто доложи, что пришел старик Пит. Потом разберемся с предварительной договоренностью.

Секретарша нерешительно заколебалась. Имя старика Пита было смутно знакомо. Она пару раз ткнула маркером в записную книжку, потом пожала плечами и нажала кнопку.

— Да, Мардж, — прозвучал в воздухе женский голос.

— Вас хочет видеть какой-то старик Пит, мисс Финч.

— Это что, шутка? — уточнил голос.

— Даже не знаю, — нервно призналась девушка.

— Впустите его.

Секретарша встала, собираясь исполнить приказ, старик взмахом руки усадил ее обратно на место и направился к резным дверям из прочного нестораемого дерева маратек, переливавшегося разными цветами. Вырезанное на уровне глаз имя *Джозефина Финч* выделялось другими оттенками.

Старик Пит? — недоумевала молодая женщина в кабинете за дверью. Что он делает в КАМБе? Он должен сидеть в море Кель, исчезнув с ее глаз и из памяти.

Она бросила стопку памятных записок на заваленный письменный стол. Если позволять себе в чересчур редких случаях долгие выходные, приходится потом два дня без перерыва разбираться с накопившимися делами. Сообщения о продвижении проектов, финансовые отчеты, технико-экономические обоснования, новые предложения — к возвращению груды бумаг выросла до полуметра. Сообщество межзвездных предпринимателей — по крайней мере, его представители, сотрудничающие с КАМБом, — явно дожидалось ее трехдневной отлучки из офиса, чтоб завалить его потоком документов.

В такие моменты она испытывала праздное желание обзавестись продвинутым клоном, который работал бы вместо нее. Впрочем, если бы кто-нибудь это заметил, ее по Закону о клонах отправили бы в тюрьму, а клон уничтожили.

В данный момент, в связи с визитом старика Пита, клон особенно пригодился бы. Вот он, явился собственной персоной, невозможно отвертеться от встречи. Ничего хорошего из этого не выйдет, но придется принять его лично.

Дверь без стука отворилась. Он изменился. Со времени их последней встречи кожа потемнела, волосы побелели, фигура, лицо высохли, сморщились. Заметны и более глубокие перемены. Джо всегда считала старика Пита образцовым примером крутого руководителя с резкими, быстрыми, решительными телодвижениями и скупыми отрывистыми речами. Теперь он держится гораздо спокойней, непривычно плавно движется.

Да, он изменился — в отличие от ее к нему отношения. При виде его в душе сразу вспыхнуло прежнее недоверие и враждебность.

Шагнув в дверь, старик замер на месте, пару секунд постоял с приоткрытым ртом, не сводя с нее глаз, прежде чем заговорить. Потом резко встряхнулся, взял себя в руки, лицо приняло знакомое, привычное выражение.

— Привет, Джо, — тихо, ласково вымолвил он, закрывая за собой створку двери. — Замечательно выглядишь.

И действительно. Благодаря набранной за время их разлуки в нужных местах паре фунтов, окончательно сформировалась зрелая женская фигура. Облегающий костюм — голубой, под цвет глаз, — очень ей шел. Прежде она была слишком худой по любым стандартам внешних миров, теперь, набрав добавочные килограммы на легком костяке, приблизилась к оптимуму. Темные волосы — естественный песочный цвет неуклонно менялся с годами, пока не стал таким же, как у покойного деда, — ровно стриженные ниже ушей и зачесанные на прямой пробор, мягко обрамляли овальное лицо. Губы между прямой линией носа и круглым подбородком казались бы полными, если бы не были раздраженно поджаты.

— И вы тоже неплохо, — сухо ответила она. — Кажется, остров идет вам на пользу. Какживаете?

В сущности, это ее несколько не интересовало.

— Не могу пожаловаться.

Они еще несколько минут обменивались общепринятыми замечаниями, причем Джо из всех сид старалась проявлять максимальную любезность. Возвращение старика Пита ее раздражало. Дела в КАМБе идут нынче гладко, и все благодаря ей. В любом случае чего ему здесь надо? Она терпеть не может, когда в агентство являются старые сотруд-

ники. Оно принадлежит ей. КАМБ, вернувшись к стилю Финчей, вновь претендует на превосходство в своей области.

Из всех старых сотрудников меньше всего хочется видеть в дверях старика Пита. Ему это наверняка известно. Она этого не скрывала, требуя его отставки, и сейчас, спустя годы, чувствовала, что источает неприязнь, несмотря на внешнее спокойствие и дружелюбие.

Старик Пит оглядел кабинет. На глаза попала стоявшая в дальнем углу фигура, и он круто обернулся.

— *Джо!* Боже мой... — И тут понял, что видит голограмму. — Никогда не встречал столь реального изображения, — с очевидным облегчением признался он, подходя и разглядывая голограмму с разных сторон. — На секунду и правда подумал...

— Должен же где-то стоять портрет основателя, — проворчала она.

— Одного из основателей, ты имеешь в виду.

Джо, колебавшись, смолчала. Он прав, и не стоит его донимать булавочными уколами.

— *Покойного* основателя, — добавила она наконец и попробовала перевести разговор на насущную тему: — Что вас сюда привело?

Нахмурившись, старик Пит сел в кресло у письменного стола напротив нее, пристально глядя на собеседницу.

— Не знаю даже, как сказать поточнее. В определенном смысле пришел попросить, чтобы агентство помогло мне, Федерации и самому себе. — Губы его скривились в улыбке. — Звучит довольно витиевато, да?

— Звучит так, словно вы увиливаете от прямого ответа, — отрезала Джо без ответной улыбки.

Старик Пит рассмеялся от чистого сердца:

— До чего ж ты похожа на деда! *Действительно* увиливаю, хотя лишь потому, что столкнулся с непростой задачей изложения убедительной версии смутной идеи, возникшей из рассуждений, основанных на неполной и косвенной информации.

— В чем дело? — отрывисто уточнила она, напоминая себе о необходимости проявлять сдержанность и терпение. Он, в конце концов, старик.

— Я раскрыл заговор против Устава Федерации.

Джо оставила это заявление висеть в воздухе, ожидая дальнейшего. Однако визитер ее переупрямил.

— Какое отношение это имеет к КАМБу? — спросила она наконец.

— Всестороннее. Устав строго ограничивает деятельность Федерации, не позволяет соваться в дела планет и вмешиваться в межпланетную торговлю. Последние двести лет он прочно связывает планеты, умудряясь на каждом повороте сдерживать бюрократию. Но баланс очень тонок, его легко нарушить. Если Устав будет изменен или, хуже того, отменен, соответственно настроенные политики из Центра Федерации свободно возьмут вожжи в руки и начнут править по-своему.

Джо пожала плечами:

— Ну и что? КАМБа это не касается. В Федерации мы абсолютно ни с кем не связаны. Не связаны даже с Кооперацией Рагны. Чем нам могут грозить политические махинации?

— С отменой Устава исчезнет свободный рынок, — объяснил он.

Весьма сомнительный вывод, притянутый за уши.

— Да ну? — протянула она.

Старик Пит вздохнул:

— Джо, что тебе известно о движении Перестройщиков?

— Это политическая группировка, которая хочет внести кое-какие изменения в деятельность Федерации, — ответила она. — По-моему, в данный момент возглавляет ее де Блуаз. Больше почти ничего не знаю. И не особенно интересуюсь, равно как и другими политическими объединениями.

— Лучше поинтересуйся. Внести изменения в деятельность Федерации — чересчур мягко сказано. Они хотят ее полностью вывернуть наизнанку. Федерация создавалась для контроля над межпланетными делами — разрешения споров, поддержания некоторой гармонии при одновременном допущении разумных конструктивных разногласий, препятствия безумным планам наиболее агрессивных планетарных режимов. Но Перестройщикам этого мало. В полном соответствии с названием своей партии они хотят перестроить организацию в целом, превратить ее в некий социально-экономический стабилизатор, регулирующий торговлю в свободном пространстве и даже внутренние дела некоторых планет.

Джо не заинтересовалась.

— Ничего у них не получится. Насколько я понимаю, словесные формулировки Устава Федерации обойти невозможно.

— Ты забыла: там есть чрезвычайная статья, допускающая временное расширение сферы деятельности Федерации в случае возникновения угрозы ей или входящим в нее планетам. Питер Ла Наг, создатель Устава, отказался от авторства после внесения этой статьи, невзирая на его протесты.

— Все это мне известно.

Джо с трудом сохраняла терпение. Похоже, беседа отклонилась от первоначальной темы... или нет? Несмотря на громоздившуюся перед ней груду деловых бумаг, хотелось до конца понять ход рассуждений старика Пита.

— По-моему, глядя новости, я каждый раз слышу об очередной попытке ввести в действие чрезвычайную статью Устава Федерации. И предложение каждый раз проваливается при голосовании. Даже если пройдет, ну и что? Статья действует временно.

— Вот тут ты ошибаешься, Джо, — серьезно заявил старик Пит. — Вспомни историю старой Земли, и увидишь, что властные полномочия крайне редко или вообще никогда не расширялись на время. Пожалуй, для Перестройщиков чрезвычайная статья — главный ключ к власти. Как только они введут ее в действие, сразу сунут в дверь ногу, после чего Федерация никогда уже прежней не будет. Я не желаю этого видеть. Мы с твоим дедом сумели сделать КАМБ жизнеспособным благодаря принятой Федерацией политике невмешательства в любые добровольные сделки. Я лично убежден, что земляне так далеко продвинулись за последние двести лет исключительно с помощью этой политики. Не хочу, чтобы она менялась. Не хочу, чтобы Федерация превратилась в очередную империю, но вижу, как она маячит на горизонте, если Перестройщики добьются цели.

— Не добьются, — возразила Джо.

— Я бы не стал так уверенно утверждать. Может быть, многие Перестройщики кажутся наивными идеалистами, но среди них немало ловких интриганов, рвущихся к власти. А самый гнусный в шайке — Элсон де Блуаз. Амбициозный тип —

из простого планетарного делегата, каким был десять лет назад, стал теперь представителем сектора, и нынешний заговор, в чем бы он ни заключался, сосредоточен вокруг него и его компании. Мне удалось узнать, что де Блуаз интересуется каким-то человеком на Диле, пока неизвестным. Человек этот вроде бы физик, и если де Блуаз рассчитывает им воспользоваться, то физику наряду с Федерацией следует поостеречься!

Джо удивила серьезная озабоченность старика.

— Если вы заподозрили грязные игры, почему прямо не обратиться в Федерацию?

— Потому что у меня нет ни крохи фактических доказательств. Меня примут за чокнутого, а у де Блуаза будет полным-полно времени, чтоб замести следы. Честно сказать, вообще предпочел бы не ввязывать Федерацию в это дело. С такими субъектами, как де Блуаз, ей не справиться, не для того она предназначена. Гораздо лучше все уладить за сценой, открыто не сталкиваясь с политиками. Для этого мне требуются имеющиеся у КАМБа связи.

— Агентство всегда придерживается политики держаться подальше от политики, — после секундного молчания объявила Джо. — Фактически это один из наших непреложных законов.

Лицо старика Пита сморщилось в улыбке.

— Знаю. Сам его сформулировал.

— Почему же вдруг передумали?

— Собственно, не передумал. По-прежнему убежден, что бизнес не должен иметь никаких связей с властью. Это опасно и, как правило, грязно. Как только сойдутся бизнесмен с политиком, неизбежно происходит следующее. — Он принялся загибать пальцы левой руки. — Обычно бизнесмен

приходит к заключению, что не получает на свободном рынке того, что мог бы получать, поэтому старается уговорить правительство воспользоваться принудительной властью — особыми санкциями, импортными квотами, правом преимущественного проезда по чужой территории и так далее, — обеспечив ему превосходство над конкурентами. Политик понимает, что, выполнив просьбу, получит больше власти и денег. Бизнесмен затевает интригу с целью завоевать монополию на конкретном рынке, а политик стремится расширить свое политическое влияние на рынке, держа эту самую монополию под контролем. Оба выигрывают. Все остальные проигрывают.

— Поэтому я до сих пор твердо верю: власть не должна влиять на экономику, а экономика на власть. То же самое провозглашает Устав Ла Нага. В Центре Федерации не найдешь ни одного лоббиста, поскольку Федерация отказалась от какой-либо экономической власти. Никто не пользуется особыми привилегиями, и мне хочется, чтобы так было впредь. Я могу об этом позаботиться единственным способом — лобовой атакой на нескольких политиков.

Джо забарабанила пальцами по столу, внимательно разглядывая старика. Он искренне обеспокоен. Несмотря на подозрительно параноидальную склонность кругом видеть заговор, у нее возникло тревожное убеждение в его правоте. Перестройщики как-то притихли в последнее время. Возможно, в конце концов, что-то действительно зреет.

Однако тайный замысел с целью ввести в действие чрезвычайную статью Устава Федерации... Невероятно. Впрочем, с другой стороны, старику Питу несвойственно впадать в истерику. Он, ко-

нечно, состарился, но не до такой степени. В свое время они с ее дедом были самыми предусмотрительными и сообразительными деятелями на межзвездном рынке, и чувствуется, что старик Пит не утратил прежней проницательности. Если учуял какую-то опасность для КАМБа, разумно дать ему возможность развеять сомнения.

Тем не менее Джо воздержалась от безоговорочного согласия. Она ему поможет, даже если это повлечет за собой дальнейшее общение, но будет за ним присматривать. Если он ошибается и его подозрения не имеют фактических оснований, она почти ничего не потеряет, кроме времени и лишних хлопот. А если вдруг окажется прав... Что же, КАМБ — ее дом и семья. Угроза агентству — угроза лично ей.

— Я всегда считала теории заговора увлекательными, — сказала она после долгой паузы, — хотя они очень редко оправдываются. Но если это в интересах КАМБа, готова помочь всем, чем смогу.

Старик Пит откровенно всем телом расслабился, слыша подобный ответ.

— Хорошо. Поможешь докопаться. Я уже кое-кого послал на поиски того самого типа на Диле. Надо присматривать за всей верхушкой Перестройщиков, вдруг еще что-нибудь обнаружится.

Джо кивнула:

— Это я обеспечу. И отправлю на Дил своего человека, пусть тоже посмотрит. — Она встала, стремясь поскорее закончить беседу. — А пока...

Старик Пит, не сдвинувшись с места, махнул рукой:

— Не торопись.

— А что?

— Если вместе займемся делом, — сказал он, — необходимо кое-что прояснить. За что ты меня ненавидишь?

— Ничего подобного. — Голос Джо повысился на пол-октавы.

— Ненавидишь. Хотелось бы получить объяснение. Ты мне просто обязана его представить.

Порой она сомневалась, обязана ли ему чем-нибудь, порой твердо знала, что всем. Но при мыслях о нем старая ненависть неизменно всплывала наружу. Джо колебалась.

— Я жду, — терпеливо напомнил старик Пит.

Она встряхнулась, готовясь к ответу, который ей было столь же неприятно высказывать, как старику Питу слышать.

— Если бы не вы, — медленно отчеканила Джо, — мой отец сейчас был бы жив.

На лице старика Пита возникло ожидаемое выражение — потрясенное, страдальческое...

После долгой паузы он тихо спросил:

— Почему ты так думаешь?

— Потому, что это правда! Наверняка вы его уговорили отправиться в отпуск. Если не уговаривали, вполне могли отговорить... В результате получили контроль над его акциями, а его отправили на смерть!

Старик Пит в мгновение ока превратился в восьмидесятилетнего старца. Ему многое вдруг стало ясно.

— Ты *должна* поверить, что Младший уехал по собственной настоятельной воле... Я изо всех сил его отговаривал, да разве можно отговорить Финча от принятого решения? Он передал акции мне на хранение до своего возвращения — собирался через год приехать...

— Но так и не приехал, и все очень удачно для вас обернулось, не так ли?

— Ты плохо соображаешь, девочка, — возразил старик Пит, когда раздражение пересидило боль. — Подумай! Что я сделал с теми самыми акциями? Стал всемогущим единоличным хозяином КАМБа? Переделал агентство по собственному образу и подобию? Выдоил его насухо? Нет! Ничего подобного. Передал руководство делами совету директоров, потому что полностью потерял интерес. За каких-то четыре года Джо погиб, потом Младший погиб... — Он опять сбавил тон. — Я просто не мог больше работать.

В последовавшем долгом молчании Джо была почти готова поверить. Старик Пит в самом деле болезненно отреагировал на ее слова. Но ей это не удавалось. Пока. Глубоко в душе он что-то от нее постоянно скрывает. Что — понять невозможно, хотя что-то есть. Чувствуется. От прежней ненависти не отделаешься. Необходимо обвинить кого-то в потере второго родителя в одиннадцать лет, за долгие годы, прожитые с равнодушным дядей и вечно занятой теткой.

— Значит, — не уступала она, — что-то заставило его уехать. Кто-то убрал его со сцены.

— Да — сам Младший.

— Ну и дурак! — Ее голос дрогнул.

— Не понимаешь, не можешь понять, почему он уехал? — тихо проговорил старик Пит, как бы впервые видя Джо. — По-моему, мне известна причина. Ты с юных лет знала, чего тебе нужно, и двигалась к цели. Сначала победила меня, потом совет директоров, потом принялась завоевывать авторитет в межпланетной торговле...

Он поднялся, принялся рассказывать по кабинету.

— С Младшим совсем другое дело. Наверно, нам не следовало называть его Младшим, да никак нельзя было этого избежать, пока они работали вместе с отцом. Скажешь «Джо», и оба откликаются. В любом случае с ним все было иначе. Рос в тени твоего деда, был сыном Джо Финча, пришел на готовое место. КАМБ ему обеспечил успешное будущее. Почти все сыновья охотно вливаются в заготовленную форму... кроме Младшего. КАМБ был золотым яблоком, которое надо только сорвать, а он прошел мимо. Да, постоял под деревом, выждав пару лет после смерти отца, и понял, что это не для него. Пока, по крайней мере. Чувствовал, что не заслуживает награды. Ему ничего не стоило завладеть КАМБом. И он от него отказался! — прохрипел старик Пит. — Видно, заговорила кровь Финчей.

— Вы не переубедили его?

Он покачал головой:

— Нет. Пытался в последний день. Он попросился, не зная, куда направляется, и я попросился, рассчитывая вновь увидеть его приблизительно через год. Остальное ты знаешь.

— Если можно хоть что-нибудь знать. — Джо сгорбилась в своем кресле. — Простите, мне больше не хочется говорить об этом.

Старик Пит ее проигнорировал.

— Знаешь, я только что понял, чего не хватает в твоём кабинете, — изображения Младшего. Правда, вовсе не обязательно целиком уделять уважение деду.

— Пожалуйста, больше не надо, — взмолилась Джо. — Я попрошу, чтобы вас проводили в гостевые апартаменты.

— Можешь не беспокоиться, — улыбнулся он. — Я точно знаю, где они находятся. Сам принимал уча-

стие в проектировке здания, не забывай. — Старик Пит направился к двери. — Маленький симпатичный голографический портретик отца будет очень мило смотреться на письменном столе. Подумай об этом. Младший был в своем роде настоящим парнем. А ты на него похожа гораздо больше, чем думаешь.

После его ухода Джо так и сидела в кресле. Не скоро сумела вернуться к работе.

4. МЛАДШИЙ

Поселок ванеков выглядел очень странным, почти забавным анахронизмом. Сидевшие перед своими землянками с гладкими низкими куполами женщины, с виду практически неотличимые от мужчин, готовили еду, чинили одежду, мужчины вырезали статуэтки, фигурные изображения, чем, без сомнения, занимались не одно столетие, дети играли, шалили, подобно всем детям с начала времен. Извечная с первого взгляда картина. Потом над колодцем посреди деревни в глаза бросается насос земной конструкции, работающий на солнечных батареях. Приглядевшись поближе, видишь протянутые от хижины к хижине пучки тонких изолированных проводов, в примитивном фоновом шуме поселка в естественном пейзаже слышится гул современного генератора... Ванеки увидели электрический свет и решили, что это хорошо — по крайней мере, в данной конкретной деревне.

Рмрл оставил Младшего у какого-то хитроумного механизма и пошел советоваться со старейшинами. Механизм представлял собой набор затейли-

во вырезанных колес, подвешенных на шпинделях под немислимыми углами. Младший дотронулся до маленького колесика, и оно завертелось. Толкнул — колесо закрутилось быстрее, внезапно приведя в движение остальные колеса. Все вращались с разной скоростью, под разными углами.

Он снова посмотрел на Рмрла, направлявшегося к большой хижине, стоявшей отдельно от прочих. Ее земляные стены были сплошь исцарапаны изображениями бесчисленных вращающихся кругов.

Молодого ванека ждала в дверях высохшая фигура. Между ними завязался оживленный разговор, во время которого в дверном проеме появлялись другие лица, тыкали пальцы, мелькали туда-сюда руки, до Младшего, с интересом наблюдавшего за развитием событий, долетал смешанный хор писклявых голосов. Наконец Рмрл повернул назад, дверь закрылась.

— Не хотят слушать, — доложил он с бесстрастным выражением на лице, подойдя к Младшему. — Извини, бендрет.

— Нечего передо мной извиняться, — буркнул тот. — Вовсе не я крайний в очереди.

— Не понял, бендрет...

— Просто так говорится.

Младший уставился на крутившиеся колеса, обдумывая сложившуюся ситуацию. Первое побуждение диктовало все бросить и топать дальше. Если они довольны своим положением — на здоровье. Он всегда презирал тех, кто думает, будто лучше знает, в чем другие нуждаются, и боялся занять такую же позицию по отношению к ванекам.

Если им не нужна моя помощь, стоит ли беспокоиться? Возможно, они правы... Может быть, вдалбливать что-то кому-нибудь в голову не луч-

ший способ действий. Если они не хотят шевелиться, зачем их подстегивать?

И тут он уловил на лице Рмрла едва заметную вспышку безнадежно угасшей надежды. Хорошо скрытую, но ощутимую.

Неожиданно для себя самого Младший рванулся к хижине старейшин.

— Бендрет! — крикнул Рмрл. — Вернись! Ничего не выйдет... Они слушать не станут!

Младший, не обращая внимания, толкнул дверь, шагнул в хижину.

Внутри было темно, помещение освещала единственная пыльная лампа накаливания, примитивная, слабая, голая, одиноко свисавшая с потолка. Стоял сырой затхлый запах, однако кругом было сравнительно чисто.

Как только Младший ворвался в землянку, с пола навстречу встали семь костлявых, закутанных в балахоны фигур. Он заметил испуг на старческих лицах и быстро поднял руки, предъявляя пустые ладони.

— Я вам зла не желаю. Хочу только поговорить.

За спиной возник Рмрл, остановился в дверях, наблюдая.

— Мы знаем, о чем ты хочешь поговорить, — предупредил один из старейшин, самый тощий из всех. — Чтобы мы подтолкнули Большое Колесо. Мы этого не сделаем. Это запрещено и не нужно. Большое Колесо думает своим умом, которого не понять смертным, и в нужный момент все расставит по своим местам. Мы не сделаем ничего, что изменило бы его ход, бендрет.

— Я вас и не прошу ничего делать, — поспешно объяснил Младший. — Напротив, прошу кое-чего *не делать*.

Семеро старейшин залопотали между собой. Если с ними требуется сладить, чтобы дело сдвинулось с места, подумал Младший, то неудивительно, что они до сих пор ютятся в землянках!

На него оглянулся тот же самый старейшина. Видно, вождь или что-нибудь вроде того.

— Мы решили, что в данных обстоятельствах не предосудительно тебя выслушать, бендрет.

Младший быстро оглянулся на Рмрла, сел на плотно убитый земляной пол. Старейшины последовали его примеру. Ничего другого он не ожидал — догматики, скорей всего, наряду с большинством прочих ванеков. Согласно букве веры, что-то делать — одно, а ничего не делать — совершенно другое.

— Фактически, — начал Младший, — перед нами простая проблема. С одной стороны, имеется Билл Джефферс, который охотно продает вам продукты, одежду, горючее для генератора, но не позволяет обедать в своем заведении, где вы все это приобретаете. Сейчас не время и не место выносить нравственные суждения о справедливости или несправедливости подобной политики. Он хозяин магазина, и, какие бы правила ни устанавливал, это *его* дело. Я имею в виду только факт, который необходимо учитывать.

Точно так же необходимо принять во внимание и другой факт, который заключается в том, что вам, ванекам, такая политика не по вкусу.

Старейшины опасливо переглянулись, и Младший торопливо продолжил:

— Имеется еще один факт: от вас, ванеков, во многом зависит успех бизнеса Джефферса. Вы зарабатываете деньги, а как и где их тратить — это *ваше* дело. У вас имеется то, чего хочется Джеф-

ферсу, — деньги. И вы, тратя их в магазине, взамен имеете полное право рассчитывать на такое же уважение, какое он оказывает своим клиентам-землянам.

Главный старейшина открыл было рот, но Младший не дал ему заговорить.

— Не отрицайте. Вас это обижает, хотя вы отлично скрываете недовольство.

Старый ванек поколебался и едва заметно кивнул. Настырный землянин сразу сильно вырос в общем мнении старейшин.

— Хорошо. Следующий шаг — растолковать Джефферсу суть проблемы. Для этого нужно только держаться подальше от его магазина, пока до него не дойдет, что, если он слегка не уступит, доход сильно уменьшится по сравнению с прежним. Не волнуйтесь, до него непременно дойдет. Джефферс — бизнесмен, и вы будете с ним говорить на его языке.

Старейшины устали на Младшего с разинутым от изумления ртом. Они плохо разбирались в действии экономических сил. Заведение Джефферса фантастически облегчало им жизнь. Больше не надо трудиться в полях под жарким солнцем, сытый желудок уже не зависит от доброго урожая. Пусть Большое Колесо приносит любую погоду — пока земные скупщики приобретают статуи и резбу, ванекам голод не грозит.

Поэтому универмаг с момента постройки был признан благословенным даром Большого Колеса. А теперь явившийся землянин рассказывает, что ванеки взаимно связаны с его владельцем. Ясней ясного! Как они раньше не догадались?

— Ты очень мудр, бендрет, — признал главный старейшина.

— Да нет. Это общеизвестно. Что скажете?

Старейшины, бормоча, собрались в тесный кружок в дальнем конце хижины. Видно, кое-кто возражал против идеи, способной повлиять на Большое Колесо. Другие подтверждали, что раньше обходились без Джефферса с его заведением и сейчас обойдутся. Последнее мнение возобладало.

Главный старейшина обратился к Младшему:

— Мы согласны с твоим планом, бендрет. Предупредим своих братьев ванек в окрестностях, что больше ничего не покупаем у Джефферса. — Он поколебался. — Хотя все-таки с трудом верится, что подобные действия с нашей стороны будут иметь какой-нибудь результат.

— Не сомневайтесь, — заверил его Младший. — Сейчас он вас принимает как нечто само собой разумеющееся, а как только доходы начнут сокращаться, задумается. Билл Джефферс сразу поймет, какое огромное значение имеют для него ванеки. Обождите, увидите.

Старейшина кивнул с отсутствующим видом, до сих пор не совсем убедившись. Слабым объявлено, что у них есть сила, однако они не уверены, что сумеют ею воспользоваться и даже что она действительно существует.

Младший покинул хижину в приливе воодушевления. Если думаешь головой, все очень просто. Джефферс через пару дней призадумается, почему в последнее время вокруг универмага не видно ванек. Получит ответ и встанет перед выбором. В выборе Младший мало сомневался.

На душе у него было хорошо. Он сделал кое-что полезное, причем самостоятельно сделал. Никто не расчищал ему путь. Он сам отстоял свою точку зрения.

Раскатал спальный мешок на полянке где-то между поселком ванеков и Данцером, когда солнце уже низко ушло за деревья, и впервые за долгие годы сладко спал ночью.

Настал сырой холодный рассвет. Младший вытащил из рюкзака банку с утренним рационом, привел в действие устройство для разогрева, и через пару минут перед ним стоял горячий завтрак.

Солнце вставало, разгоняя утренний туман, он быстрым шагом двигался к Данцеру. Собрался дойти до города, пошататься вокруг заведения Джефферса, посмотреть, как пойдут дела к концу дня. Если хозяин начнет удивляться, куда делись ванеки, обязательно сообщить свое мнение.

Да, сегодня наверняка произойдут интересные события.

Когда Младший вошел, Джефферс стоял на низенькой стремянке, заполняя полки.

— Доброе утро, Финч, — поздоровался он, бросив взгляд через плечо. Визитер удивился, что хозяин магазина запомнил фамилию. — Остыл после вчерашнего?

— Полностью.

— Хорошо. Будешь завтракать?

— Уже перекусил на поляне. Кофе выпил бы, если имеется.

Джефферс с улыбкой налил на прилавке две чашки.

— Когда-нибудь пробовал кофе на Джебинозе? Младший отрицательно помотал головой.

— Тогда это за счет заведения. К нашему кофе надо привыкнуть, может, даже чашку не допьешь.

Он нерешительно кивнул в знак благодарности. Как ни старался, не чувствовал личной неприязни к Джефферсу. Попробовал кофе с сильным горько-кислым вкусом, и гостеприимный хозяин шире улыбнулся, глядя, как он добавляет несколько ложек сахара. Снова попробовал — более или менее можно терпеть.

После паузы Младший спросил:

— Скажите, Билл, что вы имеете против ванек? Знаю, не мое это дело, просто интересно.

— Дело действительно не твое, это правда, — коротко ответил Джефферс, потом пожал плечами. — Я тебе вот что скажу: ничего такого против них не имею. Только они мне кажутся ненормальными. На нервы действуют своей болтовней про колеса и тому подобное. Честно признаюсь, не хочется, чтоб они тут торчали.

Младший рассеянно кивнул. Джефферс был человеком рациональным, и оба они это знали.

— Когда они обычно являются?

— Как правило, первые мои клиенты.

— И сегодня? — осторожно намекнул Младший.

— Ты их не опередил, если это имелось в виду. Двое только что вышли за пару минут до твоего прихода. Продуктов купили. — Он с любопытством взглянул на Младшего. — А что?

— Ничего, — последовал торопливый ответ.

Новость его откровенно ошеломила, но он быстро взял себя в руки, хотя сомневался в собственной способности долго скрывать изумление и разочарование.

— Спасибо за кофе, Билл. Попозже, может, загляну.

— В любой момент, — услышал он за спиной ответ Джефферса, выходя на улицу.

Данцер уже проснулся полностью. Все торговые заведения — общим числом четыре, включая пре-словутый универмаг, — были открыты, по улице туда-сюда ездили фермеры в старых заслуженных грузовиках, нагруженных сеном, зерном, скотом. Пара прошедших мимо местных жителей дружелюбно кивнула по пути к заведению Джефферса.

Младший оглядывал улицу в поисках балахонов ванеков. Заметил одного, спешившего к нему по тротуару, и двинулся навстречу. Это был Рмрл.

— Наконец мы нашли тебя, бендрет, — пропыхтел молодой ванек, пристально вглядываясь в лицо землянина. — Вижу, ты уже знаешь, что мы тебе хотим сообщить.

Он кивнул:

— Знаю. Только хотелось бы знать — *почему?* Старейшины взяли назад свое слово?

— Нет. Они свое слово сдержали. Велели сельчанам ничего не покупать у Джефферса, и завязался спор на всю ночь. Старейшины твердо держались, но в конце концов были вынуждены уступить под нажимом.

— Ничего не понимаю...

— Наш народ *хочет* делать покупки у Джефферса. Не желает подрывать его бизнес.

— Почему?

— Колесо в колесе, бендрет.

— А обращение с ними в его заведении не имеет для них никакого значения?

Младший был абсолютно сбит с толку.

Рмрл пожал плечами — с оттенком огорчения, как показалось его собеседнику.

— А ты, Рмрл? Тебе самому это нравится?

— Колесо в колесе, — повторил тот и пошел прочь.

Младший хотел направиться следом, но услышал позади голос:

— Не по зубам кусок, мистер Финч?

Это был Хебер.

— Что это значит? — спросил он представителя власти, стоявшего в дверях своей конторы, прислонясь к косяку и наблюдая за гостем из других миров.

— Это значит, что я случайно услышал ваш разговор с Рмрлом. Конечно, дверь можно было бы и закрыть, да служба меня обязывает знать обо всем, что происходит в городе. — На пару мимолетных секунд их взгляды скрестились. — Зайдите, пожалуйста, на минуточку, мистер Финч.

— Зачем?

От недоумения и расстройства Младший пришел в подозрительное и враждебное расположение духа.

— Ну, во-первых, по-моему, я смогу объяснить вам причину провала задуманного плана. По крайней мере, скажу еще что-нибудь, кроме «колеса в колесе».

Заинтересовавшись, он угрюмо повиновался.

Кабинетик Хебера оказался маленьким, тесно заставленным. Почти всю комнату занимали архивные шкафы и гигантский письменный стол кустарной работы из местного дерева. На полке в углу торжественно красовалось резное изображение диких птиц Джебинозы в естественном лесном пейзаже, выполненное в безошибочном стиле ванеков.

— Кажется, вы говорили, что здесь не остается образцов ванекской резьбы, — заметил Младший, обратив внимание на примечательный экспонат.

— Я имел в виду, что они здесь не продаются. Это личный подарок от одного из старейшин.

Младший не скрыл удивления:

— Подарок?

— Конечно. У меня с ванаками очень хорошие отношения. Они мне даже нравятся. Тихие, мирные, занимаются своим собственным делом — нынче такие качества редко встречаются.

— Намек понял.

Хебер улыбнулся:

— Как гласит старая поговорка: на воре шапка горит... Нет, к вам это не относится, мистер Финч. Фактически против ваших замыслов насчет Джефферса я не возражаю — возражаю лишь против их бестолковости.

На лице Младшего вновь возникло изумленное выражение.

— После нашей вчерашней короткой беседы вы пришли к убеждению, будто я непримиримый фанатик? И наверно, считаете, будто весь город полон фанатиков? Уверяю вас, это не так. Имеются среди нас и фанатики, но позвольте напомнить: поспешные обобщения нередко приводят к серьезным ошибкам тех, кто пытается несколько изменить положение дел.

Младший переварил эту мысль.

— Наверно, мне следует принести извинения...

— Но пока еще вы в этом не совсем уверены. Ну и ладно. Я в любом случае не хочу их выслушивать. — Градоначальник провел рукой по пышной гриве седеющих волос, указал посетителю на хромой стул. — Позвольте объяснить, почему провалилась попытка бойкота.

— С нетерпением слушаю, — сказал Младший, усевшись.

Солнечный свет просачивался в грязное фасадное окно, высвечивая плывшие перед ним в возду-

хе клубы пыли. В крошечной конторке чувствовалось что-то вечное, словно она всегда тут была и всегда будет. Младший почувствовал, что подозрительность и враждебность уходят.

Хебер, прокашлявшись, сел за письменный стол.

— На мой взгляд, вы упустили из виду один важный факт. Биллу Джефферсу принадлежит единственный универмаг на тридцать километров в округе. Его ближайший конкурент — старый Вэнс Пек в Зарико. Поэтому все очень просто: отказавшись покупать продукты у Джефферса, ванеки останутся без продуктов. А без продуктов им нечего есть.

— Трудно поверить, — усомнился Младший. — Ванеки тут жили задолго до появления Джефферса с его магазином. Чем они тогда питались?

— Земными плодами. Сочетали земледелие с кочевьем: вместо севооборота каждый год перебирались всем племенем на другое поле. Это было нелегко, но они справлялись.

— Так я и думал. Если раньше справлялись, и сейчас справятся.

Хебер пристально посмотрел на него:

— Вы себе хоть чуточку представляете, что значит возделывать такую почву? Земляне выжимают из своей технологии все до последней капли, чтобы каждый год получать приличный урожай. Не знаю, как это вообще удавалось ванекам. Ну ладно. Суть в том, что после появления Джефферса и его заведения, после того, как ванеки сообразили, что на прибыль от статуэток можно по уши завалиться продуктами, они бросили земледелие. И не хотят к нему возвращаться, за что я их не упрекаю. Чтобы поля плодоносили, надо тяжело

пахать от зари до зари. А теперь они сыты, благодаря тому, чем всегда занимались на отдыхе для удовольствия, — резьбе статуэток.

— Все равно, если надо, вернутся к земле, — упорствовал Младший.

— Пожалуй. Но не сразу. Поля успели зарости... Сам народ по характеру тихий, замкнутый, пассивный. Получив теперь вволю свободного времени, очень этим доволен. Весьма дорожит. — Он помолчал, покачал головой. — Ванеки наверняка с радостью сидели бы за столиками у Джефферса, обедая вместе с землянами в зале, но за это вы с них запросили чересчур высокую цену.

Младший откинулся на спинку стула, глядя куда-то в пространство. Скорей всего, Хебер прав.

— А что, если я буду кормить их из собственного кармана, пока Джефферс не сдаться? — неожиданно спросил он.

— На это уйдет куча денег, — прищурился Хебер. — Придется доставлять продукты из другого места. У вас хватит средств, мистер Финч?

— Хватит.

По его бесшабашной уверенности Хебер понял, что этот молодой человек не понаслышке знаком с солидными суммами.

— Ну, если вы так богаты, почему бы не открыть свое заведение на другом конце города? Стерпите даже торговлю в убыток. Лучше того, перекупите магазин у Джефферса... Черт возьми! Просто пойдите, целиком купите весь Данцер! — Хебер повозился с какими-то бумагами на столе, чтобы дать гостю время усвоить мысль, а потом продолжал: — Мне почему-то кажется, что это не совсем вас устраивает, мистер Финч. Подозреваю, что на подобные действия вас толкает не одно стремление покончить с

небольшой дискриминацией в обеденном зале университета.

Младший постарался скрыть смущение, неопределенно передернув плечами. Подтвердились прежние подозрения — под грубоватой внешностью Марвина Хебера кроется пронизательный, острый ум.

— И меня самого не устроило бы, — продолжал представитель городских властей. — С удовольствием, ради собственных целей, посмотрел бы, как вы обыграете Джефферса, но только не с помощью крупного счета в банке. Чтобы одержанная в Данцере победа что-нибудь означала для вас, для меня, для ванеков, ее надо добыть подручными средствами, голыми руками. Ясно, что я имею в виду?

Младший медленно кивнул. Ясно, что такая победа означала бы для ванеков, абсолютно ясно, что она означала бы для него самого. Насчет ставки Марвина Хебера в этом деле брезжит смутная догадка, однако пока точно не скажешь. Ну, в данный момент это третьестепенный вопрос. Сейчас надо подыскивать способ, который позволит ванекам бойкотировать заведение Джефферса, не жертвуя привычным и полюбившимся удобством. Он нахмурился, потом вдруг распрямился на стуле:

— Конечно! У ванеков же есть свой доход! Сами могут открыть заведение, какой-нибудь временный кооператив под своим руководством, пока Джефферс на поклон не явится...

Хебер расхохотался:

— Ванекский магазин? Курам на смех... Их кооператив прогорит за неделю. У них голова просто не приспособлена для инвентаризации, балансовых ведомостей и так далее. Кроме того, подобное за-

ведение на Большом Колесе не начертано. Только зря время потратите. И запомните — ничего не получится.

— Почему?

— Потому что не пройдет и двух месяцев, как будет вынесен на голосование правительственный антидискриминационный билль. Некоторые предположительно знающие люди утверждают, что он будет принят. Поэтому постарайтесь, чтоб вышло *по-вашему*, иначе столичные шишки сделают *по-своему*. — Он подчеркнул свое замечание плевком в угол.

Младший встал.

— Постараюсь. — Теперь точно зная, почему Хебер его поддерживает, он пошел к выходу, оглянувшись в дверях. — Спасибо, мистер Хебер.

— Марвин, — поправил тот, забрасывая ноги на письменный стол. — Когда дело кончится, поглядим, кто кого будет благодарить.

Рассвет на молочном небе застал Младшего на дороге к западу от Данцера. Стайка черноперых птиц вспорхнула перед ним, как железные стружки, притянутые магнитом, когда он остановился передохнуть на полпути к Зарико. Пеший путь долгий, но других транспортных средств у него не имелось. Оставалась единственная надежда на тамошний универмаг.

Зарико впервые предстал перед глазами уже при высоко поднявшемся солнце, и первое впечатление, будто Младший его уже видел, только усилилось после входа в город. Казалось, будто он описал колоссальный круг и вернулся назад в Данцер. Заведение Пека представляло собой точную копию

заведения Джефферса и тоже предлагало горячие завтраки.

— Вы не слишком заняты в данный момент, мистер Пек? — спросил Младший засаленного пожилого мужчину, державшего перед собой дымившийся поднос с бифштексами.

В торговом и обеденном зале пусто, вполне можно поговорить.

— В данный момент не слишком, — приветливо ответил Пек. — А что?

— Хотелось бы кое-что обсудить.

— Деловое предложение?

— Может быть.

— Садитесь за столик, я через минуту приду.

Он исчез в глубине, вернувшись с глиняным кувшином и парой стаканов в руках. Уселся напротив Младшего, налил до половины стаканы, толкнул один через стол.

— Ничто не сравнится со стаканом вина среди дня, я всегда говорю. Давайте попробуйте. Мое собственное.

Младший повиновался. Кристально прозрачная жидкость оказалась легкой, сухой, на удивление вкусной.

— Замечательно. Кстати, моя фамилия Финч.

Хозяин кивнул, они чокнулись.

— Итак, — начал Пек, сделав долгий глоток, — чем могу вам помочь, мистер Финч?

— Давайте поговорим о ванеках.

— О ванеках? У нас тут нет ванеков. Ну, парочка мелькает время от времени, но, если желаете разузнать о ванеках, лучше отправляйтесь в Данцер.

— Мне известно о них все, что нужно, — покривил душой Младший. — Сейчас мне хотелось бы выяснить, как вы к ним относитесь.

Пек допил свой стакан, вновь наполнил, на этот раз до краев.

— По-моему, ничего плохого в них нету. Меня не раздражает их жуткий вид, хоть для этого я их не так часто вижу.

Он плеснул вина в опустевший стакан Младшего, осушил и наполнил свой собственный.

— Вы не возражали бы, чтобы они у вас отоваривались?

— Нет, будь я проклят! Готов обслуживать любого, у кого есть деньги на покупки.

— И готовы кормить у себя?

— Разумеется. — Пек выпил третий стакан. — Подам завтрак и даже обед, если желающих наберется достаточное количество.

— Позвольте им здесь сидеть и обедать, как мне?

Хозяин универмага замер посреди глотка при этом вопросе, потом опрокинул стакан до дна.

— Ну, не знаю. В наших местах не принято кормить ванеков вместе с землянами. Это может подорвать мой бизнес.

— Сомневаюсь. Куда еще идти жителям Зарико? В Данцер?

Пек медленно кивнул:

— Я вас понял.

— Даже если лишитесь нескольких клиентов, я привезу вам столько ванеков, сколько у вас есть землян! — Пек выпучил глаза, а Младший улыбнулся. — Правда. Могу удвоить вашу клиентуру, если разрешите ванекам завтракать в своем обеденном зале.

— К-как в-вы их сюда доставите?

Вино начинало оказывать действие.

— У вас наверняка есть какой-нибудь транспорт.

— А как же! Старый грузовик. Колымага, но бегаёт.

— Хорошо. Если позволите им ежедневно пользоваться, ваш доход вырастет вдвое.

Пек покачал головой:

— Н-нет. Не выйдет. Возникнут проблемы.

— Почему? — переспросил Младший, решив, что пора чуточку поднажать. — Билл Джефферс вам друг, брат, сват или еще кто-нибудь?

— Никогда его в глаза не видел.

— Ну, давайте попробуем.

— Нет. Людям не понравится.

Младший яростно грохнул по столу кулаком так, что наполовину опустошенный кувшин для вина подпрыгнул.

— Кто, между прочим, хозяин этого заведения? — вскричал он. — Кому вы позволяете диктовать, как вам вести дела в своем собственном магазине?

Пек выпрямил спину и в свою очередь хватил кулаком по столу.

— Никому, черт возьми!

— Хорошо, — заключил Младший, схватил кувшин, дополна налил оба стакана. — Дайте неделю, и, если к тому времени ваш доход не удвоится, всему делу конец.

— Выпьем за это! — воскликнул Пек.

На первой неделе дела шли отлично — доход, по правде сказать, не удвоился, но существенно вырос, — и Пек продлил испытательный срок. Дважды в день, ранним утром и в начале дня, Младший впихивал в грузовик десяток нерешительных данцерских ванеков и вез их в Зарико. В полдень доставлял обратно первую группу, в кон-

це дня вторую, потом отводил грузовик в Зарико на ночевку. Пек выделил ему жилую комнатку в дальней части универмага.

Все было довольно гладко до конца второй недели. В сгущавшихся сумерках Младший готовился к возвращению в Зарико, когда кто-то сзади схватил его за руки и крепко заломил за спиной. Потом его развернули на месте. Он не успел разглядеть нападавших — в живот, в лицо ударили кулаки, били, били, пока он не потерял сознание. Последним запомнилось, как его волокут по земле, и больше ничего.

5. СТАРИК ПИТ

Приблизительно через неделю после первой встречи старик Пит вошел в офис и в кабинет Джо в приподнятом расположении духа. Он возобновлял кое-какие старые знакомства в городе, позволив себе мысленно задвинуть дело де Блуаза в дальний угол.

Джо кисло взглянула на него из-за письменного стола с выражением «снова-здорово», что он оставил без внимания. Она училась терпеть его присутствие — радости ей это не доставляло, но принималось как временное и неизбежное зло.

— Слушай, — сказал он, — я только что видел шедшего по коридору субъекта с крысой на плече. Ты берешься теперь за проблемы животных?

— Это не клиент и не обыкновенная крыса. Этот самый субъект — по имени Сэм Оржеховский — умудрился приручить *rattus interstellus*...¹

¹ Межзвездная крыса (лат.).

— Только не рассказывай, будто это космическая крыса! Те твари дрессировке не поддаются. Настоящая космическая крыса давно бы ухо ему откусила!

— Я ознакомилась с его историей и могу вас заверить — он именно тот, за кого себя выдает. А мне надо придумать какой-нибудь способ коммерческого использования его крыс. Впрочем, я вас не затем пригласила. Получена какая-то информация насчет де Блуаза и Дила.

Старик Пит уселся.

— Что обнаружили?

— Пока еще не знаю. Я поручила дело одному из лучших профессиональных сыщиков. Он позволил и сказал, что имеются интересные новости.

— Не уточнив какие?

— Он никогда не рассказывает ничего интересного, если оно может случайно попасть не в те уши.

Старик Пит уловил в тоне Джо намек на более чем профессиональные отношения между нею и сыщиком.

— Когда он придет?

— Никогда, — быстро тряхнула головой Джо. — В этом здании он вообще не бывает. По частым визитам всем стало бы ясно, что КАМБ регулярно пользуется его услугами. Мы с ним встретимся через пару часов в казино.

— Я бы не назвал казино подходящим местом для тайной встречи. Там народу полно днем и ночью.

— На самом деле идеальное место для обмена информацией, если почву как следует подготовить. Я взяла за правило посещать казино раз в неделю, и он туда заскакивает, когда бывает в городе. По-

этому наши встречи время от времени никому не покажутся странными, тем более что мы оба заядлые любители условных шахмат.

— Правда? Я тоже. Давненько не играл по-настоящему с живым партнером. Играя с машиной, навыки сохраняешь, а победа такой радости не доставляет.

— Вам, должно быть, одиноко на острове.

— Пару раз в году хочется пообщаться с живой душой, хотя я никогда не бываю один. Сам с собой всегда рядом. К счастью, я не из тех, кто, оставшись в одиночестве, с горестным изумлением обнаруживают, что поблизости нет вообще никого.

Они бесцельно болтали на разнообразные темы, пока Джо не коснулась одного из терзавших ее вопросов:

— КАМБ занимался расследованием смерти моего отца?

Старик Пит медленно кивнул:

— Да. Дважды. Оба раза ничего полезного не узнали. Похоже, городской голова — кажется, Хебер... Хевер, что-то вроде того — искренне переживал гибель Младшего. Обеспечил нашим людям беспрепятственный доступ к любой информации, сам старательно поработал, прежде чем в КАМБ пришло сообщение о смерти Младшего.

— Значит, его убили те самые инопланетяне?

— На это указывают все вещественные доказательства. Впрочем, я до сих пор не совсем верю. Они установили на его могиле памятный камень, а судя по присланной видеозаписи похорон...

— Знаю. Видела.

— Тогда должна понять, что они практически почитали его полубогом. Какой смысл им его убивать?

— Почему вы оставили там его тело? Не скажу, что мне до смерти хочется видеть, как останки отца погребают на Рагне, просто интересно, почему их сюда не доставили.

Старик Пит передернул плечами:

— Потому, что его телу самое место в ванекской гробнице.

Джо ничего не сказала в ответ. Мысленно отметила, что надо заглянуть в отчет о вскрытии отцовского тела, потом снова вернулась в тот день, когда услышала от тетки, что папочка никогда не приедет — погиб в результате несчастного случая на далекой планете. Вспомнила, как старалась подавить тоску, страх, ощущение непоправимой потери, не веря никаким известиям, но ничего не вышло. Она знала, что это правда. И заплакала сильнее и дольше, чем когда-либо в жизни. Тетка долго ее утешала, то и дело плакала вместе с ней. Ни до, ни после того они не были с ней так близки. Собственно, даже не помнится, плакала ли она когда-нибудь с тех пор.

Внезапно вернувшись к действительности, Джо поднялась из-за стола:

— Пора. Я поведу.

Когда флитер поднялся с крыши, старик Пит постарался найти другую тему для разговора, кроме Младшего.

— Мне довелось просмотреть кое-какие данные, связанные с начатым тобой учетом валютных курсов. Не совсем в русле деятельности КАМБа, но весьма впечатляюще.

— Ровно наоборот, — возразила она, радуясь возможности его поправить. — Это естественное расширение сферы деятельности агентства. Исследуя новые рынки для клиентуры, нам приходится

постоянно оценивать экономическую и политическую ситуацию. Самое главное, как вам отлично известно, — монетаристская политика местных властей, поэтому мы начали индексировать в каждом торговом секторе темпы инфляции, прирост денежной массы и прочее. Несколько лет назад я в личных спекулятивных целях воспользовалась накопленной информацией и вполне преуспела. Если с помощью индекса КАМБа новичок вроде меня зарабатывает хороший процент, то, по-моему, опытный специалист по валютному обращению, посвятив этому все рабочее время, может предложить нашим клиентам новую услугу. Поэтому мы пригласили парочку и неплохо справляемся.

— Много своих денег вкладываешь?

Джо отрицательно покачала головой:

— Играю от случая к случаю, когда светит быстрая прибыль. Если мне сообщают, что нолеветолская крона завышена, срочно продаю, если дербийский фунт занижен, скупаю пачками и жду. Остальные мои деньги лежат в сейфах в виде толивианских депозитных сертификатов.

Старик Пит одобрительно кивнул и больше ничего не сказал. Его личные сбережения тоже давно конвертированы в толивианские сертификаты. Во многих финансовых кругах банки Толивы считаются анахронизмом, поскольку настаивают на стопроцентном обеспечении своей валюты драгоценными металлами. Они чеканят только монеты, содержащие 0,999 процента чистого золота или серебра, и термин «депозитный сертификат» значит именно это: на счете в данном конкретном банке хранится указанное количество золота или серебра, которое выплачивается по требованию вкладчи-

ка. Номинальные власти Толивыв ввели всего один закон, связанный с монетарной политикой: вся валюта должна быть полностью обеспечена драгоценными металлами, любое отступление от этого правила признается преступным и наказывается публичной поркой.

Старику Питу всегда нравилась идея твердых денег. Джо тоже относится к ней с почтением. Безусловно, между ними гораздо больше общего, чем она осмеливается признать...

...точно так же, как и свое сходство с Младшим. Старик Пит уже привык к ее внешности. Впервые увидев на прошлой неделе, почти онемел на секунду, ошеломленно видя, как она похожа на Младшего, несмотря на почти почерневшие волосы. Причем сходство вовсе не ограничивается чисто внешними чертами. Она источает дух Младшего. Каждый, кто знал его, сразу заметил бы. Старик Пит, естественно, этого ждал, но не до такой степени.

Есть, конечно, и столь же ошеломляющие отличия.

Одновременно ужасно похожа и ничуть не похожа на Младшего, думал он. Собственно, чему тут удивляться? В конце концов, они росли совсем в разных условиях. Да к тому же и пол у них разный...

Мысленно вступив на запретную территорию, он вернулся к реальности, услышав голос Джо.

— Приехали, — сообщила она, повернув флитер выправо. — Кстати, если любите куриное филе, его великолепно готовят в ресторане при казино.

Казино светилось изнутри, как люминесцентная рыбка-приманка, мелькающая на чернильном дне моря. Выйдя на крыше из флитера, они были теп-

ло встречены затейливо наряженным швейцаром, явно хорошо знакомым с Джо, который с поклонами провел их в арку.

Казино представляло собой пять больших, расположенных по кругу залов. Лифты доставляли посетителей с крыши в центр колеса, откуда можно двигаться по собственной свободной воле в зависимости от того, где вам хочется потратить деньги. Джо направилась прямо в зал условных шахмат. Это была ее любимая игра — игра на везение и умение, когда в распоряжении каждого игрока имеется король, три пешки и еще пять фигур, произвольно выбранных из оставшихся двенадцати. Два игрока имеют право делать ставки на каждую новую фигуру и повышать их при каждой взятой в ходе игры фигуре.

Условные шахматы не пользовались в казино особой популярностью, поскольку заведение получало доход исключительно от клиентов, игравших со штатными профессионалами. Но игра была в бешеной моде на Рагне, и в шахматном зале толпилась куча народу. Хозяева предоставляли столы за небольшую почасовую плату.

Джо задержалась на пороге, оглядывая зал. Взгляд ее остановился на неприметном человеке лет тридцати с небольшим за столиком в дальнем углу. Из-за того же столика только что встал сидевший с ним рядом невысокий темноволосый мужчина, который направился к стойке бара.

— Вон он, — указала Джо, и лицо ее осветила улыбка. Она шагнула вперед, но старик Пит схватил ее за локоть и изумленно спросил:

— Он на тебя работает?

— Да... Ларри Изли. А что?

Старик Пит расхохотался:

— А то, что вон тот самый парень, который сейчас от него отошел, партнер Изли и работает *на меня!*

— Правда? — Они двинулись в угол, где сидел сыщик. — Галактика — место маленькое, не так ли?

Старик Пит кивнул:

— Колесо в колесе, бендрет.

— Что это значит?

— Ох, просто старое, очень старое выражение, которое в принципе означает все, что твоей душе угодно. — Он на нее покосился. — Хочешь сказать, что никогда не слышала?

— По-моему, нет... Откуда оно?

— Не имеет значения.

Не хочется вновь поднимать *эту* тему.

Тут Изли их заметил, поднялся со стула и пошел навстречу. Они с Джо обменялись быстрыми официальными рукопожатиями, но глаза их встретились и не опустились после разжатия рук.

Если бы Ларри Изли захотел впечатляюще выглядеть, это ему не составило бы никакого труда, однако характер его деятельности требовал маскировки, чтобы не бросаться в глаза. Поэтому он старался скрыть мускулистое телосложение под мешковатым костюмом, небрежной расхлябанной позой, сохраняя обыденное неприметное выражение лица, обрамленного банально подстриженными темно-песочными волосами. Ореховые глаза сыщика постоянно щурились, как бы от чрезмерной чувствительности к свету. Впрочем, старик Пит заметил, что под прищуром они неустанно бегают, ничего не упуская из виду.

Ларри Изли протянул руку:

— Наконец-то мы встретились, мистер Пакстон.

— Я знал, что обязательно встретимся, — кивнул старик Пит, — хотя, тем не менее, это стало немалым сюрпризом.

Вернулся Эндрю Телла с официантом, нагруженным выпивкой. Пожав руку старику Питу и познакомившись с Джо, он предложил напитки — первому скотч, последней бокал охлажденного мوزеля. Вся компания расселась за шахматным столом.

— Знали бы вы, каким сюрпризом стало для нас с Энди открытие, что мы оба расследуем одно и то же дело, — сказал Изли с тенью улыбки. Черты его лица были мягкими, благородными, чего старик Пит вовсе не ожидал. — Потом сообразили, как это вышло, и, поскольку Энди первым взялся за исполнение заказа, ему принадлежит честь первому изложить результаты своих изысканий.

Эндрю Телла прокашлялся и выпрямился на стуле.

— Раз вы оба явились узнать о таинственных событиях на Диле, я с них и начну. Поверьте, они представляют большой интерес.

Изли согласно кивнул, разжигая кончик сигары в виде торпеды, однако ничего не сказал. На мгновение его голову окружили бело-голубые клубы дыма, прежде чем были развеяны вентиляционной системой.

— Первым делом, — начал докладывать Телла, — я отправился в Федеральное патентное бюро и осведомился у знакомых, много ли новых патентных заявок поступает с Дила. Оказалось, что много. Недавно один инженер по имени Денвер Хаас, специалист по пространственным проблемам, изобрел так называемые «врата в искривленное пространство», готовые к практическому

производству и использованию. Мне удалось быстро заглянуть в его досье — сняв, естественно, копию, — тут мелькнула улыбка на долю секунды, — и мы с Ларри двинулись дальше.

Затем слово взял Изли:

— Учтите, что мы с Энди не очень-то разбираемся в физике, а к нам в руки попала техническая документация, черт побери. Не пойдешь же к специалистам за объяснениями — ведь мы не имели никакого права снимать те самые копии. Поэтому купили кое-какие учебники и разобрались с грехом пополам, что собой представляют врата.

— Давайте сначала усвоим некоторые принципы, — предложил Телла, обращаясь к Джо и старику Питу. — Представляете себе, как действует генератор искривленного пространства на обычном межзвездном корабле?

Джо пожала плечами:

— Создает некое поле, через которое корабль из реального пространства выходит в подпространство, где получает огромное преимущество по сравнению с перемещением в пространстве с естественной кривизной.

— Очень хорошо сформулировано, — одобрительно кивнул Телла. — Я целую неделю пытался понять этот бред, но так и не сумел прийти к столь четкому и сжатому выводу. А вы почти все ухватили. Генератор позволяет передвигаться в искривленном пространстве — чем выше степень кривизны, тем дальше прыжок. То самое «некое поле» играет тут важную роль, определяя степень искривления. Генерированное искривленное поле можно было бы назвать весьма слабым аналогом поля вокруг черной дыры. Хаас продвинулся на шаг дальше. Ему удалось связать пару квантовых черных

дыр и создать между ними одно грандиозное искривленное поле.

— Так я и знал! — стукнул по столу кулаком старик Пит. — Как только услышал пятьдесят лет назад об открытии способа замыкать квантовые дыры в статическое поле, сразу сказал, что когда-нибудь кто-то найдет ему практическое применение. И точно!

Джо задумалась.

— Значит, он все просто вывернул наизнанку? Вместо того чтобы создавать искривленное поле с помощью генератора на корабле, создаст его снаружи и проводит через него корабль — полагаю, за деньги.

— Наверно, — согласился Телла. — Либо за разовую плату, либо та или иная компания выкупает врата и пользуется ими исключительно для своих кораблей. Впрочем, это будет дьявольски дорого. Найти квантовые дыры не так уж и трудно. Загвоздка в том, что их надо замкнуть в устойчивое поле, достаточно маленькое, чтобы образовался надежный туннель, и достаточно крупное, чтоб кто-нибудь случайно не влетел в сферу Шварцшильда¹. Только на том история не кончается. Да будет вам известно, что Денвер Хаас, по слухам, разрабатывает варианты, теоретически позволяющие его вратам действовать *внутри* гравитационного поля планеты!

На том конце стола, где сидели старик Пит и Джо, воцарилось потрясенное молчание. Нынешние бортовые генераторы искривленного пространства обладали одним основным недостатком: не могли создать стабильное искривленное поле в

¹ Сфера черной дыры, поглощающая любое излучение.

присутствии любой ощутимой силы тяготения, звездной или планетной. Поэтому в точках критического влияния данной планеты, вращающейся вокруг данной звезды, приходилось использовать обходные туннели из труб. А такой способ полета, несмотря на протон-протонную тягу в трубах с внутренней облицовкой из кристаллов Лисона, был мучительно медленным. Если от всего этого можно будет отказаться, если останется лишь сесть в корабль, взлететь и юркнуть во врата на орбите...

— Если это в самом деле возможно, — благоговейно-испуганным тоном молвил старик Пит, — наступит золотой век человечества — межзвездной расы...

Изли с Теллой переглянулись, и последний сказал:

— Я об этом никогда не думал, но...

— Никаких но! — отрезал старик. — Первые межзвездные путешествия занимали десятки лет, с усовершенствованием генератора искривленного поля сократились до нескольких дней, недель, месяцев, в зависимости от того, откуда и куда вы хотите добраться. Теперь речь идет о *часах*! Несколько часов до звезд! Подумайте, что это будет означать для торговли...

— Дело в том, мистер Пакстон, — терпеливо пояснил Изли, — что тот самый Хаас еще не довел свое изобретение до конца.

— Как это «не довел», когда, по словам Энди, собирается приступить к производству?

Изли покачал головой:

— Он выпускает на рынок прототип врат, действующий исключительно вне критической точки гравитационного поля.

За шахматным столом во второй раз за вечер установилась мертвая тишина. Наконец ее нарушила Джо:

— Ларри, вы наверняка ошибаетесь.

— Уверяю вас, нет.

— Это просто бессмысленно. Он хочет выбросить на рынок довольно дорогое устройство, не имеющее реальных преимуществ перед бортовым генератором искривленного поля?

— Преимущества имеются, — возразил Изли. — Врата создают огромную кривизну, столь высокую, что корабль может одним прыжком перескакивать из одних врат в другие. Больше не надо входить и выходить из искривленного пространства, сверять координаты перед очередным прыжком. Корабль просто следует в подпространстве из врат во врата.

— Этого недостаточно! — не уступала Джо. — Главная проблема межзвездных перелетов в том, что на них тратится слишком много времени и врата Хааса, до которых надо добираться по нескольку дней, его не экономят. Да, прыжки в генерированном искривленном пространстве утомительны и неудобны, но практически не удлиняют общее время полета. Если Хаас сумеет исключить необходимость обхода критической точки в поле тяготения, то совершит революцию в межзвездных путешествиях, если нет — то просто изобрел дорогую игрушку.

— Ты хочешь сказать, дорогую для тех, кто его финансирует, — добавил старик Пит.

— Конечно, — согласно кивнула Джо. — Корпорация «Старуэйз» позаботится, чтобы он продал не слишком много врат.

— Каким образом? — уточнил Телла. — И почему?

Прежде чем ответить, Джо подала знак официанту, вновь заказывая напитки.

— «Старуэйз», как известно, крупнейшая в истории человечества корпорация, конгломерат с дочерними компаниями в каждом секторе освоенного землянами пространства. Все это знают. А благодаря чему она выросла до нынешних масштабов?

Телла вдруг понял.

— Ну конечно! Благодаря выпуску бортовых генераторов!

— Правильно. Врата представляют собой неизбежную угрозу продукции, составляющей экономический базис конгломерата. «Старуэйз» никому не позволит сбить спрос на свои генераторы, пока это возможно. Будет снижать цены до минимума, пока Хаас не сдастся.

— Врата Хааса, — заключил старик Пит, — обречены, если выйдут на рынок в нынешнем виде. В отсутствие конкуренции с обычным генератором искривленного поля имелся бы шанс — некоторые грузовые компании, возможно, потратили бы деньги по мере выхода из строя бортовых генераторов, — но продажа шла бы очень медленно. Если кто-нибудь меня спросит, стоит ли что-нибудь вкладывать в мистера Хааса, решительно отвечаю — *нет!*

Он предусмотрительно замолчал с приближением официанта и снова заговорил, когда они вновь остались вчетвером за столом:

— Тем не менее перед нами вопрос: что связывает Хааса с де Блуазом? У меня теперь нет сомнений, что Дойл Катера, говоря о техническом открытии, благодаря которому все планеты станут близкими соседями, имел в виду врата. Но поче-

му ими так интересуются Перестройщики? Чего надеются достичь с их помощью?

— Ну, — пробормотал Изли, тщательно взвесив и осмыслив все, сказанное до тех пор за столом, — определенно не возмещения вложенных денег.

— Вы хотите сказать, что де Блуаз с компанией финансируют Хааса? — охнул старик Пит, чуть не захлебнувшись виски.

— На все сто процентов. И явно не желают, чтобы об этом кто-нибудь знал. Чертовски усердно стараются казаться непричастными к этому делу, не останавливаясь ни перед какими трудами. Я слышал, создали три-четыре подставные инвестиционные компании. Может быть, сам Хаас не догадывается об их причастности. Согласно моему информатору, похлопотали успешно. Никто никогда не сможет убедительно доказать существование связи между Денвером Хаасом и боссами Перестройщиков. Даже мой осведомитель заявил, что, если я когда-нибудь попробую на него сослаться, он все будет решительно отрицать.

— Звучит угрожающе, — признала Джо, бросив взгляд на старика Пита. — Ваша теория заговора с каждой минутой становится более правдоподобной. Хотя в данный момент я абсолютно не понимаю конечной цели.

— Цели я, пожалуй, тоже не понимаю, — сказал старик Пит, — а конец ясно вижу — конец свободному рынку.

Джо сморщила нос в откровенно скептической гримасе.

— У тебя такой вид, словно ты сейчас нюхнула куриные потроха, протухшие неделю назад, — усмехнулся старик Пит.

— Просто мысль совершенно абсурдная. Я имею в виду, как можно торговать без свободного рынка?

— Можно. Трудно, но можно. Торговцы всегда найдут способ. Самый изобретательный вид из всех живых существ. Если власть — чего ей часто хочется — попытается уничтожить свободный рынок, взяв под контроль поставку определенной продукции или ограничив свободный товарооборот, продавцы и покупатели сообща непременно откроют новые обходные пути. Если правительство опустошает свободный рынок, создают собственный. В таком случае он называется черным. — Старик Пит прервался, глядя на удивленные физиономии собеседников. — Я и забыл. Ваши экономические познания, приобретенные во внешних мирах, очень наивны. У меня перед вами есть преимущество — я вырос на Земле. Мне слишком хорошо знакомы такие вещи, как акцизные сборы, управления торговли, коммерческие комиссии, налог с оборота...

— Налог с оборота! Что это такое? — спросил Телла с изумленной улыбкой.

— Незнакомое выражение? О подходящем налоге вы, конечно, слышали. В том или ином виде он взимается почти во всех внешних мирах. Таким образом политики выуживают деньги, которые вы *кладете* в карман. А когда терпение населения доходит до предела, ищут способы отобрать оставшееся, когда вы его *вынимаете* из кармана. Это и называется налогом с оборота: при каждой покупке вы платите дань существующему режиму.

Джо недоверчиво затрясла головой:

— По-моему, невероятно, чтобы люди терпели подобное злоупотребление! На улицах Рагны вспыхнул бы массовый бунт, если бы кто-то попробовал с нами проделать такую бредовую штуку!

— Не надейся. Как давным-давно сказал знаменитый земной философ Мюниц: «Массы — ослы». И хотя я не разделяю эту циничную элитарную точку зрения, боюсь, что он прав. Никогда не перестаю удивляться, на какое дерьмо покупаются люди, если оно предлагается в красочной упаковке. Налоговым законам обычно предшествует пропагандистская атака или финансовый кризис, либо нарочно спровоцированный, либо разразившийся по вине самой бюрократии. Упор делается на «общественном благе», и ты глазом моргнуть не успеешь, как к тебе в карман снова лезет чужая рука. Со временем государству удастся выкачивать все больше денег через мириады своих управлений, и в конце концов экономика целиком переходит в руки политиков.

Джо по-прежнему сомневалась.

— Какой человек в здравом уме позволит политикам руководить экономикой? Большинство из них — провинциальные юристы, занявшиеся планетарной политикой и пробившиеся в Федеральное Собрание. Прослушанный в школе годичный курс экономической теории, как правило, с одной и той же пленки — предел их квалификации в экономической сфере. Как у них хватает наглости планировать ход экономического развития, от которого зависит жизнь миллиардов людей?

— Не только хватает — они друг другу глотки перегрызают в безумной погоне за первенством.

— Хорошо, согласна, бывают такие. Возможно, найдутся и в Федеральном Собрании. Но их наверняка очень мало.

— Послушай-ка «первый закон Пакстона», — предложил старик Пит, подняв указательный палец. — Никогда не доверяй тому, кто выставляет свою кандидатуру на официальный пост.

— Возможно, — вставил Изли, возвращаясь к делу, — пора нанести визит мистеру Хаасу, получить кое-какие сведения из первых рук.

— Мысль хорошая, Ларри, — одобрила Джо. — Может быть, вы...

— Думаю, — перебил старик Пит, — нам с Джо лучше лично повидаться с мистером Хаасом. Явимся в качестве представителей КАМБа — у него есть товар, мы предлагаем продвинуть его на рынке. Это наше дело. Что может быть естественней?

Телла с Изли признали мысль разумной, а Джо отказалась:

— Извините, никак не могу. Слишком много работы.

— Ненадолго можешь отлучиться, — возразил старик Пит. — КАМБ без тебя не развалится. Подумай, какой эффект на мистера Хааса произведет личный визит главы КАМБа в его убогую берлогу. Да что там... Я уверен, он вывернется наизнанку и выложит нам все, что нужно!

Все рассмеялись, и Джо неохотно согласилась отправиться со стариком Питом на Дил. Она ненавидела межзвездные перелеты с нестерпимыми волнами тошноты при каждом входе и выходе корабля из искривленного пространства. Впрочем, Дил не так далеко, а КАМБ отыскал для служебного корабля первоклассного инженера, специалиста по прыжкам. Может быть, он уложится в два прыжка, что не так уж и плохо. Можно захватить с собой кое-какие бумаги, чтоб путешествие не обернулось пустой тратой времени.

Беседа переключилась на другие темы, и старик Пит с улыбкой и облегченным вздохом откинулся на спинку стула.

6. МЛАДШИЙ

Кто-то плескал в лицо водой... Хебер. Мрачно хмурясь, он помог Младшему подняться на ноги.

— Вот чего я опасался.

— Правда? Почему меня не предупредили?

Младший огляделся вокруг, стараясь определить, где находится. В последний запомнившийся момент стоял возле грузовика. Потом его ударили, потащили... сейчас вокруг выстроился пяток местных жителей... в воздухе пахло едким дымом...

— Грузовик! — крикнул он, вглядываясь через плечо Хебера.

Грузовик еще дымился, хоть и залитый толстым слоем шипящей пены.

— Дело рук двух парней Зела Неймера, — сообщил ему Хебер. — Выпили лишку, начали задираться, пошли вразнос. Мы их посадили пока под замок. Я только радуюсь, что им хватило ума оттащить вас подальше, чтобы не пострадали при взрыве.

— Я тоже, — кивнул Младший, осторожно ошупывая распухшее лицо.

Грузовик стоял в сотне метров от центра города. Наверно, местные слышали взрыв, прибежали с огнетушителями и прочими противопожарными инструментами. Взгляд Младшего остановился на знакомой фигуре: в сторонке стоял Билл Джефферс с дорогим огнетушителем в руке.

— Запомни, Финч, — я не имею к этому ни малейшего отношения, — сказал он. — Даже если ты, черт возьми, из всех сил стараешься погубить мой бизнес.

— Знаете, Билл, — тихо ответил Младший, — я вам верю. И вовсе не стараюсь погубить ваш биз-

нес. Хочу лишь, чтобы вы чуть-чуть изменили политику.

— Принуждаешь кормить у себя в заведении шайку полукровок?

— Я ни к чему вас не принуждаю, — возразил Младший, сохраняя спокойный и рассудительный тон ради стоявших поблизости местных жителей, имеющих уши. — Решение, каким бы оно ни было, принимать вам, и только вам. Собираюсь только продемонстрировать, что выгоднее принять мою точку зрения.

Джефферс замешкался, подыскивая ответ. Не найдя подходящего, развернулся и пошел прочь.

— Ну, теперь не имеет большого значения, принуждаете или не принуждаете, — заключил Хебер, глядя вслед Джефферсу. — Без грузовика игра проиграна.

Младший медленно, угрюмо кивнул.

— Может, что-нибудь придумаем, — пробормотал Хебер, устремив к горизонту неподвижный взгляд.

— Например?

— Пока точно не знаю, — пожал он плечами. — Но всегда есть надежда, правда?

— Наверно. Впрочем, надежда сама по себе примечательно безрезультатна.

Хебер рассмеялся:

— Согласен. Ну, поскольку вам вряд ли удастся добраться до Зарико, надо где-нибудь переночевать. Пошли в контору, выдам матрас.

Они молча направились в город. В офисе Хебер полез в проем между столом и стеной, вытащил скатанную подстилку.

— Держу тут на случай, когда наверху слишком жарко.

— Неужели у вас нет терморегулятора? — удивился Младший.

Хебер хмыкнул.

— Пусть человеческая раса порхает со звезды на звезду, в этом доме, как и в любом другом в Данцере, терморегуляторов не имеется. Усвойте, мистер Финч, — здешний народ еле сводит концы с концами. Видя время от времени грузовой флитер, не принимайте его за лишнюю роскошь — это жизненная необходимость для фермеров. Мы здесь живем на том же самом уровне, на каком на старушке Земле жили люди до выхода в космос. Конечно, в столице дело другое, Данцер с Копией, можно сказать, почти на разных планетах. Кстати, о Копии... Мне надо позвонить.

— Куда?

— Потом узнаете. Пока лучше ложитесь-ка да поспите. Утром жизнь будет выглядеть повеселее.

Младший усомнился, однако согласно кивнул. Когда Хебер ушел, он улегся на матрас, заложил руки за голову, решив не засыпать до его возвращения. И провалился в сон через пару минут.

Кто-то его встряхнул, и он открыл глаза. Утреннее солнце, сменив окраску с оранжевой на желтую, заливало контору через окно.

— Проснитесь! — потребовал Хебер. — Репортер из столицы хочет с вами встретиться.

Младший рывком сел на подстилке:

— Репортер? Это ему вы вчера вечером звонили в Копию?

— Угу, — кивнул градоначальник. — Прямо взвился, когда я рассказал о случившемся. Кажется, чует громкий скандал. Просит немедленной встречи.

— Проклятье! — проворчал Младший, протирая глаза и поднимаясь на ноги. — Зачем вы это сделали? Сначала меня надо было спросить.

— А что? Я думал, вы обрадуетесь.

— Репортеру? Нет. От них одни неприятности.

— К сожалению, у нас уже полно неприятностей, — серьезно заметил Хебер. — Беглый взгляд в зеркало напомнит вам об этом.

Младший осторожно коснулся распухшей по-черневшей левой щеки, а собеседник продолжал:

— Возможно, известие, что за происходящим в городе следят журналисты, предупредит повторение вчерашних событий.

Младший минуту подумал, потом пожал плечами:

— Может быть, вы и правы, хоть я сомневаюсь. Где он?

— За дверь. Пойдемте.

Выйдя из офиса, Младший увидел плотно сбитого мужчину в ярком фасонном, пошитом по мерке костюме, ошеломляюще неуместном в Данциге. Заметив его, репортер мигом выхватил и наставил записывающее устройство, далеко вытянув руку. Младший вдруг догадался, что выглядит адски — непричесанный, с неумытым, небритым лицом в синяках, в измятой после сна одежде.

— Мистер Финч? — затараторил репортер. — Я — Кевин Лютт из Джи-ви-эс. Если не возражаете, у меня к вам пара вопросов.

— Пожалуйста, — согласился Младший с плохо скрытым равнодушием. — Каких именно?

— Ну, во-первых, хотелось бы взглянуть на сожженный грузовик.

Младший пожал плечами:

— Пойдемте со мной, — и оглянулся на Хебера. — Попозже здесь встретимся.

Шагая вперед, пока репортер снимал место действия, Младший чувствовал себя неуютно. Не хочется, чтобы кто-нибудь любопытствовал и расспрашивал о его отношениях с ванаками. Это исключительно его личное дело, которое никого не касается, хотя Хебер, видно, считает, что интервью пойдет на пользу... В любом случае хуже быть не может.

Вернувшись к обугленным останкам грузовика, Младший отступил назад, глядя, как репортер готовит сцену для интервью. Тот снял погибший грузовик, наставил аппарат на Младшего.

— Как вы себя чувствуете, мистер Финч, едва спасшись от гибели? — начал журналист.

— Ничего подобного. Перед поджогом меня оттащили подальше от грузовика. Убивать никто не собирался, хотели лишь слегка припугнуть.

Лютт испробовал другую тактику:

— Зачем вы вообще ввязались в это дело?

Младший только пожал плечами и ответил:

— Колесо в колесе.

Журналист ему не понравился, с каждой минутой все меньше и меньше хотелось ему помогать. Огромный внешний мир грозит вторгнуться в Данцер и уничтожить маленький городок. Во всем будет виноват он.

— Вам известно о предложенном в столице законе, непосредственно направленном против слепого фанатизма? — спросил репортер.

— Что-то слышал.

— Почему тогда вы считаете необходимым рисковать своей жизнью ради того, что вскоре вместо вас обеспечат законы?

— Во-первых, мистер Лютт, разрешите напомнить, что жизнь моя не подвергалась и, по всей вероятности, впредь не подвергнется ни малейшей

опасности. Что касается заданного вопроса, я никогда не рассчитываю, что какие-нибудь законы что-нибудь обеспечат *вместо* меня. Фактически они должны работать *для* меня.

Лютт пропустил замечание мимо ушей.

— Вы вступили в борьбу с жестоким фанатичным городом, мистер Финч, что подтверждают события прошлой ночи. Неужели совсем не боитесь?

Младший чуть не вышел из себя. Хеберу вместе с прочими трудней было бы справиться с Люттом в журналистском угаре, чем с братьями Неймер.

— Катись отсюда! — рявкнул Младший, повернулся и направился к городу, но заметил что-то краем глаза.

Навстречу медленно двигалась процессия ванеков. Он стоял на месте, следя за ее приближением, заметив, что Лютт сменил позицию, высоко подняв камеру. Вся компания выстроилась в полукруг перед Младшим, главный старейшина вышел вперед, подняв руку. Сорок с лишним ванеков отвесили одновременный поклон и застыли в нем, а старейшина протянул Младшему чашку для сбора милостыни и резное детальное изображение фруктового дерева Джебинозы в полном цвету.

— Дома никто не поверит, — пропыхтел задохнувшийся Лютт, снимая сцену в разных ракурсах.

— Немедленно прекратите! — заорал Младший на ванеков.

— Бендрет, — заговорил старейшина, — мы лишь хотим отдать тебе долг чести. Ты пострадал из-за нас. Такого никогда не бывало...

— И теперь ничего не вышло, — оборвал его Младший. — Весь смысл этой маленькой кампании заключался в том, чтобы вы обрели уверенность в себе и потребовали от других уважения к своему соб-

ственному достоинству. И что? Я оглядываюсь и вижу, как вы лебезите и кланяетесь! Прекратите сейчас же и встаньте!

— Ты не понимаешь, бендрет, — начал было старейшина.

— Думаю, что понимаю, — тихо проговорил Младший, — и дары ваши буду ценить до конца жизни, но давайте пока позабудем о благодарностях и тому подобном. Главная наша забота в данный момент — найти грузовик на замену. Только продержитесь, пока не раздобудем транспорт. Одалживайтесь друг у друга, делитесь едой, любой ценой следуйте плану, ждите от меня сообщения.

Старейшина кивнул и собрался отвесить поклон, но вовремя спохватился.

— Хорошо, бендрет, — сказал он.

— И никому не кланяйтесь — никогда.

Младший, быстро махнув рукой, пошел в город. Лютт засеменял за ним следом.

— Мистер Финч, вы только что сделали меня знаменитым. Если не получу за эту запись журналистскую премию, то никто ее не получит. Никогда не сумею вас отблагодарить.

Младший прибавил шагу, не глядя на него. Простая искренняя благодарность ванеков во время торжественной демонстрации тронула его сильнее, чем он смел признаться, быстро шагая к городу с чашкой и статуэткой в руках, с полными слез глазами.

— Есть шанс, что проиграете, — бросил он Лютту.

Хебер выслушал краткий рассказ Младшего о событиях с улыбкой, качая головой.

— Собственно, не в чем их упрекать, — сказал он. — Земляне иногда заступаются за ванеков,

но вас первого за них побии. Возможно, займете особое место на главной спице Большого Колеса, когда они будут рассказывать о вас своим внукам. — Он помолчал. — Как поладили с Люттом?

— Боюсь, не слишком удачно. Как бы вы себя вели, усталый, грязный, помятый, голодный, отвечая на дурацкие вопросы болтуна репортера, который сует вам в лицо свою камеру?

— Пожалуй, не очень-то дружелюбно, — признался Хебер.

— Причем даже в самой благоприятной ситуации вам едва ли понравился бы подтекст этих самых вопросов.

Хебер пожал плечами:

— Я ожидал многозначительных обобщений, но огласка, пусть даже неприятная, может вас уберечь от дальнейших побоев.

— Хорошо бы, — проворчал Младший, потирая саднившую челюсть.

На следующее утро Хебер вошел в контору со свежей газетой в руке. Младший только что расправился с утренним рационом.

— Вот! Читайте. Сейчас из столицы.

— Где вы ее взяли?

— Утром прибыли с полдюжины репортеров. Один из них дал. — Он просиял. — Вся первая страница наша!

И правда. Передовая страница печатного издания видеонОВОСТЕЙ целиком посвящалась событиям в Данцере. Быстренько пробежав текст за подписью Лютта, Младший нашел свое описание в образе загадочного молчаливого крестonosца,

борца с фанатизмом. Посреди страницы красовался крупный снимок ванеков, склонившихся перед ним в почтительном поклоне.

— Невероятно! Этот самый Лютт выставляет меня каким-то фантастическим киногероем!

— На Джебинозе ничего больше не знают, а вы, по-моему, вполне похожи.

Младший с отвращением швырнул газету на стол и подошел к окну.

— Где сейчас репортеры?

— Если я скажу, что за домом, куда вы пойдете?

— В другую сторону!

— Ну, в данный момент можете не особенно беспокоиться. Все столпились на улице у заведения Билла Джефферса. Наверно, задают ему довольно неприятные вопросы.

— Ох, нет! — Младший бросился к двери и выглянул.

Ему удалось разглядеть Джефферса в дверях универмага в окружении журналистов.

— А что? — спросил Хебер.

— Джефферс быстро заводится?

— Довольно легко кипятится.

— Тогда лучше мне туда пойти, — решил Младший и выскочил в дверь.

Спеша вниз по улице, он заметил, что Джефферс стоит в позе загнанного в угол зверя с побагровевшим лицом, горящими глазами, напрягшимся, как пружина, телом. Младший перешел на бег. Кто-нибудь из репортеров вполне может нарочно спровоцировать хозяина магазина на скандал, чтобы снять сенсационную сцену. Если средства массовой информации изобразят Джефферса дураком, слабоумным бандитом, это ничуть не

поможет ванекам, а владелец универмага станет вдвое упрямее.

— Ух ты! Идет крестоносец, борец с фанатизмом! — размахивая газетой, воскликнул Джефферс, заведя подбегавшего Младшего.

Репортеры мгновенно забыли о нем и накинулись с вопросами на главного героя.

— Я потом с вами поговорю, — посулил он, расталкивая их локтями. — В данный момент надо кое-что обсудить с мистером Джефферсом.

Чрезмерно растолстевший журналист в ярко-зеленом джемпере преградил ему путь:

— Сначала мы должны задать вам несколько вопросов, мистер Финч, — и сунул в лицо Младшему записывающее устройство.

— Нет, не должны, — последовал краткий ответ.

Аппарат щелкнул, репортер приступил к интервью, не обращая внимания на возражения.

— Ну, во-первых, откуда вы? Ходят слухи, что из чужих миров, и, по-моему, вы обязаны открыть свою...

Младший без предупреждения выбил у него из руки аппарат, схватил обеими руками за блестящий свитер и спихнул с тротуара. Услыхав за спиной очередной шелчок камеры, развернулся, вырвал ее из другой вытянутой руки и тоже швырнул на дорогу.

— Я сказал, что хочу поговорить с мистером Джефферсом. Поэтому, если не возражаете, обождите на другой стороне улицы, пока мы не закончим. Беседа конфиденциальная.

— Наши зрители имеют право... — начал кто-то.

— Слушайте! Если вообще желаете получить интервью, обождите вон там!

Угроза по-настоящему их припутнула. С Джефферсом они общались недолго, встретив главным образом каменное молчание. Если стоило проделывать тяжкий долгий путь по жаре, то исключительно ради интервью с этим самым Финчем. Репортеры медленно, нехотя потащились через улицу, бормоча, что лучше было б улететь с планеты, поймав где-нибудь слух, будто следующим в сектор пожалует Целитель.

— Ты бы потише, — посоветовал Джефферс. — Образ испортишь.

— Не испорчу, даже если постараюсь, — ответил Младший с сокрушенной улыбкой, — точно так же, как вы свой не исправите. Нам навязаны роли, никуда от них не деться. Я герой, вы злодей. В данный момент мое возмутительное поведение воспринимается как личная причуда. Если вы будете себя вести точно так же, это примут за врожденный порок вашей натуры, о чем нынче вечером станет известно всей планете.

Джефферс не ответил, не сводя с него любопытного взгляда.

— Так или иначе, вы, наверно, догадываетесь, зачем я здесь, Билл, — сказал наконец Младший. — Прошу вас, уступите, чтоб здесь вновь воцарился покой и порядок.

Мысли Джефферса были заняты чем-то другим.

— Никак я не пойму тебя, Финч, — пробормотал он, удивленно качая головой. — Просто не понимаю. — По-прежнему трясая головой, повернулся и скрылся в темном магазине.

Младший хотел пойти следом, потом передумал, двинулся назад к офису Хебера, игнорируя ожидавших репортеров. На полпути его остановил знакомый голос, окликнувший с улицы:

— Бендрет Финч!

Это был Рмрл, махавший рукой из кабины новенького сверкающего флитера-аэробуса. Аэробус остановился у тротуара, из него вышел Рмрл с каким-то землянином.

— Мистер Финч? — спросил землянин, протягивая руку. — Я — представитель столичного поставщика флитеров. Вчера вечером мы получили анонимный чек, полностью оплачивающий стоимость аэробуса и его доставки вам в Данцер.

— Анонимных чеков не бывает, — заметил Младший, оценивая размеры аэробуса. Легко поместятся тридцать — тридцать пять ванеков.

— Ну, чек, конечно, не совсем анонимный, однако даритель желает сохранить инкогнито. Впрочем, могу вам сказать, — сообщил он конфиденциальным тоном, — что это один из самых влиятельных на планете торговцев.

Хебер, не упускавший почти ничего из происходящего на улице, вышел из конторы, услышав последние фразы.

— Вы хотите сказать, аэробус предоставляется даром? Совсем? Без всяких условий?

Торговец флитерами кивнул:

— Возможно, у дарителя имеются собственные соображения, но он не выдвигает никаких условий.

Хебер хлопнул Младшего по спине:

— Смотрите! Я вам говорил, что паблисити пойдет на пользу!

— Не стану спорить, — сказал Младший и обратился к столичному гостю: — Что можно сказать? Принимаю... и благодарю дарителя, кем бы он ни был.

— Только распишитесь в квитанции, и он ваш.
Младший расписался и повернулся к Рмрлу:
— Летим прямо сейчас.
Ванек уже почти успел сесть в кабину.

Вэнс Пек не сильно обрадовался новой встрече с Младшим, хоть тот и привез полный автобус клиентов с синевато-серой кожей. Но когда он пообещал ему новое транспортное средство взамен сгоревшего грузовика, стал немного сговорчивее. Даже осмелился предложить Младшему жалованье.

— Ну, — промямлил торговец, — доходы-то стали расти с тех пор, как вы начали привозить этих самых ванеков, так что, по-моему, справедливо вам что-то платить. Скажем, десять джебинозских кредиток в месяц, годится?

Младший пожал плечами:

— Годится. Я стою вдвое дороже, но вы мне предоставляете комнату и питание. Предпочел бы, конечно, валюту potvrđe джебинозских кредиток, скажем толивианские аги, да в вашей глухомани их не водится. Значит, договорились. Будем считать, что сегодня мой первый оплачиваемый рабочий день. Согласны?

Пек разинул рот.

— Что вас так удивляет? Думали, я откажусь?

— Если честно, то да. Всегда считал вас благодетелем, не интересующимся деньгами.

— А я никогда не считал себя благодетелем, мистер Пек. И всегда искренне интересовался деньгами. В нашей семье говорится: позорно получать что-нибудь ни за что. Если я буду совершать рейсы бесплатно, вы примете это за нечто

само собой разумеющееся. А мне этого не хочется. — Он насмешливо смотрел на своего нового работодателя. — Хорошо, что сами предложили, — избавили меня от необходимости требовать.

— *Вы хотели поговорить со мной?*

— *Да, сэр.*

— *Ну, садитесь.*

— *Спасибо, сэр.*

— *В чем дело?*

— *У вас, как я понял, проблема в Данцере, сэр.*

— *Ничего подобного. У меня нет проблем ни в Данцере, ни в каком другом месте.*

— *Как скажете, сэр. Впрочем, я мог бы уладить ее в полной тайне.*

— *Извините. У меня нет проблем, достойных упоминания. А если бы были, я, безусловно, способен уладить их самостоятельно. Всего хорошего.*

— *Как вам будет угодно, сэр. На всякий случай вот мой номер. Я могу решить проблему, не оставив никаких свидетельств ее решения. Запомните: никаких свидетельств.*

Солнце заходило. Завершив дневной рейс, Младший сидел в офисе Марвина Хебера, упиваясь вечерним ветерком из открытых дверей, осушавшим вспотевшее лицо.

— Помнишь, я недавно спрашивал насчет терморегулятора? — спросил он.

Они с Хебером крепко подружились после случая с сожженным грузовиком. Старший мужчина кивнул.

— Вот и думаю. У него есть свои преимущества — кругом прохладно и прочее, — но, если бы в этой

маленькой конторке была вентиляция, не сидел бы я на ветерке, не слышал бы абсолютно даром чудесные свежие запахи.

Младший чувствовал приятную расслабленность и полное примирение с самим собой.

— Знаешь, что поистине удивительно, — рассуждал он, указывая на сверкавшие звезды. — У нас там имеется все, от профессиональной телепатии до генной инженерии, огромные массы людей не имеют ни малейшего представления о существовании таких городишек, как Данцер. А кругом столько данцеров, где народ пользуется устаревшей технологией и больше ничего не имеет. Кажется, я очень рад, что приехал сюда.

В дверной косяк постучали, и на пороге в меркнувшем свете вырисовался силуэт молодого человека с кейсом.

— Мне сказали, здесь можно найти мистера Финча.

— Это я.

Мужчина вошел, представился:

— Карл Тейес. Если позволите, хотелось бы минуточку с вами поговорить.

— Надеюсь, вы не очередной репортер.

— Вовсе нет. Я представляю многих столичных законодателей.

Хебер ногой подтолкнул стул к новому гостю:

— Садитесь.

— Спасибо. — Тейес уселся, положил кейс на колени, открыл. — За несколько последних недель вы, мистер Финч, стали довольно заметной фигурой. Успели привлечь на всей планете больше внимания к проблеме ванеков, чем весь законодательный корпус в прошедшие годы. Однако борьба далеко не закончена. Принятие Закона о равнопра-

вии ванеков еще не гарантировано. Если честно сказать, поддержка тает.

— Какое это имеет ко мне отношение?

— Вот какое. Нам хотелось бы, чтобы вы обратились к некоторым влиятельным группировкам в столице и убедили их поддержать билль.

— Меня это не интересует, — равнодушно ответил Младший.

— Но вы обязаны!

— Я никому ничем не обязан! — воинственно заявил Младший, поднявшись со стула. — То, что я здесь делаю, полностью противоположно каждому слову того самого билля! Разве не видите? Если я одержу здесь победу, она послужит доказательством, что ваш Закон о равноправии ванеков столь же лицемерен, как его сочинители.

Хебер с любопытством слушал. Он вдруг увидел Финча-младшего с другой стороны, получив ответы на несколько мучивших его вопросов.

Тейес гадал, что сказать, когда в офис ворвался Билл Джефферс, который взмахнул двумя папками высоко над своей головой и с размаху швырнул их на письменный стол.

— Черт побери, Финч! — взревел он. — Сдаюсь! Только что просмотрел свои книги, ни дня больше не выдержу. Отступаюсь. Верни мне ванеков!

— Будете их кормить в зале вместе со всеми прочими? — спросил Младший, тщетно стараясь скрыть ликование.

— Пускай хоть головой вниз со стропил висят и едят, мне плевать! Только пускай вернутся.

— Завтра же будут у вас. — Младший протянул руку. — Надеюсь, без обид?

Джефферс ответил крепким рукопожатием.

— Конечно. Для обид не вижу причины. Будь ты парнем другого сорта, я бы лучше закрыл заведение, чем отступился. Но с тобой, Финч... Не знаю, в чем дело, только мне почему-то не стыдно тебе проиграть.

— Проиграть? Что же вы проиграли?

Джефферс нахмурил брови, потом улыбнулся:

— И правда! — Он вдруг рассмеялся, и Младший его поддержал.

В веселом смехе таяло и разряжалось недавнее напряжение.

Хебер склонился над своим столом, хлопнул обоих мужчин по плечам.

— Прекрасно! Замечательно! — повторял он и тоже расхохотался.

— Пошли ко мне, выпьем чего-нибудь, — предложил наконец Джефферс. — Думаю, мне надо хорошенько выпить!

— Неплохая идея, — согласился Младший. — Только я угощаю.

— Идешь, Марв? — спросил Джефферс.

— Следом за вами. — Хебер взглянул на правительственного чиновника, хранившего многозначительное молчание. — Не желаете присоединиться?

Тейес резко кивнул, плотно захлопнул кейс.

— Нет, спасибо. Я должен немедленно вернуться в столицу.

Он встал и быстро нырнул в темноту.

Троица направилась к заведению. Шагая между тощим Хебером и огромным, как гора, Джефферсом, Финч-младший чувствовал себя заново родившимся. Возможно, впервые за всю свою взрослую жизнь чувствовал себя настоящим Финчем.

— Ах! Это вы. Я ждал вашего звонка. Знал, что понадобится.

— Не имеет значения. Можете... уладить проблему, о которой упоминали в моем кабинете? Без всяких... свидетельств?

— Да.

— Нынче ночью.

— Где?

— Разумеется, в Данцере.

— Да, это можно устроить. Но сначала обсудим вопрос о компенсации моих трудов.

— Нет вопроса. Если сумеете подобающим образом поправить дело, получите примерное вознаграждение.

— Очень хорошо. Отправляюсь немедленно. Впрочем, еще одно, в чем я должен быть абсолютно уверен: речь идет о Финче-младшем, не так ли?

— Я думал, это очевидно. Скажите, как вы собираетесь действовать?

— Завтра утром узнаете.

Истек не один час, не одна кварта местного спиртного, когда вечеринка неожиданно была прервана — парадная дверь универмага открылась. В зал вошел невысокий мужчина с болезненным желтоватым лицом и оглядел троих пирующих.

— У нас своя компания! — рявкнул Джефферс. — Магазин закрыт. Приходите завтра.

— Очень хорошо, — сказал человечек со слабой улыбкой.

Младший заметил, что взгляд незнакомца как бы задержался на нем на секунду, отчего он передернулся. Почти бесчувственное состояние не позволяло понять, в чем дело, просто в темных глазах

мужчины было что-то очень холодное, очень неприятное. Впрочем, некстати явившийся посетитель ушел, не сказав больше ни слова, и Младший вернулся к выпивке.

А через час вымолвил, с трудом встав на ноги:

— Джентльмены, с меня довольно.

— Сядь! — приказал Джефферс. — Осталось еще, хоть залейся.

Младший с искренней теплотой посмотрел на него. За все время противостояния он так и не сумел почувствовать настоящую неприязнь к Джефферсу. Здоровяк по натуре, открытый и честный... Всего только с одним недостатком.

— Нет, Билл. Вернусь в контору, спать лягу. Напился с непривычки по-настоящему. Завтра увидимся с вами обоими.

Хебер с Джефферсом помахали ему на прощание и вновь взялись за стаканы.

На следующее утро на рассвете к заведению Джефферса подкатил некий фермер, направился к двери, что-то заметил в тени в переулке рядом с магазином, пошел посмотреть. В пыли лежал Финч-младший с воткнутым прямо в сердце церемониальным кинжалом ванеков.

К концу дня вся планета знала о случившемся. Хебера в его офисе осаждала армия репортеров. В маленьком кабинетике было жарко, душно, у него кружилась голова, хотелось одного — чтобы все убрались. За несколько недель знакомства он сильно привязался к парню, а теперь он мертв.

— Только что получено медицинское заключение, — проговорил дрожащим голосом градоначальник, и в шумном офисе вдруг настала тиши-

на, — которое полностью снимает подозрения с человека, которого вы все преждевременно заподозрили. — Он помолчал и заявил с подчеркнутой многозначительностью: — Время смерти точно установлено, и я лично могу подтвердить алиби мистера Джефферса на этот момент. Ясно?

В ответ послышалось бормотание: присутствующие осторожно признали факт.

— Теперь насчет кинжала. Разумеется, подозревать ванеков никак невозможно. Хотя на оружии нет ни человеческих отпечатков пальцев, ни кожных клеток, это легко устроить, надев тонкие перчатки. Даже если бы ванеки в принципе были способны на такой поступок, то из всех обитателей Джебинозы в последнюю очередь причинили бы вред Финчу-младшему. Поэтому надо искать убийцу среди землян. Мне кажется...

Толпа репортеров расступилась, пропуская проталкивавшегося сквозь нее молодого ванека. Хебер узнал Рмрла.

— Мы пришли за кинжалом, бендрет.

— Извини, дружище, пока он останется у меня. Понимаешь, вещественное доказательство...

Рмрл помолчал, а потом заявил:

— Мы и за телом тоже пришли. Оно должно упокоиться рядом с нашими предками.

— Пожалуй, это можно устроить, когда останки вернут из столицы. Больше никто на планете на него не претендует, а откуда Финч-младший прибыл — никому не известно. — Ванек собрался уходить, и Хебер поспешил задать следующий вопрос: — Не догадываешься, кто украл кинжал, Рмрл?

— Украл? Никто его не крал.

— Как же он попал в руки убийцы?

Лицо ванеска перекошилось в гримасе, которую можно было признать только горестной.

— Мы его убили, бендрет.

— Ни за что не поверю! — охнул Хебер.

В конторке возник истинный пандемониум.

— Это правда.

— Зачем вы это сделали?

— Так написано на Большом Колесе, — выпалил Рмрл и метнулся прочь.

Хеберу далеко не сразу удалось восстановить порядок в офисе, а когда все, наконец, немного утихло, он заявил:

— Ни на миг не поверю, чтобы ванеки воткнули кинжал в сердце Финча-младшего! Они его любили. Нет, это дело рук землянина, который каким-то образом заставил их взять вину на себя. — Он вышел из-за письменного стола вдруг постаревшим и очень усталым. — А теперь все, пожалуйста, уходите отсюда. С меня на сегодня достаточно.

Репортеры медленно потянулись к дверям, гадая, куда идти дальше. Один чуть отстал, оказавшись в дверях наедине с Хебером.

— Я думал, ванеки никогда не лгут, — шепнул он.

Лицо Хебера выражало страдание, смешанное с недоумением и страхом.

— И вы не ошиблись, — сказал он, захлопнув дверь.

На следующий день ванеки похоронили Младшего со всеми ритуалами и почестями. Прежде такой церемонии удостоивались только мудрейшие, наиболее почитаемые представители их собственной расы.

Марвин Хебер с целой кучей столичных оперативников провели тщательное расследование, не обнаружив никаких свидетельств, которые могли бы привести их к убийце.

Как часто бывает, многие оплакивали и восхваляли Финча-младшего, а понимали лишь несколько человек. К его духу трогательно, умело и безжалостно взывали те, кто старался набрать достаточно голосов для принятия Закона о равноправии ванеков — законодательного акта, который труды Младшего сделали абсолютно ненужным.

7. ДЖО

Перелет на Дил уложился в два прыжка и в шесть стандартных дней. Собственно, физически не слишком тяжело, а эмоционально весьма утомительно. Единственный компаньон — старик Пит, к которому Джо никак не могла проникнуться теплыми чувствами. Она всеми силами старалась отделаться от поездки, надеялась даже, что Хаас откажется их принять. Не повезло — тот с радостью согласился на встречу.

Впрочем, на борту корабля возникла возможность изучить своего старого неприятеля, казавшегося еще загадочней прежнего. Он ведет ее к какой-то цели. Притворяясь, будто предоставляет ей дергать за ниточки, на самом деле лично руководит представлением. Но какова конечная цель?

И какова его ставка во всем этом деле? Он ушел из компании, может быть, доживает последние годы. Зачем же летит сейчас среди звезд вместе с ней?

Фрагменты не складываются в осмысленную картину. Старик Пит всегда все делает исключительно для ее пользы. Почему же она не способна ему доверять? Почему постоянно подозревает, что он что-то скрывает? А это действительно так. Несмотря на бесконечные заверения в обратном, абсолютно точно что-то прячет.

Другой мучительный неотступный вопрос — протокол о вскрытии тела отца. Он оказался неполным: целая графа пустовала. Ни одна деталь не пропущена — время смерти; неоспоримая причина: рассечение миокарда церемониальным кинжалом ванеков, — но пустое место назойливо бросалось в глаза. Старик Пит раздобыл документ, не найдя объяснения пропуску. Впрочем, Джо рано или поздно дознается. Она ничего упускать не привыкла. Точно так же, как не привыкла сидеть сложа руки, ни за что ни про что получая годовой доход от отцовского пакета акций в КАМБе.

Даже не вспомнишь, когда она решила вернуть в КАМБ имя Финчей — кажется, лет в пятнадцать, — и это решение вскоре переросло в одержимую страсть. Джо изучила историю агентства, крупные успехи, самые смелые рискованные предприятия, досконально ознакомилась со стилем работы, маневрами и стратегиями. Разыскав все писанные и неписанные истории изысканий Джо Финча на Земле и во внешних мирах, преисполнилась восхищения перед дедом. В момент катастрофы флитера ей было всего семь, в памяти запечатлелся лишь смутный образ мужчины огромного роста, всегда прятавшего в карманах пару подарков. Чем больше внучка о нем узнавала, тем больше дед рос в ее глазах. К тому времени, как она приготовилась к захвату КАМБа, Джо Финч в ее представлении стал настоящим гигантом.

Старик Пит — совсем другое дело. Джо знала, что деятельность КАМБа основана на его теориях, что без него агентства, возможно, вообще бы не существовало. Он навсегда неразрывно связан с его историей. За это она его уважает, однако никакое уважение не может опровергнуть глубокое убеждение в виновности старика Пита в бегстве ее отца. Впрочем, чтобы вернуть КАМБ в руки Финчей, ей требовалась его помощь.

Как ни удивительно, старик Пит принял ее сторону. После долгой беседы, в ходе которой он ее дотошно расспрашивал о теоретических и практических аспектах деятельности КАМБа, получив довольно сильное впечатление, не только вернул ей отцовские акции, но и доверил во временное распоряжение свои собственные, чтобы она во всеоружии предстала перед советом директоров. Щедрый жест показался и до сих пор кажется абсолютно для него несвойственным, тем не менее Джо спорить не стала.

Совет директоров составляли семь бизнесменов-профессионалов с острым нюхом и непоколебимым упрямством, с двухсотлетним опытом в нескончаемых сделках по купле-продаже на межпланетных рынках. Они сидели за круглым столом заседаний, вежливо и снисходительно улыбаясь, когда она встала, чтобы обратиться к ним с речью.

Сначала атмосфера за столом была окрашена насмешливым любопытством, но к концу выступления произошла ошеломляющая перемена. Улыбки исчезли, сменившись гневом, потрясением, возмущением.

Да, тот день никогда не забудется. Перед де-маршем Джо тряслась от страха; завершая речь, обливалась холодным потом. Пять директоров

прямо на месте подали в отставку в откровенной попытке запугать ее, вынудив к отступлению. Она не испугалась блефа, и через три недели к коллегам присоединились двое оставшихся. Официальным поводом для отставки всех семи директоров послужил написанный от руки листок на стене: КАМБ вновь становится семейным предприятием, что влечет за собой установление над советом деспотического контроля. Противоречие этого представлению директоров о положении совета в иерархии агентства не оставило им иного выхода, кроме отставки.

По секрету они объявляли друзьям, что не намерены выполнять распоряжения зеленого юнца. Хуже того — зеленой *девчонки*.

Джо знала: ее пол — решающий фактор. Такие люди на женщин не работают. Для них это вопрос гордости, хотя проблема глубже. Они не верят в способность женщины руководить гигантским агентством вроде КАМБа.

Как ни странно, старик Пит, кажется, не разделяет их мнения — возможно, потому, что родился и рос на Земле. А земляне, несмотря на всю их многочисленность, упадок и разложение, задавленную бюрократией жизнь, считают женщин и мужчин равноправными. Во времена колонизации жители внешних миров придерживались такого же взгляда. Мужчины и женщины вместе на равных летели к звездам, вместе приземлялись, вместе основывали колонии. Однако со временем положение изменилось, особенно в отколовшихся мирах. Почти или совсем полный разрыв связей с материнской планетой неизбежно приводил к падению технологического уровня, причем зачастую в первую очередь безвозвратно выходили из строя ап-

параты для искусственного зачатия и инкубаторы для зародышей.

Чтобы поселения дожили до второго-третьего поколения, требовались дети — как можно больше детей. Поэтому колонисты вернулись к старому способу деторождения, и техники, навигаторы, инженеры, случайно оказавшиеся женщинами, вскоре опустились до роли производительниц и домохозяек.

И теперь, спустя столетия, когда колонии утвердились в качестве самостоятельных внешних миров, объединившись сначала под властью Метепской империи, потом под эгидой Федерации, привычное правило не изменилось: женщина должна сидеть дома.

Джо не хотела и не могла с этим смириться. Однако отвергала преобладающее отношение к женщине, не вступая в целенаправленную борьбу, не пускаясь в крестовый поход, не размахивая знаменами, не приколачивая к дверям тезисы¹. Когда она возглавила КАМБ, к ней обращались многочисленные группировки, выступавшие за равноправие мужчин и женщин, но она всех отфутболивала, отчасти потому, что не имела свободного времени, отчасти потому, что фактически не видела проблемы. По ее понятию, женщины играли второстепенную роль исключительно по собственной воле. Джо с легкостью жила бы на проценты от акций КАМБа, но не соглашалась на это, зная, что имеет право руководить агентством и должна им воспользоваться. Если кто-нибудь возражает, пусть предъявит серьезные доводы или уйдет с до-

¹ По преданию, Мартин Лютер вывесил на дверях Виттенбергского собора 95 тезисов, отвергающих основные догматы католицизма, положив начало движению Реформации.

роги. За нежелание поддержать общее женское дело ее нередко называли близорукой, эгоистичной, на что она неизменно давала ответ: «Извините, мне надо работать».

В межзвездных торговых кругах считалось почти невозможным, чтобы женщина возглавляла крупную корпорацию. Фактически Джо никогда даже в голову не приходило, что женщине не следует этого делать. Вот в чем состояло главное отличие Джозефины Финч от ее современников: они тратили время, громогласно провозглашая равенство мужчины и женщины, она доказывала его на деле.

Сообщили, что корабль почти лег на орбиту, поэтому Джо со стариком Питом собрали вещи и приготовились к пересадке в челнок. Дил не пользовался особой известностью среди населенных миров — небольшая трудолюбивая планета без природных красот и громких политических скандалов.

Неподалеку от главного космопорта Дила стоял товарный ангар — обитель Хааса, огромный сарай, огороженный по периметру высоченной оградой. Важнейшие, принципиально новые детали изобретенных им врат в искривленное пространство уже защищали федеральные патенты, но он работал над дальнейшими усовершенствованиями, чем объяснялись усиленные меры безопасности. Джо со стариком Питом дважды подверглись досмотру, прежде чем им разрешили войти.

Хаас явно ни на кого не собирался производить впечатление. Внутри сарай выглядел столь же убого, как снаружи. За единственным письменным

столом в захлавленной прихожей сидела одинокая утомленная секретарша.

Джо протянула девушке пропуск.

— Джозефина Финч и Питер Пакстон к мистери Хаасу, — объявила она.

Секретарша не глядя взяла бумажку, сверилась со списком посетителей, кивнула, нажала на кнопку и доложила:

— К вам Финч и Пакстон.

— Впустите, — велел ворчливый голос.

Девушка указала на не поддающуюся описанию дверь с табличкой, на которой было напечатано просто «Хаас». Джо, постучав, вошла. Старик Пит держался в нескольких шагах позади.

Помещение было заставлено невероятным количеством архивных шкафов, сплошь завалено диаграммами, кальками, микротаблицами, разнообразными записками и рисунками на клочках бумаги. Денвер Хаас, возбужденный коренастый мужчина, горбился над письменным столом, перечитывая и делая заметки — настоящий король гномов, пересчитывающий свои сокровища.

Услыхав стук закрывшейся двери, он поднял глаза и со скупой улыбкой воскликнул:

— Ах, мисс Финч, мистер Пакстон! Прибыли... Это большая честь для меня, хотя и трата времени для всех нас вместе.

У стола стоял только один свободный стул. Хаас встал, схватил какие-то бумаги с другого стула в углу, бросил на пол, подтащил его к столу, предложил Джо садиться, кивнув на другое сиденье старику Питу.

Они сели, ожидая, когда маленький человечек займет свое место. Он оказался старше, чем думала Джо, с узловатыми костлявыми руками, непо-

слушной копной седеющих волос и с бородой — ни много ни мало! При общедоступных способах перманентной депиляции не часто увидишь заросшее волосами лицо.

— Ну, зачем вы хотели со мной встретиться? — отрывисто уточнил хозяин. — Считайте, что я не догадываюсь.

— Чтобы поговорить о ваших вратах, — с привычной прямоотой призналась Джо.

— Так я и думал, — пробормотал Хаас, трясая головой. — Потратил целое состояние на лучшую в мире систему охраны, как меня уверяли, и вот вы являетесь поговорить о моих вратах, словно просто забежали позавтракать!

— Кругом ходят слухи, — объяснила она, — тем более что не вы один связаны с этим делом.

Хаас оглянулся вокруг:

— Что имеется в виду? Это мое изобретение! Мое! С самой первой схемы до действующей модели...

— И финансируется исключительно вами, конечно.

— Что вам известно о моих финансах? — окрысился изобретатель.

— Не много. Но финансирование со стороны порождает разговоры со всех сторон, а я прислушиваюсь к любым разговорам о любых новых открытиях.

— Не сомневаюсь.

— Это моя профессия. И поэтому я проделала долгий путь с Рагны, чтобы попробовать убедить вас в необходимости обратиться за помощью к КАМБу. Ваше изобретение обладает хорошим потенциалом, но мы гарантируем вам максимальную прибыль.

— Вы говорите, оно обладает хорошим потенциалом? — насмешливо переспросил он, стараясь изобразить польщенную улыбку. — Да у него великолепный, *потрясающий* потенциал! Почему вы решили, будто я нуждаюсь в какой-нибудь помощи КАМБа?

— Потому что слишком рано собираетесь выйти на рынок.

— Это ваше личное мнение, мисс Финч.

— К сожалению, это факт. В принципе ваши ворота можно использовать в поле тяготения планеты, но вы еще этого не добились, и...

Хаас грохнул кулаком по столу и вскочил на ноги.

— Откуда вы все это знаете? Как вы смаете! Это секретные сведения! Никто не должен знать об этом!

В голове у Джо мелькнула мысль, словно маленькая крылатая птица, подхваченная воздушным потоком, — какой наивный человечек! Впрочем, она не позволила себе отвлечься от дела.

— Когда вы собираетесь выпустить ворота на рынок, мистер Хаас? В течение стандартного года, если не ошибаюсь?

Он кивнул, удивляясь подобной осведомленности молодой женщины в его делах.

— А когда они будут действовать в поле тяготения?

Изобретатель снова уселся.

— Приблизительно через пять стандартных лет, — проворчал он.

— Очень хорошо. Я бы вам посоветовала подождать. Будет чрезвычайно трудно пробудить интерес покупателей к воротам в их нынешнем виде. Не забывайте, что ныне каждый межзвездный грузо-

вой корабль оснащен бортовым генератором искривленного пространства. Они нисколько не нуждаются во вратах, установленных в критических точках полей тяготения, которые им практически ничего не дадут. Возможно, крупные компании приобретут несколько экземпляров для перегруженных главных торговых путей, но мелкие не согласятся со слишком высокими, как я предполагаю, ценами. Короче говоря, мистер Хаас, пока врата не будут надежно работать в гравитационном поле, спроса на них не возникнет.

Собеседник фыркнул.

— Мы все это уже обсуждали и опровергли. Не сомневаемся — скоро пойдет первый поток заявок. А получив возможность расширить масштаб производства, выпустим следующую модель по сниженной цене. — Сцепив на затылке руки, он откинулся в кресле с победоносным выражением на лице. — Видите? Мы все учитываем.

— В самом деле? И «Старуэйз» тоже?

— Вы о чем это?

— О конкуренции...

Хаас разразился смехом:

— О конкуренции? Мои врата уникальны! *Никакой* конкуренции тут быть не может!

— Если позволите мне закончить мысль, — перебила Джо, теряя терпение, — возможно, что-нибудь поймете. Неужели вы действительно думаете, будто «Старуэйз» согласится спокойно сидеть и смотреть, как вы сбиваете рыночный спрос на ее основную продукцию? Она начнет снижать цены на бортовые генераторы до последнего предела, пока вы не отступитесь. А когда вы потерпите на рынке крах, выкупит права на производство врат и сама вместо вас будет их продавать. Взамен вы

получите деньги, на которые можно купить маленькую планету, но ваша компания рухнет. — Она несколько сбавила тон. — КАМБ сможет предупредить подобное развитие событий. Если нет, мы хотя бы дадим бой гигантскому конгломерату, какого он еще не видел.

— Нет, — тихо, но с силой выдавил Хаас, опираясь руками о стол и подавшись вперед. — Этого никогда не случится. «Старуэйз» никогда не получит права на врата, потому что они целиком и полностью принадлежат мне — *целиком и полностью!* И я их никогда не продам, никому не доверю, не передам во временное пользование... Независимо от предложенной суммы. Дело вовсе не в деньгах. — Глаза его как бы остекленели, он смотрел на Джо, не видя ее. — Тут нечто большее. Врата — вся моя жизнь. Сколько себя помню, больше ни над чем не работал. Только недавно получил возможность полностью уделять им все время, и все-таки они были со мной постоянно. В тяжелые времена я служил инженером, проектировщиком, даже монтером, однако, возвращаясь домой, обязательно возвращался к вратам. Теперь они — часть меня самого. Я скорее отдам кому-нибудь свою правую руку, чем передам другой компании права на врата. Компания «Хаас» получила права во временное пользование, и, если компания «Хаас» не сможет продавать врата, никто другой продавать их не будет. Это я вам обещаю.

В помещении воцарилось молчание. Джо хмуро гадала, известно ли де Блуазу с компанией о монополии изобретателя. Впереди виден лишь неизбежный финансовый крах.

Мысли старика Пита шли в другом направлении. Он хранил молчание с той самой минуты, как

вошел к Хаасу, наблюдая и восхищаясь поведением Джо. Одновременно присматривался к ученому, тронутый взволнованными откровенными излияниями маленького человечка. Крошечный старичок — конечно, моложе Пита, но, тем не менее, старичок, — одержимый мечтой... Тело — а возможно, и разум — слабеет, но он все равно стремится к мечте. К мечте! Если бы речь шла о людях лет двадцати—тридцати, это была бы мечта, для мужчины в возрасте Денвера Хааса — безусловная одержимость.

Наконец старик Пит заговорил.

— Интересно, что сказали бы спонсоры, ознакомившись с вашей точкой зрения.

— Она им досконально известна, — ответил Хаас. — Я всегда откровенно беседовал с потенциальными спонсорами. — Привычно опущенные углы его губ поднялись на секунду в короткой улыбке. — Поэтому для меня это редкие птицы. А нынешние со мной согласны на все сто процентов.

Джо пришла в полное ошеломление. Какая-то бессмыслица.

— Знают и все-таки финансируют?

Изобретатель кивнул.

— Назовите их нам, если не возражаете, — попросил старик Пит.

— Нисколько не возражаю. С удовольствием бы назвал, если б знал, но не знаю. О, конечно, могу повторить имена, под которыми они представились, да ведь это наверняка не соответствует истине. Им почему-то хочется остаться неизвестными — непонятно, хотя меня это фактически не волнует. Я таких людей очень долго искал и с большим трудом нашел. Мы пришли к полнейше-

му согласию, все абсолютно законно, поэтому я ничуть не возражаю против анонимности.

— Им известно, что вы собираетесь выпустить врата на рынок в их нынешнем виде? — повторила Джо, озадаченно сморщив лоб.

— Не только известно — они сами советуют сделать это как можно скорее. Не видят смысла медлить, когда есть возможность получить хорошую прибыль на вложенный капитал, пока я усовершенствую изобретение. — Он поднялся. — А теперь мне пора вернуться к работе. Позвольте вас обоих поблагодарить за визит. Я твердо верю во врата, а вы еще больше повысили в моих глазах их цену.

— Такова и была наша цель, уверяю вас, — пробормотала Джо.

— Какой бы она ни была, таков чистый итог. Сначала меня поразила ваша осведомленность о вратах, потом вспомнилось о широких связях КАМБа. Фактически интерес к вратам, заставивший вас лично отправиться в такую даль, чтобы предотвратить их выход на рынок, служит мне надежной гарантией успеха. Всем известно, что КАМБ редко делает ставку на неудачников.

Джо собиралась заметить, что большинство клиентов КАМБа *были* неудачниками, пока не обратилась к агентству за помощью, но сообразила, что продолжать разговор бесполезно. КАМБ многое мог бы сделать для изобретателя врат, однако она ни при каких обстоятельствах не стала бы работать с таким клиентом, как Денвер Хаас. Пожав плечами, она встала и повернулась к двери.

— Кстати, есть еще одна маленькая деталь, которую вы совсем упустили из виду, оценивая рыночные шансы врат, — злорадно добавил Хаас.

Джо бросила на него вопросительный взгляд.

— Военные контракты! Вы совершенно забыли о военном потенциале врат! Идеальный способ крупномасштабной переброски техники и живой силы. — Он широко улыбнулся. — Да. По-моему, никаких проблем с заказами не возникнет. Мы будем просто сидеть и смотреть, как движется дело.

— Всего хорошего, мистер Хаас, — бросила Джо, направляясь к дверям. — Желаю удачи.

Старик Пит последовал за ней, сокрушенно качая головой.

Во взятом напрокат флитере на обратном пути к космопорту царило озабоченное молчание. Ни Джо, ни старик Пит не обратили внимания на вышедшего вслед за ними из ангара Хааса мужчину, который сел в собственный флитер и приземлился неподалеку на платной стоянке.

— Ну, — сказал старик Пит, когда они вошли в терминал в ожидании мест в челноке к кораблю на орбите, — даже не знаю, что думать.

— Я сама в полном недоумении, — призналась Джо. — Особенно после заключительного залпа — военные контракты! Он сумасшедший.

— Одержимый — возможно. Но не сумасшедший. По крайней мере, не окончательно.

— Военные контракты — подумать только! Не сомневаюсь, что федеральное Министерство обороны с радостью встретит известие о возможности приобрести такое устройство, как врата в искривленное пространство, но шансы на крупный заказ нулевые.

— Вряд ли оно хоть одни купит.

— Почему люди вроде Хааса позволяют себе лезть в коммерцию? — недоумевала Джо. — Он, конечно, блестящий изобретатель и теоретик, о чем свидетельствует существование врат, но никакого понятия не имеет об экономических силах, действующих против него на рынке. Знаете, мы ему сильно могли бы помочь. В данный момент у меня уже имеется добрый десяток идей, которые наверняка позволили бы Хаасу несколько первых лет продержаться до создания усовершенствованного варианта. А при нынешнем положении дел «Старуэйз» мигом сотрет его в порошок, и де Блуаз с компаньонами безвозвратно лишатся вложенного капитала.

Старик Пит хмыкнул.

— Хуже всего, что де Блуаз спокойно выбрасывает на ветер целое состояние. Я с ним никогда не встречался, но знаю его, Джозефина, лучше, чем родная мать, отец, жена. Может быть, знаю о нем кое-что, чего он сам о себе не знает. Одно неоспоримо: де Блуаз совсем не дурак. Он умен, ловок, перекрывает все выходы, поэтому участие в обреченном на неудачу проекте абсолютно не в его стиле.

— Что нас приводит к единственно возможному заключению, — добавила Джо, глядя на мужчину, прислонившегося к стене за терминалом.

Ей почти казалось, что он за ними наблюдает.

— Понятно, — вздохнул старик Пит. — Де Блуаз догадывается, что мы что-то знаем. И мне это не нравится.

Джо сочла наблюдателя очередным скучающим пассажиром — секретные переговоры измотали ее.

— Мне еще больше не нравится, что врата для нас, возможно, потеряны. Если компания «Хаас»

свернет свою деятельность и держатель прав решит не выставлять врата на продажу и не сдавать в аренду, это может обернуться трагедией.

Старик Пит пожал плечами:

— Действительно, это было б трагедией. Хотя он волен делать все, что угодно. Согласно Энди, патенты действительны, как минимум, еще два столетия. Человечеству просто придется дождаться.

Вспыхнул сигнал отправки их челнока, и они поехали по транспортеру на взлетное поле. Стоявший с другой стороны терминала мужчина вышел на смотровую площадку, глядя, как они садятся в челнок.

Когда корабль поднялся в воздух, он спустился вниз, направился прямо к ряду кабинок подпространственной связи, обязательно установленных в каждом космопорте, вошел в первую попавшуюся, закрылся, затемнил стекла и начал передавать в Центр Федерации срочное сообщение.

8. ДЕ БЛУАЗ

Бар был целиком отделан деревом, что не часто увидишь в Центре Федерации. В имперские времена в этом зале клуба располагалась таверна, сохранившаяся в первоначальном виде, с той же самой стойкой, на которую триста лет назад облакачивались владельцы, когда заведение еще носило название «Белый олень». На твердом дереве под густым прозрачным сверкающим лаком праздные выпивохи до сих пор различали рисунки и инициалы, нацарапанные на оригинальном покрытии.

Ныне бар принадлежал «Клубу Стражей» — старейшему, наиболее уважаемому, самому исклю-

живному во внешних мирах. Его членами были только мужчины, причем исключительно те, кому удалось достичь определенного статуса в финансовой, политической и художественной сферах. Элсон де Блауз наслаждался элитарной атмосферой, глубоко понимая смысл и суть заведения. Здесь он на своем месте. В его родном мире не было клубов, где человек с его происхождением и капиталом находился бы среди себе подобных.

Впрочем, в данный момент он не находился среди себе подобных. В ранних сумерках одиноко стоял в пустом баре, склонившись над тонким бокалом с дербийским вином из орхидей. На его вкус зеленоватый напиток слишком сладкий, но, следуя последнему писку моды в Центре Федерации, он его постоянно заказывал. Надо быть современным, идти в ногу со временем, иногда даже вперед забегать. Говорить лишь о завтрашнем дне, никогда о прошедшем.

Потому что никто здесь не видит в прошлом ничего хорошего. Об этом Ла Наг позаботился. Революция изменила не только структуру власти, она проникла в умы и сердца его современников, внушив им совершенно иное представление об обществе, в котором они жили. И сегодня, через несколько поколений, урок той революции отражается на мировоззрении внешних миров. Поэтому надо из всех сил стараться не прослыть консерватором.

Гораздо предпочтительнее называться Перестройщиком. Звучит в эмоциональном плане нейтрально, имеет прогрессивный оттенок. В конце концов, их цель — перестроить Федерацию. Де Блауз про себя улыбнулся. Перестроить? Они собираются перевернуть ее вверх дном и вывернуть наизнанку!

Улыбка не исчезала с его лица. В определенном смысле справедливая, можно сказать, ирония судьбы: планируя выкинуть на помойку Устав Ла Нага, он сидит в перестроенной таверне, где, по слухам, почти триста лет назад в этом самом зале, еще называвшемся «Белый олень», часто сиживали по вечерам Питер Ла Наг и Дэн Брунин, задумывая свержение Метепской империи.

Великолепный был заговор! Хотя фактически в публичных выступлениях де Блуаз сводит к минимуму вклад Ла Нага в революцию, хотя фактически движение Перестройщиков давно ведет тайную кампанию по дискредитации нелепого общества, идиотского детища Ла Нага, дискредитируя таким образом его самого, хотя фактически многие поколения Перестройщиков ничего не могут поделаться с хитроумными формулировками Устава, Ла Наг у него вызывает угрюмое уважение. Заговор распространился на каждый уровень имперского общества, охватил всю галактику, от самой дальней разведанной точки космоса до старушки Земли. Редкостное мастерство!

Де Блуаз имел полное право гордиться собой. В конце концов, он устроил свой собственный заговор. Правда, не столь широкий и глубокий, далеко не с такими блестящими и драматическими последствиями, но его результаты со временем ознаменуют критический поворот в истории человечества. Ключом к успеху послужат врата Хааса. Когда ключ повернется, кое-где поднимутся яростные протесты, но их усмирят заверения, что чрезвычайная статья Устава вводится в действие только на время. Мы скоро вернемся к нормальному положению дел, как только уладим одну небольшую проблему.

Однако положение дел никогда уже прежним не будет. После первого же насильственного вмешательства Федерации в межпланетную экономику Устав уже не сможет сдерживать Перестройщиков. Через несколько стандартных лет он станет чтимой, но никому не нужной бумажкой, а Федерация перейдет под их полный контроль.

Де Блуаз почти видел себя на высокой президентской трибуне после следующих выборов в Собрание. Он заслужил это место. Заработал его. Долгие годы старательно выбирал подходящее дело — достаточно спорное, чтоб взбудоражить Собрание, и достаточно подконтрольное, чтобы правильно рассчитать время и не выдать своей причастности. Только он разглядел политический потенциал изобретения Хааса, только он со своим авторитетом способен уговорить собратьев Перестройщиков осуществить разработанный план.

Да, он достоин президентского кресла. И как только получит, развернется в полную силу. Вся экономическая — а значит, и *человеческая* — деятельность внутри Федерации попадет к нему в руки. Овладеть крупными и торговыми корпорациями будет трудно, но можно. Сначала надо вытащить за ушко на солнышко оригинальничающие планеты вроде Флинта и Толивы, которые никогда добровольно не согласятся с Федерацией под руководством Перестройщиков, и выстроить их в шеренгу с помощью торговых санкций. Компании, естественно, возмутятся закрытием рынка у себя перед носом. Тогда он обрушит на них всю мощь федеральных вооруженных сил. А когда его попытаются подкупить — непременно, раньше или позже, — со справедливым негодованием разоблачит истинную суть пиявок-кровососов.

Человечество вскоре сольется в единое целое, между планетами установится гармония, равенство, все будут в равной мере пользоваться одинаковыми благами. Вскоре для человечества наступит золотой век, задуманный и устроенный усилиями Элсона де Блуаза.

Триста лет назад Ла Наг, держа в руках внешние миры, имел возможность пойти таким путем, но отказался стиснуть их в кулаке. Вместо этого даровал им Устав и отпустил на свободу. Подобный поступок лежал за пределами понимания де Блуаза. Человеческой расе необходимо, чтобы кто-то ее направлял и присматривал по пути. Неисчислимые массы достойных идей не имеют. Слишком многие тратят силы на достижение глупых близоруких целей. Всем им требуется руководство, и де Блуаз уверен, что сумеет его обеспечить.

Найдутся, конечно, желающие идти своей дорогой, послав остальное человечество ко всем чертям. Всегда, откуда ни возьмись, выскакивают самостоятельные личности, эгоистично удовлетворяющие свои личные интересы. Их надо приструнить или выкорчевать с корнем.

Придется также разобраться с другой породой упрямцев, ссылающихся на историю, заявляя, будто руководство сверху экономикой и обществом никогда не приносило успеха, будто общество должно получать импульсы не извне, а изнутри.

Но ни одно в истории общество не возглавлял такой человек, как Элсон де Блуаз. Он преуспеет там, где провалились другие.

Несколько лет назад подобные мысли были бы праздной фантазией, а теперь у него есть реальный способ претворить их в жизнь. Благодаря этому волнующему, почти опьяняющему сознанию не

угнетает даже перспектива сегодняшнего отъезда в родной мир. Он взглянул на хронометр на стене: до отправки из космопорта орбитального челнока остается убить еще час.

Де Блуаз махнул скукавшему бармену, приказав вновь наполнить бокал. Тот расторопно исполнил заказ и вернулся на свое место в другом конце зала. Раньше пытался вступить в душевную беседу — «Клуб Стражей» щедро ему приплачивал за создание дружеской атмосферы, — но каждый раз сталкивался с грубым молчаливым пренебрежением. Поэтому держался подальше от мистера де Блуаза, который со своей стороны внимательно разглядывал собственные ногти, пока наполнялся бокал. Если бы ему хотелось пообщаться с барменами, он выпивал бы в баре космопорта.

Больше пить, наверно, не следовало — он уже принял две порции перед уходом от Анни, но все-таки решился. Следующие три дня предстоит провести на борту федерального лайнера. В списке пассажиров множество представителей элиты, бесспорно интересных людей, в том числе уроженцев его родной планеты. Поэтому надо будет до самого конца играть роль Элсона де Блуаза — секторального представителя, лидера движения Перестройщиков.

Со временем роль становится утомительной. В такие моменты ему нужна Анни. Превосходная любовница, опытная в общении и в постели, с которой можно забыть о вечной осторожности. Да, она ему просто необходима. Не для секса, конечно. С приближением заключительных стадий осуществления плана с вратами Хааса он обнаружил, что не может обходиться без наркотика. План целыми днями занимал его мысли, выкачивал силы, испытывал терпение.

Де Блауз вновь улыбнулся, гадая, как бы отреагировали окружающие, если бы вдруг открылось, что он держит любовницу в Центре Федерации. Уважаемый секторальный представитель, к тому же семейный мужчина! В космополитической атмосфере Собрания на столь обычное дело никто не обратит особого внимания. А дома провинциальным болванам трудно было бы скушать такое известие. Там все честно верят в безупречную моногамию или, по крайней мере, прикидываются, будто верят. Если адюльтер выйдет наружу, кто-нибудь на местном уровне обязательно попытается заработать политические очки, и его семейная жизнь рухнет. Он, разумеется, будет все отрицать, не пройдет много времени, как скандал загложнет. Как правило, у избирателей память короткая.

Нет, мало что, кроме жестокого преступления или публичной непристойности, способно существенно поколебать поддерживающих его на родине болванов. Он привел сектор в ряды Перестройщиков, обещая экономическое возрождение. Избиратели надеются на исполнение обещаний... когда-нибудь. До тех пор он останется своим парнем, который делает доброе дело, и они пойдут за ним повсюду.

Впрочем, неизбежно приходится платить по долгам. Жена с детьми, по его желанию, сидят дома. В конце концов, дети должны учиться, нечего им болтаться туда-сюда между мирами. Жена напоминает о муже на родине, пока он занимается федеральными делами. Тем не менее следует регулярно являться. Лопухи ждут визитов. Необходимо бывать среди них, посещать местные учреждения, изображать уполномоченного по делам сектора.

На самом деле дьявольски скучно выслушивать глупые жалобы, тривиальные проблемы, когда перед тобой стоит грандиозная миссия, столько важных задач, в первую очередь врата Хааса. Однако *noblesse oblige*¹.

И еще по одной причине не хочется ездить домой: из-за ничтожного коротышки по имени Кандо Проска. Ужасающее чудовище в человеческом облике! Как только в Центре Федерации близятся очередные выборы, непременно является в офис с очередным требованием... Ну, довольно терзать себе душу!

Де Блауз вновь взглянул на хронометр — пора отправляться. Вытащил из кармана прямоугольный диск, набрал код, увидел лицо секретарши. Приказав ей прислать к «Клубу Стражей» флитер, который доставит его в космопорт, уже собрался выключить монитор, но вдруг обратил внимание, что у нее взволнованный вид.

— Случилось что-нибудь?

Дженна пожала плечами:

— Одна девушка со второго этажа свалилась за обедом в приступе белой горячки.

Он пробормотал соболезнования и отключился. Почти начисто забыл о белой горячке. С безумием, поражающим людей, как чума, эпидемия которого началась до его рождения на свет и продолжалась по сей день, приходилось мириться каждому обитателю освоенного космоса. Редко кто забывал о нем. Ежедневно на каждой планете отмечались новые случаи. Однако план Хааса почти полностью вытеснил эту проблему из головы де Блауза.

¹ Положение обязывает (*фр.*).

Он поднялся на ноги, быстро допил вино. Одновременная мысль о Хаасе и белой горячке встревожила его. Вдруг Хаас заболит горячкой? Весь замысел рухнет. Хуже того: вдруг он сам заболит?

Де Блуаз больше не смел думать об этом, особенно после исчезновения несколько лет назад Целителя, единственного до сих пор человека, способного как-то бороться с горячкой. И по прошествии каждого очередного года все больше убеждался, что сам виноват в поспешном бегстве Целителя.

Произошло это на Толиве. Де Блуаз не поленился проделать долгий путь до штаб-квартиры Межзвездного медицинского корпуса, чтобы поговорить с чудодейственным лекарем, тихонько уговорить его более снисходительно отнестись к Перестройщикам, но был вынужден пригрозить ему. Целитель только улыбнулся — до сих пор живо помнится ледяная усмешка — и улетел. С тех пор его больше никто не видел, не слышал. Возможно, он мертв, хотя до сих пор живо тревожное подозрение...

Над стойкой бара вспыхнула лампочка, оповещая об ожидающем кого-то флитере, и де Блуаз торопливо начал подниматься на крышу, словно спасаясь от мыслей о белой горячке и загадочном человеке, которого не запугаешь и не поставишь в шеренгу. Слава Ядру, таких вокруг немного.

Когда он уселся, пилот флитера передал ему кодовый диск с сообщением. Де Блуаз набрал комбинацию, известную только ему и нескольким ближайшим коллегам, и на черной поверхности стали высвечиваться пять строчек. Текст горел пятнадцать секунд, после чего автоматически стирался навсегда. Восстановить его было невозможно.

Строчки сообщали:

Хаас сегодня принял двух визитеров
Молодую женщину по имени Джозефина Финч
Пожилого мужчину, пока не опознанного
Оба из КАМБа
Какие будут указания?

Т.

Явно произошла утечка, но в данный момент мысли де Блуаза занимало не это, а фамилия Финч. Кажется, что-то знакомое... И вдруг вспомнилось, накатило из прошлого.

Разумеется. Финч! Как можно забыть?

Его охватила тревога, от которой нельзя отмахнуться.

Финч... Но ведь связи не может быть, правда? Конечно. Просто совпадение. Просто жуткое дьявольское совпадение.

9. ИЗЛИ

Изли сверху вниз пробежался пальцами правой руки по обнаженной спине Джо и лениво задумался, почему она до сих пор его так озадачивает.

Конечно, на людях все ясно. В такие минуты она олицетворяет сплошной холодный профессионализм. У них обоих свои роли, они их мастерски играют — *живут* в своих ролях. Джозефина Финч — владелица уважаемой консультативной фирмы, Лоренс Изли возглавляет информационное агентство. Встречаются иногда за партией в условные шахматы, потом порой закусывают, если остается свободное

время. Два самостоятельных, уверенных в себе человека, живущие каждый своей личной жизнью, которым приятно изредка общаться друг с другом. Вот как обстоит дело на публике. Все нормально, ничего страшного.

А наедине, особенно в постели, как в данный момент, соприкасаясь всей кожей, слившись, задыхаясь от страсти, пылая огнем, чуть слышно перешептываясь, едва шевеля губами, не открывая глаз, — в такие моменты он никак не может понять, откуда взялись те чувственные узы, которые все крепче их связывают.

Никогда не встречал такой женщины, как Джо. И никогда не собирался эмоционально связываться с клиенткой. Впрочем, фактически все его клиенты были мужчинами. До появления Джо.

До появления Джо... Теперь очень многое начинается и заканчивается этой фразой.

Кажется, будто только вчера она предложила встретиться, поговорить насчет возможного заказа. Он нерешительно заколебался, раздумывая, стоит ли брать такую клиентку. Никогда не имел дела с женщинами и, если б она не носила фамилию Финч, вполне мог бы дать от ворот поворот.

Хорошо, что не дал, ибо нашел ее очаровательной. Ожидая степенную матрону средних лет, обнаружил перед собой яркое, живое, буквально искрившееся создание, да еще с быстрым, как лазер, умом, вескими суждениями, прямоотой, откровенностью. Вскоре он понял, что с нетерпением ждет следующих встреч, не только ради интригующего задания, как часто бывало, но и ради вдохновляющего общения. Принялся подыскивать предлоги, чтобы чаще видаться и подольше не расставаться.

Со временем они стали встречаться не только по делам, быстро сблизились, стали любовниками. Джо опять изумила его. Замкнутая и хладнокровная за шахматным или обеденным столом, проявляла в постели такую безудержную, неусмную страсть, что у него до сих пор дух захватывает.

Не женщина, а сплошная загадка. Невозможно понять, то ли у нее железный каркас под женским обличем, то ли под металлической облицовкой прячется ранимая беззащитная девочка. Иногда он склоняется к первому варианту, иногда ко второму. Она его без конца изумляет, но очень приятно.

Одно можно точно сказать: эта женщина — настоящий друг. Она стала его компаньоном, товарищем, дополняла его, довершала. Без нее он себя не чувствует столь полноценной личностью, как с ней рядом. Особенно в такие, как ныне, моменты полнейшего единения.

Да, это *друг*, а он не привык заводить друзей женского пола. До появления Джо.

Однажды он ей об этом сказал, и она высокомерно обозвала его типичным продуктом внешних миров. Он возмутился, решительно не признавая себя типичным в каком-либо смысле, но в душе вынужден был признать ее правоту. Его отношение к женщинам действительно было типичным и строго стереотипным: хорошие домохозяйки, тепло греют в постели, требуют внимания, защиты, иногда заслуживают крепкого шлепка мимоходом, хрупкие прелестные создания с весьма ограниченной способностью оригинально мыслить и заниматься практическим делом во внешнем мире.

Разумеется, вслух он этого никогда не высказывал, мудро предпочитая держать при себе свое мне-

ние. Однако всякий раз недоверчиво удивлялся, видя, как женщина с чем-то успешно справляется за пределами дома, что превращало его во вполне заслуженного претендента на титул «типичного продукта внешних миров». До появления Джо.

В прошлом у него были с женщинами поверхностные мимолетные связи. Сознательно мимолетные и поверхностные. Приятно с ними повозиться, взаимно удовлетворяя неотложные физические потребности, но они абсолютно не предназначены для серьезного времяпрепровождения. У него были гораздо более важные, интересные, обязательные дела.

До появления Джо.

Изли знал, что никогда не займет в ее жизни главного места, и она в его тоже, если на то пошло. Первостепенный объект их внимания — «бизнес». Эта тема никогда не обсуждалась и, наверно, никогда не будет подниматься. Без того ясно. Ни он, ни она не принадлежат к тому типу людей, которые живут для других.

И все-таки они близки — ближе не бывает. Впрочем, несмотря на эмоциональную близость, чувствуется, что какой-то существенный уголок души Джо закрыт для него. Где-то глубоко находится раскаленное, сжатое до предела ядро... Там таится нечто буйное, жадное, скрытое от всего мира, а может быть, и от нее самой. Бывали минуты в слишком редкие ночи, которые им удавалось провести вместе, когда он просыпался, чувствуя рядом застывшее окаменевшее тело. Она спала с закрытыми глазами, стиснув зубы, впившись пальцами в его руку, напрягшись каждой мышцей, словно борясь с какой-то невидимой силой. Потом вдруг расслаблялась, кожа покрывалась тонкой пленкой холодного пота.

— В чем твоя тайна? — шепнул он.

— М-м-м? — Джо подняла голову и открыла глаза.

Он шутливо встряхнул ее:

— Что за темная тайна живет в твоей душе? Ну-ка, признавайся!

Она перевернулась на спину, прикрыла правой рукой глаза, почти не сознавая своей наготы, и простонала:

— *Sacre bleu... Tu est fou!*¹ — перейдя на старо-французский, второй язык Рагны. Помолчав пару секунд, вновь открыла глаза, приподнялась, опираясь на локоть. — Ты что, в самом деле серьезно?

Изли кивнул, стараясь не встречаться с ней взглядом.

— Вот наглость! — с негодованием фыркнула Джо. — Ты мне сам никогда не рассказывал, на какой планете родился, и не вздумай утверждать, что на Рагне. Я точно знаю, что это не соответствует истине.

— Откуда такая уверенность?

— Ты не говоришь по-французски.

— Может, просто прикидываюсь, будто не говорю.

— Возможно, ты часто прикидываешься, Ларри. Может быть, у тебя даже имя не настоящее. Поэтому, прежде чем испытывать на мне свои дедуктивные способности, давай лучше немножечко поговорим о тебе!

Изли сел, прислонившись спиной к изголовью кровати, потянулся за сигарой. Он предпочитал вяленые сорта с острым бодрящим вкусом на древний голландский манер. Вытащил из ниши в

¹ Черт возьми! Ты с ума сошел! (фр.)

стене позади маленькую торпеду, срезал кончик, разжег и вскоре от души затягивался. Глядя на белый пепел, заметил:

— Славный аромат. Напоминает мне одну историю. Хочешь выслушать?

— В данный момент я готова на все, — отчеканила Джо. — Перестань валять дурака со зловонным комком сухих листьев и выкладывай.

— Как только поудобней устроюсь. — Он согнул ноги в позу лотоса и откинулся на спину, лениво попыхивая сигарой. — Никак не привыкну к этим вашим надувным кроватям, — проворчал он.

Изли обычно пользовался антигравитационным надувным матрасом последней модели с ламинарной подачей воздуха и прочими приспособлениями, но каждое утро просыпался с затекшей спиной.

— Ну ладно. С чего начать? Может, с названия планеты, на которой случилась история?

— Неплохое начало! — последовало саркастическое замечание.

— Планета называется Кнорр, а история связана со своего рода любовным треугольником. Женщину звали Марси Блейк, мужчину Эдвин Джексон — Эдди. Имена для Кнорра типичные, ибо почти все первые колонисты прибыли туда из Англии. Марси была молода и прекрасна, получила в наследство личный капитал в размере пары миллионов кноррских фунтов, но жила в одиночестве, что может показаться странным при ее внешности и богатстве. Однако каждый, знакомый с ней лично, не видел тут ровно ничего странного: вдобавок к пограничному интеллектуальному уровню она обладала абсолютно невыносимым характером. Эта женщина адски всех раздражала — окружающие только зубами скрипели, слыша ее голос и видя манеры.

Эдди Джексон был столь же симпатичен, как Марси прекрасна, столь же умен, как она глупа, столь же беден, как она богата.

— И поэтому, — перебила Джо, — решил на ней жениться, прикончить и унаследовать состояние. Что еще новенького?

— Потерпи немного, моя дорогая. Ты забегаешь далеко вперед. Эдди действительно ради забавы подумывал на ней жениться, но так и не осмеливался броситься головой в омут, что дает тебе четкое представление о личности Марси. Впрочем, время от времени он с ней общался, просто чтобы не упускать потенциальный шанс. И заметил, что она несколько раз заглядывала в нейрохирургический центр в столичном городе Кнорра. Сунул мелкую взятку тут, мелкую взятку там и выяснил, что Марси страдает уникальным идиопатическим дегенеративным заболеванием центральной нервной системы. Прогноз сулил смерть через пару лет.

Тогда он решил жениться, тем более что принятое на Кнорре законодательство обеспечивает пережившим друг друга супругам определенные преимущества. Эдди рассчитывал как-нибудь перетерпеть два года, превратившись потом в безутешного, но состоятельного вдовца.

Вот на что он рассчитывал. Однако замужество, кажется, благотворно подействовало на состояние Марси. Прошло два года. Потом три. К пятой годовщине брака Эдди стоял на грани нервного срыва. Все пять лет Марси крепко держала кошелек в руках, скупно отмеряя деньги на карманные расходы, и болтала, болтала, болтала. Наконец он отправился к лечащему врачу, который сообщил, что в болезни наблюдается спонтанная ремиссия. Если

улучшение дальше пойдет такими же темпами, она проживет ровно столько, сколько полагается нормальному человеку.

— И он решил ее убить, — уверенно заявила Джо, но Изли отрицательно покачал головой:

— Нет. Он решил ее бросить, несмотря ни на какие деньги. Забрал все, что смог сэкономить из карманной мелочи, и поехал в столицу попытать удачи в казино, надеясь на жалкие сбережения выиграть добрую сумму и попрощаться с Марси.

Естественно, проигрался до последнего цента, вынужденный с позором вернуться домой. И тут произошло чудо или нечто на него похожее. Войдя в дом, Эдди почуял очень слабый запах сигарного дыма, особенно в спальне. Сигарный дым! Ни он, ни Марси вообще не курили, равно как и большинство их знакомых, поскольку табак на Кнорре не так легко купить. Он спросил, был ли кто-то в гостях в выходные, на что она невинным тоном ответила «нет». По его мнению, *слишком* невинным.

Эдди был ошарашен. Несмотря на полнейшую невероятность подобного факта, Марси его обманывает! Супружеская измена, как тебе наверняка известно, скорей правило, чем исключение, на планетах Солнечной системы, но во внешних мирах вроде Кнорра по-прежнему считается скандальной. Не то чтобы это его волновало — вопрос в том, с кем она ему изменяет. *Почему* любовник на это пошел, вполне ясно. Марси бесспорно красива и предположительно терпима в малых дозах.

Эдди намерился установить личность любовника, пойдя на подкуп новобранца-копа с патрульного флитера, которого уговорил понаблюдать за домом, подмечая входящих и выходящих во вре-

мя своего отсутствия. Он планировал, получив доказательства, пригрозить Марси разоблачением и бесчестьем, а потом позволить купить его молчание за хороший кусок капитала.

Но патрульный ничего не обнаружил: никто не являлся с визитами в дом Джексон. На частного детектива карманных денег не хватило, так что Эдди успокоился горестным заключением, что интрижка Марси ограничилась единичным случаем. Видно, за время единственного интимного свидания любовник с ней чересчур хорошо познакомился и больше знать не желает. — Изли сделал паузу, пуская кольца дыма. Потом взглянул на Джо. — Вот *тогда* он решил ее убить.

— Давно пора, — зевнула она.

— План был очень умный, очень простой... очень действенный. Эдди одолжил у карточного приятеля флистер, изготовил дубликат ключа зажигания (флистеры на Кнорре запускаются с помощью отпечатка большого пальца, но у каждого есть еще запасной ключ на случай, если аппаратом управляет кто-то другой) и договорился вечером встретиться с тем самым приятелем в городе за игровым столом. Вечером он рассчитывал улучшить момент, выйти под каким-то предлогом из зала, выскочить на крышу, взлететь в приятельском флистере, приземлиться в темном заднем дворе своего дома с выключенными габаритными огнями, зайти, убить Марси, прихватить несколько ценных вещей и помчаться назад в казино. Алиби обеспечено: он весь вечер сидел в карточном зале, дежурный на крыше честно сказал бы, что флистер Джексона не покидал стоянки. Совершенное преступление было бы признано ограблением, повлекшим за собой убийство.

Замысел не идеальный, но, повторяю, умный, простой, исполнимый.

— Только явно не сработал, — заметила Джо. — Иначе ты бы все это мне не рассказывал.

— Правильно. Хотя почти сработал. Эдди вошел в дом, взял на кухне нож-вибратор, кликнул Марси. Она была на верхнем этаже и оттуда спросила, почему он вернулся так рано. Поднимаясь по надувному желобу, он объяснил, что ему надоело играть, взял и просто поехал домой. Эдди шагнул в спальню — она сидела к нему спиной в одной прозрачной сорочке. Он без колебаний развернул ее к себе лицом, всадил нож прямо в грудь. Вибрирующие лезвия без малейших усилий пропороли одежду, кожу, кость, ребра, сердечную мышцу, и Марси Джексон, урожденная Блейк, умерла с глухим булькающим хрипом.

Пожалуй, только тогда Эдди учуял в комнате посторонний запах. Органы обоняния уже готовились опознать его, как чей-то голос за спиной ошеломленно шепнул: «Ты убил ее!..» Эдди, оглянувшись, увидел вышедшего из-за шторы новобранца-копа, того самого, которого он нанял следить за домом. Полуодетый коп держал в левой руке наполовину выкуренную сигару, а в правой бластер. Последнее, что Эдди видел перед смертью, — белая вспышка на кончике дула.

— Забавно, — равнодушно сказала Джо. — Но не оригинально. Особенно деталь со шторой, за которой он прятался.

— А ты где бы спряталась на его месте?

Она пожала плечами:

— Что стало с тем новобранцем?

— Его поджидали крупные неприятности. Сначала он пытался убедить начальство, будто услы-

шал крик Марси и отправился посмотреть, что случилось, но вскоре история о его визитах в дом Джексонов в отсутствие Эдди и о развлечениях во время службы стала постепенно выплывать на свет. В конце концов он полностью раскололся.

Джо вдруг заинтересовалась историей полицейского, села и повернулась лицом к Изли.

— Что сделали с любителем сигар?

— Да ничего особенного. Суд обернулся бы скандалом для полиции, поэтому подумали и решили, что, хотя копу вообще нечего было делать в доме Джексона, он все-таки пристрелил убийцу *во время* дежурства. В конце концов проблему уладили, предложив полицейскому подать в отставку и поселиться на любой планете, кроме Кнорра. Именно так он и сделал.

— Скажи, пожалуйста, — не унималась Джо, — почему ты назвал только две стороны треугольника? Почему полисмен остался безымянным?

— Имя его не имеет значения. Важен лишь факт, что он был молоденьким неопытным патрульным, глупо позволившим себе вляпаться в компрометирующую историю.

— Откуда тебе о нем столько известно?

Ларри пыхнул сигарой.

— Профессиональный интерес.

— А где он теперь?

— Кстати, о профессиональном интересе, — быстро кашлянул Изли, одновременно сменив позу и тему беседы. — Как ты ладишь со стариком Питом?

— Почему ты спрашиваешь?

— Точно вижу — ты ему не доверяешь.

— Правда. Причем с каждым днем верю меньше и меньше. Помнишь, я тебе рассказывала о

протоколе вскрытия тела моего отца, о том самом, с пустой графой?

— Конечно, — кивнул он.

— Так вот — я связалась с Регистрационным бюро на Джебинозе, у них тоже неполный экземпляр.

— Может, просто регистратор ошибся. Знаешь, бывает такое. Не опущено ведь ничего существенного, не так ли?

— Так. Отсутствуют только данные об анализе мочеполовой системы. Но я заглянула в архивы компании и нашла там платежные документы, связанные с поездкой старика Пита на Джебинозу после убийства. Он был на планете в момент составления протокола. И когда клянется, будто не знает, откуда взялся пропуск, я ему не верю. Чую — он что-то скрывает.

Изли пожевал кончик сигары.

— Вот что я тебе скажу. Раз у вас ничего не вышло с Хаасом, не послать ли мне кого-нибудь на Джебинозу для ознакомления с прошлым де Блуаза? Заодно он разведает и насчет протокола.

Джо рывком села в постели:

— На Джебинозу? Какое отношение де Блуаз имеет к Джебинозе?

— Он там родился.

— На Джебинозе? — Она стиснула виски ладонями. — Я знаю, что он представитель этого сектора, но никогда не догадывалась, что это его родной мир!

— Я думал, это всем известно.

— Никогда особенно не интересовалась, откуда берутся политики, кто они такие и в какие игры играют. — Она опустила руки, прищурилась на Изли. — До этой самой минуты. Ларри, я хочу, чтобы ты сам отправился на Джебинозу. Покопайся в прошлом де Блуаза, найди все, что сможешь.

И заодно отыщи все, что сможешь, о смерти некоего Джозефа Финча-младшего.

Так Джозефина Финч лично приобщилась к теории заговора старика Пита.

10. ДЖО

Джо сидела за своим письменным столом и думала о крысах. Верней, пыталась думать. Она только что завершила краткую встречу с Сэмом Оржеховским, тем самым дрессировщиком космических крыс, которого была вынуждена проинформировать, что нашла для него лишь источник частичного финансирования. Он явно огорчился, но выразил готовность ждать дальше. Собственно, выбора у него нет: КАМБ — первое агентство, серьезно его воспринявшее после того, как он много лет назад открыл способ контроля над крысами. В данный момент Джо казалось, что она помогла б ему гораздо успешней, если б сумела выбросить из головы историю с вратами и вернуться к нормальной работе.

С минуты на минуту явится старик Пит. Сообщил, что хочет ее видеть — что-то насчет планирования следующего шага. Прямо зациклился на де Блаузе! Джо пыталась закрыть эту тему, объявив ее идиотскими политиканскими играми, но старик Пит не позволил. Даже если б позволил, она все равно остается.

И все из-за проклятой записи совещания в секретном зале заседаний Перестройщиков! Возникло слишком много вопросов, которые не дают отмахнуться от вставшей досадной проблемы. Кроме того, де Блауз — уроженец Джебинозы...

Быстрым шагом вошел старик Пит.

— Что новенького? — спросил он, легко опустившись в кресло.

Всегда задает этот самый вопрос, даже если виделся с тобой пару часов назад. Пользуется им вместо приветствия.

— Ничего, — коротко бросила она.

Ее по-прежнему мучил пропуск в протоколе.

— Это я и боялся услышать. Похоже, на нынешнем этапе нам известно не намного больше, чем в самом начале.

— Неправда, — возразила Джо. — Мы теперь знаем, кто такой Хаас, знаем, что его изобретение способно в будущем совершить революцию в межзвездных путешествиях. Знаем также, что Элсон де Блуаз и внутренний круг Перестройщиков вкладывают в Хааса с его вратами гигантские суммы.

Старик Пит мрачно улыбнулся:

— И можем с уверенностью утверждать, что за всеми их действиями кроются чисто политические мотивы. Много лет исследуя жизнь де Блуаза, я до сих пор обнаружил лишь один поступок с его стороны, совершенный не ради дальнейшей политической карьеры и усиления политического влияния. Все его мысли и действия устремлены к единственной цели, он никому не позволит стоять у себя на пути. Никому!

— Тогда мы придем к очевидному заключению о существовании политического заговора, связанного с вратами Хааса.

— И окажемся ровно в том самом месте, откуда начали, — буркнул он.

— Судя по их разговорам, они наверняка понимают, что врата с треском вылетят с рынка, пока Хаас не усовершенствует их и не сделает экономически прибыльными.

— А если Хаас говорит серьезно — я верю, он честно намерен навсегда отозвать врата с рынка в случае коммерческого провала, — человечество лишится величайшего изобретения в сфере межзвездных полетов после создания на старушке Земле первого искривленного поля.

Джо склонилась к столу, уткнувшись подбородком в сложенные руки.

— Знаете, есть у меня нехорошее подозрение, что им *хочется* коммерческого провала врат. Они уверены, что в таком случае Хаас их снимет с продажи и они для нас будут потеряны, пока не истечет срок действия патентов, или кто-нибудь другой не придумает иной способ с тем же результатом.

— Я тут никакого смысла не вижу.

— Зачем тогда Хааса торопят пустить врата в продажу?

— Не знаю. Может быть, все же *не зря* было брошено замечание о военных контрактах? Может быть, де Блуаз затевает какую-то пакость заодно с парой высших чинов из федерального Министерства обороны...

— Военный переворот?

— Нет, — вздохнул старик Пит. — Понимаю, смешно даже думать. Впрочем, военные все-таки могут участвовать в деле.

Джо медленно и непреклонно покачала головой:

— Военные не замешаны.

— Пожалуй, — согласился он. — Врата принесли бы огромную пользу во время войны, да никакой войны не предвидится. Я хочу сказать, с кем мы будем воевать? С тарками?

— Никогда точно не угадаешь, — серьезно заметила она.

— Не говори глупостей, Джо, — рассмеялся он. — Возможно, мы не в лучших отношениях с тарками — фактически никогда не поддерживали хороших отношений с этими подлецами, — но войны даже близко не видно, несмотря на стенания самых рьяных паникеров в Федеральном Собрании. И не считай тарков потенциальными покупателями. Купят одни ворота в качестве образца, пиратски скопируют и построят свои. Боюсь, тарки — тупиковое предположение.

— Вероятно, вы правы. В любом случае, что касается де Блуаза, я послала Ларри на Джебинозу, чтобы он лично провел необходимые розыски. И заодно занялся смертью моего отца.

При этом она пристально вглядывалась в старика Пита, ожидая реакции. Удивление... и еще что-то... испуг?

— Почему на Джебинозу? — торопливо спросил он. — Я думал, ты послала его в Центр Федерации. Там творятся все махинации де Блуаза.

— Может быть, де Блуаз дома не так осторожен.

Старик Пит вдруг заспешил выйти из кабинета.

— Дай мне знать в ту же минуту, как Ларри сообщит что-нибудь.

— О, на это можете рассчитывать, — тихо проговорила Джо, когда дверь за ним закрылась.

Она никогда еще не видела старика Пита в таком волнении. Что за тайна скрывается на Джебинозе, которую он так опасается потревожить?

Ладно, оставим пока. Ларри выяснит. Тут другая проблема, застрявшая в мозгу, громко потребовала внимания. Цепь замкнуло что-то сказанное стариком Питом... насчет войны с тарками, когда речь шла о Хаасе...

Джо вскочила на ноги, забежала по кабинету. План де Блуаза разгадан. Никак не сходящиеся кусочки внезапно сложились в цельную картину. Ключом стали тарки. Когда старик Пит упомянул о них, туманная панорама заговора резко сфокусировалась, поражая своей гениальностью, тонкостью, изобретательностью.

И до ужаса перепугала Джо.

Опасность грозит всему межзвездному свободному рынку.

Она нажала кнопку на письменном столе:

— Разыщите Билла Грейнджа, скажите, пусть все бросит и немедленно зайдет ко мне в кабинет!

Рынок... Для одних это сфера обращения товаров и ценных бумаг, для других — местный продовольственный магазин. Но и то и другое — лишь крошечные составные частички рынка. Рынок — это жизнь, а свободный рынок — свободная жизнь, активное проявление свободной воли. Миллиарды миллиардов ежедневных сделок, покупка булки, продажа горно-проходческой фирмы на астероиде вместе со всем ее оборудованием и арендованными планетоидами, любое взаимодействие и соглашение — общественное, моральное, финансовое — между всеми разумными существами в освоенном космосе вливаются в его бесконечный поток.

Свободный рынок не хорош и не плох, не эгоистичен и не бескорыстен, не морален и не аморален. Здесь встречаются рационально мыслящие практики, свободно обмениваясь товарами, услугами, идеями. Рынок не благоволит фаворитам, не отталкивает противников. Он создает собственную окружающую среду, управляемую нерушимыми законами спроса и предложения, которые, в свою

очередь, определяются повседневной деятельностью каждого разумного существа, которое контактирует с другим разумным существом. Как только затухает спрос на тот или иной тип товаров или услуг, этот тип исчезает. Как только спрос возникает, для его удовлетворения немедленно возникают новые типы.

Стремление рынка к равновесию неудержимо. Желаящие взять рынок — а значит, и его участников — под контроль могут его деформировать, перекосить, растянуть, сжать, раздуть, обесценить, однако не надолго. Он всегда отыщет свой собственный уровень и на него вернется. Если манипуляторы — обязательно члены правительства — слишком долго будут держать его в узде, пострадают огромные массы народа, когда он все-таки прорвется сквозь барьеры.

Ла Наг преподал внешним мирам этот горький урок. С тех пор минуло триста лет. Вполне возможно, история готовит сцену для повторного представления. Перестройщикам посчастливилось, что их стремлением взять под контроль Федерацию, а вместе с ней и рынок руководит такой замечательный человек, как Элсон де Блауз.

А на стороне рынка стоит Джозефина Финч. Пока это в ее силах, он неуязвим. Рынок — составная часть существования человечества, и особенно существования Джо. Ее профессиональная жизнь заключается в том, чтоб держать руку на пульсе, прогнозировать течение рыночной деятельности, и она постарается преодолеть любое препятствие на своем пути.

В данный момент есть единственный способ остановить де Блауза — подорвать «Старуэйз», крупнейший в освоенном космосе межпланетный кон-

гломерат. Вариант довольно нереальный, но больше у нее ничего не имеется.

Опыт и знания Билла Грейнджа — штатного специалиста КАМБа по корпорации «Старуэйз» — играли критически важную роль в планах Джо. Конечно, она сэкономила бы неслыханное количество сил и времени, если бы имела возможность отправиться к кому-нибудь из руководства «Старуэйз», объявив, что приводится в действие чудовищный политический заговор, а их компания станет козлом отпущения. Только с конгломератом подобные номера не проходят, с ним с глазу на глаз не побеседуешь. Поэтому придется *заставить* «Старуэйз» покориться, нанести ей удар, ткнуть ножом, отрезать от дочерних компаний, пока корпорация не запросит пощады и помощи. Придет сладкий миг торжества!..

Ибо между Джозефиной Финч и межпланетными конгломератами ни малейшей любви не осталось. Их деятельность полностью противоречит ее понятиям о честной игре. Нельзя сказать, будто они нарушают законы свободного рынка — продают тем, кто хочет купить, покупают у тех, кто желает продать. Но есть в них что-то глубоко порочное.

Конгломераты — безликие монолиты. Никто ни за что не отвечает. Есть советы директоров, комитеты, куда входят люди, которые нанимают других людей, руководят их работой, выпуском продукции, которая продается опять-таки людям. Каждую функцию конгломерата непосредственно выполняют люди, и все-таки в конечном счете возникает структура, абсолютно лишенная каких-либо человеческих качеств. Слепой безликий левиафан шагает на рынке, сметая все, что стоит на пути, — не с помощью технического мастерства или

рыночного опыта, а просто благодаря своим размерам.

Собственно, Джо возражает не против размеров, хотя это тоже часть проблемы. Несмотря на то что фактически все решения гигантских конгломератов принимают люди, огромные размеры подавляют человечность. Каждая маленькая компания обладает некой собственной личностью. Конгломераты шагают по рынку — пробной почве для всей человеческой деятельности, — как гигантские автоматы.

Да, это гиганты. Колоссальные масштабы и разнообразие деятельности идут им на пользу, спасают от сиюминутных колебаний рыночной конъюнктуры. Но идеальной защиты не обеспечивают. Конгломераты все-таки уязвимы. Пострадавший филиал подпитывается из основного финансового источника. Однако неисчерпаемых источников не бывает. Если неудачи постигнут несколько дочерних компаний...

Нанося удары в разные чувствительные точки, левиафана можно ранить, заставить отступить.

Остается только надеяться, что у «Старуэйз» найдутся слабые места.

Дверь открылась, в кабинет поспешно вошел Билл Грейндж — высокий худой седеющий мужчина пятидесяти четырех лет, частенько с удовольствием напоминавший, что они с КАМБом родились в одном и том же году. К моменту гибели Джо-старшего он прослужил в фирме десять лет и пережил все дальнейшие пертурбации. Не выступал ни за, ни против Джозефины, возглавившей КАМБ, испытывая единственное желание, чтоб хоть какой-нибудь руководитель вновь оживил агентство. Если ей это удастся, он целиком на ее

стороне, если нет — попросается. В данный момент он сделал бы для Джозефины Финч все, что угодно.

— Что-нибудь случилось, Джо? Зачем я вам так срочно понадобился?

— Мне требуется некоторая информация о «Старуэйз», — сказала она, вновь усевшись за письменный стол, — и немедленно.

Грейндж заметно успокоился после такого ответа и тоже сел. Пожалуй, о «Старуэйз» ему было известно больше, чем многим членам ее собственного совета директоров. Он знал корпорацию, ежедневно имея с ней дело на валютном рынке, знал ее в исторической перспективе.

Конгломерат родился несколько столетий назад из маленькой компании на старушке Земле, одну из ячеек которой составляла фирма «Хелен техникал», случайно разработавшая первый коммерческий генератор искривленного поля для межзвездных полетов. Старое название быстренько заменили на более впечатляющее «Старуэйз» — «звездные пути», — и новая компания порвала свои связи с Землей, перебравшись на планету Тарводет, в крошечный мир, предлагавший, однако, неслыханные налоговые льготы.

Она стала гигантской преуспевающей корпорацией. Благодаря изобретательному маркетингу, искусным финансовым маневрам, старой, проверенной, подлинно деловой практике найма самых лучших работников, которых достойное вознаграждение прочно удерживало на месте, «Старуэйз» двинулась в другие сферы, скупая дочерние компании и превращаясь в первый межпланетный конгломерат. С тех пор их возникло немало, но «Старуэйз» по сей день оставалась крупнейшим.

— Что вы хотите узнать? Могу рассказывать до завтрашнего утра.

— Не сомневаюсь. Но меня интересует, как при нынешнем положении дел на валютном рынке причинить «Старуэйз» вред. Если ей вообще можно повредить.

Грейндж поднял брови.

— Повредить «Старуэйз»? В наши дни не так трудно, как раньше, когда вы только вышли на сцену.

— Ох, правда?

— Правда. «Старуэйз» в закладных по завязку и чересчур разрослась во все стороны. Советы директоров нуждаются в притоке свежей крови, а когда публикуются финансовые отчеты, — усмехнулся он, — раздаются негодующие вопли держателей акций.

— Я не знала.

— Широко об этом пока не известно, но нас осведомляют информаторы. Кроме того, я давно наблюдаю за приближением кризиса. Хотя беспокоиться нечего. «Старуэйз» через него успешно пройдет, только сверху свалится пара-тройка трухлявых чурбанов.

Джо переваривала ободряющее известие.

— Назовите, пожалуйста, несколько конкретных слабых мест.

— Прямо из головы могу назвать три: «Дженерал трейдс», «Стардрайв» и «Теблинко». «Дженерал трейдс» всегда получала солидную прибыль от предметов роскоши, а в последнее время столкнулась с ордами конкурентов и частично лишилась своей доли на рынке.

С компанией «Стардрайв» другая история. Это филиал, выпускающий обходные туннельные тру-

бы, собственно говоря, старейшая дочерняя компания «Старуэйз». Приступив к делу, она сумела оснастить корабли для межзвездных перелетов и полетов к дальним звездам и реально начала расти. В соперниках у «Стардрайв, инкорпорейтед» никогда не было недостатка, но с недавних пор маленькая компания под названием «Фэрли тьюбс» по-настоящему заставляет ее попотеть ради денег. — Он усмехнулся. — Знакомое название?

Джо кивнула и улыбнулась в ответ:

— Безусловно.

«Фэрли тьюбс» числилась в списке клиентов КАМБа.

— Теперь мы подошли к корпорации «Теблинко», фармацевтической фирме, приобретенной «Старуэйз» несколько лет назад, которая превратилась затем в истинную проблему. Пришлось вбухать в нее кучу денег, и она только сейчас начинает давать отдачу. Как только «Теблинко» станет накапливать прибыль, ее прискорбное влияние на картину полного дохода «Старуэйз» будет не столь критическим, но в данный момент она на волосок от краха. Если требуются дальнейшие примеры, можно...

Джо махнула рукой:

— Думаю, пока достаточно. — Она помолчала. — Наверно, «Опсал фармасыютикалс» самый сильный конкурент «Теблинко»...

Грейндж кивнул:

— В прошлом мы им кое-чем помогали.

— Почему они с нами сейчас не сотрудничают?

— Не нуждаются в помощи. Дела идут прекрасно, поэтому их досье отправлено в архив. — Он опять усмехнулся. — Впрочем, если «Теблинко» выкарабкается, надеюсь скоро о них услышать.

Джо рассеянно кивнула, делая мысленные заметки.

— А в чем, собственно, дело, если можно спросить?

Джо задумалась, надо ли посвящать Грейнджа в план, и отказалась от этого варианта. Если рассказать о замыслах де Блуаза, он запишет ее в параноики, а если объяснить собственный замысел насчет «Старуэйз», окончательно убедится, что она прямой дорожкой движется к шизофрении. Нет, лучше держать при себе это дело.

— Просто работаю над одной теоретической проблемой, — сообщила она. — И вы очень мне помогли. Можно снова к вам обратиться, если понадобится дополнительная информация?

— Конечно. — Грейндж понял намек и поднялся.

Безусловно, столь умного и слишком опытного человека не могла ввести в заблуждение неуклюжая отговорка Джо — ради теоретической проблемы никому не приказывают все бросить и стремглав бежать в кабинет главы фирмы, — но он был совершенно уверен, что в нужный момент, если таковой настанет, будет полностью ознакомлен со всеми деталями.

В дверях Грейндж оглянулся:

— Мне вдруг пришло в голову, что, решая теоретическую проблему, вы могли упустить один фактор, потенциально способный продвинуть «Фэрли» на голову вперед «Стардрайв»: Рако. Если сделка когда-нибудь состоится.

Джо вытаращила глаза:

— Рако! Конечно! Знаете, я об этом абсолютно забыла... Спасибо вам, Билл.

После его ухода она заказала полные досье компаний «Фэрли тьюбс» и «Опсал фармасьютикалс».

А также задала главному компьютеру те же вопросы, на которые только что отвечал Билл Грейндж. Выполнившая распечатка подтвердила его мнение, что «Дженерал трейдс» и «Теблинко» представляют собой слабые звенья в цепочке дочерних компаний «Старуэйз». Однако сообщенные Грейнджем сведения о «Стардрайв» подозрительно отсутствовали в компьютере.

Впрочем, Джо не удивилась. Билл Грейндж рассматривал рынок с интуитивным чутьем, на которое не запрограммируешь никакую машину, даже самую совершенную.

Из архивного отдела сообщили, что досье «Фэрли» и «Опсал» уже загружены в ее просмотрный аппарат. В течение следующих двух часов можно включить его в любой момент. Такие меры безопасности были приняты в КАМБе. К досье клиентов имел доступ только руководящий персонал по специальным запросам и лишь на строго ограниченный период времени. Во многих файлах содержится важная конфиденциальная информация, бесценная для конкурентов.

Сведения о текущем положении дел в «Опсал», уважаемой фирме с долгой историей производства высококачественных медикаментов, были скудными. «Теблинко», выйдя на рынок, ее потеснила, но старшая компания удерживала лидирующее положение благодаря великолепно налаженной системе поставок.

Не особо полезная информация.

Джо перешла к «Фэрли». Рынок труб для межзвездных туннелей стабилен. Протон-протонная тяга не одно столетие остается лучшим способом преодоления реального пространства, а кристаллы Лисона почти столь же долго служат един-

ственной практичной обшивкой труб. Эммет Лисон, внеземной геолог, впервые обнаружил кристаллы на одной из трех крошечных лун Тандема. Не сумев общепринятыми способами определить точку плавления, он понял, что нашел нечто ценное.

Со временем кто-то выдумал способ изготовления из этих кристаллов покрытия для внутренней поверхности труб для кораблей на протон-протонной тяге, которое, в отличие от всех предшествующих образцов, предохраняло материал от испарения. Экспериментальный способ межзвездных путешествий сразу стал нормой.

Старатели ринулись на поиски горячего товара, но вскоре выяснилось, что природные залежи кристаллов Лисона крайне редки. От них быстро остались лишь голые камни, и лабораторные мальчики принялись усердно трудиться над созданием синтетического заменителя. Им сопутствовал успех, однако изготовленные человеком кристаллы были дьявольски дороги.

Вот как обстояли дела на рынке туннельных труб. Сроки действия патентов на производство искусственных кристаллов давно истекли, так что любой желающий свободно мог взяться за дело. Впрочем, процесс при этом нисколько не становился дешевле. Человечество умножалось, колонизировало новые миры, спрос на туннельные трубы постоянно рос, на рынок выходило все больше и больше компаний. Тем не менее ни одна не сумела существенно снизить затраты на синтез кристаллов, отчего в основном и зависела слишком высокая стоимость труб. Все единодушно грезили об одном: о планете с залежами природных кристаллов.

Такую планету — Рако — отыскивали разведчики «Фэрли». Но сразу же возникла препона. Собственно говоря, далеко не одна.

Одну из проблем представляла собой Тарканская империя.

Джо нахмурилась. Тарки в последнее время все чаще и чаще попадают на глаза. В один прекрасный день неизбежна серьезная стычка. Видно, безжалостная агрессивная Тарканская империя считает свободную бесформенную структуру Федерации признаком слабости и когда-нибудь выйдет за собственные границы, чтобы испытать ее на прочность. Строго централизованная имперская экономика находится под жестким контролем, а для омоложения такой экономики время от времени требуются вооруженные конфликты. Свободный рынок тяготеет к другой крайности: войны означают убийство, убийство означает сокращение общей численности потребителей.

Джо включила переговорное устройство:

— Соседините меня с мистером Валаамом из «Фэрли».

Вскоре на видеозэкране крупным планом возникло характерное улыбающееся лицо Гарольда Валаама. Он занимал пост президента компании, выпускающей туннельные трубы, главный офис которой в последние десятилетия располагался на Рагне. У них с Джо к взаимному удовлетворению сложились прекрасные деловые отношения.

После обмена общепринятыми любезностями она спросила:

— Как у вас дела на Рако?

Улыбка слиняла.

— Лучше не спрашивай. Это стоит нам целого состояния, а мы так ничего не добились. Боюсь,

если скоро не придем к конкретному результату, придется отозвать команду.

— И что же вам мешает?

— Раконцы.

Он кратко обрисовал ситуацию.

— Похоже, вам требуется специалист по общественным связям.

Валаам хмыкнул.

— Слышала когда-нибудь о «пиарщике», имеющем опыт общения с инопланетными дегенератами?

— Нет, по правде сказать, — рассмеялась Джо, — хотя, если позволишь, возможно, сумею отправить способного человека.

Собеседник пару секунд подумал и кивнул:

— Можно, пожалуй, нанять с твоей помощью специалиста по решению проблем. Ты нас никогда еще не подводила, а если справишься с этой проблемой, сама назначай гонорар.

— Обычного процента достаточно. Только как можно скорее оформи заказ, и я сразу возьмусь за работу.

Экран погас, Джо развалилась в кресле. Необходимо немедленно послать кого-нибудь на Раконцы, быстро соображающего, способного импровизировать, безошибочно оценивать ситуацию. Вроде Ларри. Но поскольку Ларри на Джебинозе, придется довольствоваться следующим в списке. Впрочем, «довольствоваться» не совсем точное слово. Ларри полностью доверяет Энди, а это вполне достаточная рекомендация.

Будем надеяться, Эндрю Телла не занят. Она намеревается отправить его на самый дальний край человеческого сектора галактики.

11. ДЕ БЛУАЗ

При максимальной прозрачности площади окон из кабинета, занимавшего угол здания, открывался впечатляющий вид. Копия — столичный город Джебинозы — представляла собой выставочную витрину. На каждой планете внешних миров имеется в среднем один крупный город, как правило расположенный неподалеку от главного — и нередко единственного — космопорта. Туда стекаются все технические достижения, все пожертвованные обитателями планеты средства. Некоторые скептики объявляют это лицемерной показухой, но почти все местные жители согласны, что гостям надо показывать приятное лицо, внушающее впечатление благополучия и процветания.

Именно такое впечатление должна была производить Копия. Несмотря на экономическую и культурную отсталость остальной Джебинозы, в столице имеется медицинский центр, пси-школа, университет, музей декоративного искусства ванеков, огромная спортивная арена.

Кабинет де Блуаза выходил на северные кварталы Копии, обращаясь передним углом к изящному шпилью, отмечавшему университетский городок. По полу, переплетаясь, вились нежно-лиловые и желтоватые стебли нолеветолской травы дэн, образуя мягкий пушистый живой ковер; по трем углам стен ползли экзотические растения, четвертый угол целиком занял гигантский письменный стол со столешницей, изготовленной из прочного несгораемого дерева маратек.

За письменным столом восседал де Блуаз. Перед ним на видных местах стояли голографические изображения жены и детей, но взгляд его был уст-

ремлен на последнего посетителя из длинной утренней процессии просителей и визитеров.

Хенро Винтерман, глава одного из крупнейших в секторе торговых синдикатов, не соответствовал представлению де Блуаза о торговце. Торговцы должны быть свиноподобными, эндоморфными, а этот тощий, как волк. Да еще несколько высокомерный. Хотя в напыщенных манерах проглядывает и лести-вая угодливость. Группа Винтермана вместе с аналогичными объединениями образовала в деловом секторальном сообществе прочную базу поддержки де Блуаза. На первых порах существенно помогала ему продвигаться на видное место в межзвездной политике, но далее он обходился без нее. И поэтому в данный момент Винтерман был не совсем уверен в собственном праве на дружеское общение со столь высокопоставленным представителем движения Перестройщиков.

— Кажется, мои коллеги начинают немножечко терять терпение, сэр, — заявил он, мастерски сочетая дерзость с почтением. — Мы вас долгие годы активно поддерживали, ничего взамен не получая. Сектор по-прежнему барахтается в экономической трясине, а, скажу вам со всей прямоотой, никто из нас не молодеет, сэр.

— Ну и что? — абсолютно нейтральным тоном спросил де Блуаз, подняв брови.

Предлагая поддержку во время его первой кампании за представительство в Федерации в качестве Перестройщика, торговцы намекали на определенные экономические интересы. С тех пор прошло чуть меньше двух стандартных декад, и кое-кто из коммерсантов, видно, подумывает, что по счетам давно пора платить. Де Блуаза до бешенства раздражало, что Винтерману хватает на-

глости так с ним разговаривать, однако он сдержался, ограничившись односложным неопределенным ответом. Не пришло еще время открыто выплескивать на него злобу, но оно близится, близится. А пока не наступит, не следует подрывать опору собственной власти.

— Ну, — протянул Винтерман, уяснив, что собеседник ждет продолжения, — нас с коллегами весьма заботит исконная экономическая целостность нашего сектора.

Де Блауз не удержался от улыбки. Исконная экономическая целостность! Гениальное выражение. Ничего фактически не означает, но обладает бесконечной гибкостью. По дороге наверх он сам не раз пользовался подобными фразами и лозунгами, незаменимыми для постановки заковыристых политических вопросов.

Приняв улыбку за поощрение, Винтерман поспешно продолжил:

— Мы знаем, что движение Перестройщиков симпатизирует нашим целям по искоренению в секторе посторонних экономических интересов и окажет необходимую нам поддержку, когда возьмет верх в Федеральном Собрании. Но экономика сектора *действительно* переживает определенный упадок, и нас интересует, скоро ли...

— Скоро, Хенро, — заверил де Блауз с чисто-сердечной уверенностью и самой лучшей рекламной улыбкой.

Однако под улыбкой скалились зубы. Он видел в торговце скользкого, алчного, жадного до денег паразита, безошибочно понимая, что именно Винтерман вместе с другими членами торгового синдиката имеет в виду под «исконной экономической целостностью сектора». Им требуется монополия

на ввоз и вывоз товаров. Никто из них не обладает ни опытом, ни талантом для достижения этой цели собственными или коллективными силами. Поэтому они ждут небольшой принудительной помощи от Федерации. Но Устав Ла Нага запрещает любое вмешательство Федерации в экономику. Отсюда их поддержка де Блуаза и Перестройщиков. Поистине странноватые компаньоны.

Де Блуаз, не умолкая, поднялся и ловко выпроводил Винтермана из кабинета. Держа его за плечо, заверил в глубокой симпатии, внимании к возникшим проблемам, твердой решимости сделать все возможное, как только перед движением откроется прямой путь к изменению Устава. И не забыл особенно подчеркнуть, что такой день настанет исключительно при поддержке образцовых граждан вроде Хенро Винтермана и его коллег-коммерсантов.

Когда дверь приемной закрылась за последним посетителем, де Блуаз вопросительно взглянул на секретаршу.

— Вы закончили раньше, чем предусмотрено расписанием, сэр, — сказала она, разгадав его взгляд. — Репортер ожидается только в пять минут одиннадцатого.

Он кивнул и вернулся к себе. Обождет с безрадостной улыбкой, пока кресло примет положение, соответствующее развалившейся позе. Никогда не перестаешь удивляться, какую огромную роль в политике играет алчность. Слава Ядру, это к нему никак не относится.

Для многих поколений имя де Блуаза было на Джебинозе синонимом богатства. Его личного состояния с лихвой хватило бы на две жизни.

Нет, у Элсона де Блуаза имеются более важные цели, чем деньги, хотя это вовсе не означает, буд-

то, получив в руки власть после успешного завершения плана Хааса, он не выполнит обещания помочь шайке Винтермана. С радостью — с большой радостью — поможет накинуть удавку на торговлю в секторе.

И вскоре, как только Перестройщики неизбежно овладеют береговым плацдармом и прочно возьмут в свои руки контроль над перестроенной Федерацией, торговый картель Джебинозы вместе с ему подобными окажется под прямым наблюдением новой власти. Реальное управление человеческим сектором освоенного космоса перейдет в достойные руки — в руки нового президента Федерации Элсона де Блуаз.

Бороться ради денег? Ни за что! Каков же тогда его стимул? Де Блуаз разработал множество разнообразных тактических подходов к этому вопросу. Почти все практически честные. Однако со временем любой оправдательный довод рушится, и проглядывает неопровержимая правда: богатый влиятельный человек занимается политикой по одной-единственной причине — ради власти. Представители низших классов тоже стремятся в политику, мечтая о власти, но к этой мечте часто примешиваются соображения престижа и финансовых выгод, столь часто сопутствующих официальным постам. А у того, кто с самого начала носит громкое имя и располагает деньгами, власть становится единственной целью.

Желание держать в своей власти жизнь других людей не обязательно дурно, если обретенная власть употребляется с определенными благими целями. Де Блуаз так часто это себе повторял, что теперь сам поверил. Его несколько не смущало возможное несогласие многих людей с его мнени-

ем о человеческой расе. Он опровергнет их взгляды, наглядно продемонстрировав в конечном счете, что все сделано для их же собственной пользы.

Отвлекаясь от глубокого анализа нравственной подоплеки дела всей его жизни, он остановил взгляд на голографических портретах жены и детей на письменном столе.

Слева дочь — хорошенькая брюнетка со слегка диковатыми склонностями, своевременно пресеченными. О членах его семьи не должна идти дурная слава.

В центре жена, Рона. Тоже брюнетка, хотя сейчас весит значительно больше, чем в то время, когда сделан снимок. По настоянию де Блуаза они ограничились двумя отпрысками — того и другого пола. Вышел идеально сбалансированный семейный портрет. Рона была старшей дочерью в другом богатом джебинозском семействе, так что на свадьбе сочетались не только два человека, но и два состояния. Впрочем, они лишь назывались мужем и женой. Ночью спали в разных спальнях, днем вели отдельную жизнь, будучи женатыми лишь на общественных мероприятиях и на глазах у публики. Обоих подобное положение абсолютно устраивало.

Рону он никогда не любил. Одно время надеялся полюбить, но с ускорением подъема по политической лестнице пропасть между публичным и частным де Блуазом постоянно расширялась. Он понял, что предпочитает публичную роль, которую в присутствии Роны не сумел бы играть с подбавляющей убедительностью. Она с детства знала его вместе со всеми страхами, фантазиями, недостатками. В ее глазах он никогда не был блистательным публичным де Блуазом и поэтому сторонился жены.

С третьего портрета крупным планом смотрело знакомое лицо сына, Элсона III. Эле его гордость — в четырнадцать лет председатель классного совета, активный член Клуба Юных Перестройщиков. Де Блауз поощрял его деятельность, считая свой собственный опыт в юношеские годы бесценным. Будучи старостой класса, председателем комитета, учишься обращаться с людьми, привлекать их к проектам, заставлять работать на себя.

При мысли, что через год сын поступит в университет, на де Блауза нахлынул поток воспоминаний. Он никогда не собирался заниматься политикой, видя перед собой долгую жизнь в полной праздности и несметном богатстве. Однако в студенческие годы в нем вспыхнула какая-то искра. Отчего — теперь точно не вспомнишь. Может быть, кто-то из профессоров, сочувствующих Перестройщикам, с героической откровенностью критикующим Федерацию, целый семестр старался склонить пытливые умы молодежи к их точке зрения. Возможно, юный Элсон де Блауз увидел в философии политической интервенции путь к власти.

Вскоре после завершения образования он вступил в сферу политики, но не в качестве Перестройщика. В то время философия Перестройщиков считалась на Джебинозе неподобающей для политиков нижнего эшелона.

Имя и положение обеспечили ему теплый прием во внутренних кругах местной административной машины, где он быстро распознал главные поршни и шестеренки. Завязал полезные связи, отстаивал справедливость, выступая по ключевым проблемам, и, наконец, получил в свои руки достаточно рычагов для выдвижения кандидатуры в Сенат Джебинозы.

Произнося еще первую речь перед августейшим собранием, он планировал следующие шаги, которые приведут его в Центр Федерации. Джебиноза в то время не полностью встала на сторону Перестройщиков, как и на любую другую, если на то пошло. Планета, расположенная поблизости от нескольких крупнейших торговых путей, почти не занималась торговлей. Она практически ничего никому не могла предложить: ни медикаментов, ни техники, ни химической продукции, одни проклятые ванекские поделки. Годовой товарооборот обеспечивал единственный грузовой корабль.

Поэтому торговцы редко заглядывали на Джебинозу. Этот факт во многом определял жизнь на планете. Но в сочетании с замедлением денежного обращения и неуклонным экономическим спадом этот жизненный факт обладал колоссальным потенциалом политической проблемы межзвездного масштаба. Чтобы превратить его в подобную проблему, пришлось здорово поработать ногами и прибегнуть к старому способу «переворота с ног на голову», по выражению его советников и консультантов.

Вот как было дело. Каждому, хотя бы смутно знакомому с Джебинозой и элементарной экономикой, было очевидно, что крупные торговцы туда не заглядывают потому, что на планете существует простая аграрная экономика, которой нечем торговать. Для создания серьезной политической проблемы надо попросту перевернуть ситуацию: убогая аграрная экономика сложилась на Джебинозе потому, что торговцы туда не заглядывают. Если б они заезжали, завязывали деловые отношения, планета переживала бы промышленный и экономический бум. Вот почему ей требуется представитель-перестройщик в Центре Федерации!

Сразу это толпе, разумеется, не втолкуешь. Придется потратить несколько лет, готовя почву в средствах массовой информации, повторяя в ответ на любой вопрос об экономике Джебинозы что-нибудь вроде «функциональных торговых санкций», твердя эти слова до тех пор, пока их не подхватят другие. После многократного повторения они будут считаться неоспоримой истиной. А когда толпа усвоит эту аморфную фразу, то без труда скушает и «переворот с ног на голову».

Должным образом поставленная проблема со временем приведет его в межзвездную политику. А пока не заложен надежный фундамент, надо заниматься местными делами, постоянно мелькая на публике.

И тут некий мелкий официальный чиновник упомянул о чрезмерной дискриминации ванеков в сельских районах их проживания. Де Блауз вместе с прочими Перестройщиками в джебинозском Сенате ухватится за это, и вскоре через законодательные инстанции начал продвигаться Закон о равноправии ванеков. Элсон де Блауз, как никто другой, ставил свое политическое будущее в зависимость от этого билля, объехав всю планету с выступлениями в его поддержку. Если закон пройдет, де Блауз мигом станет светлоголовым политическим вундеркиндом и немедленно выдвинет сфабрикованную торговую проблему в качестве обоснования своих претензий на место представителя Джебинозы в Федеральном Собрании. Если столкнется с препятствиями, будет отброшен назад на пять—десять лет.

Препятствие возникло.

После чего без всякого приглашения явился Кандо Проска.

С тех пор де Блуаз не мог спать спокойно на Джебинозе.

— К вам репортер, сэр, — объявил в пустоте голос секретарши.

Он встряхнулся, вернувшись к реальности, и перешел из полулежачего в сидячее положение.

— Впустите его.

Неприметный мужчина среднего сложения с темно-песочными волосами и шурившимися в ярком естественном освещении кабинета глазами шагнул в дверь, протянул руку:

— Добрый день, сэр. Я — Лоренс Изли из межзвездной службы новостей «Рисден». Вы оказали мне большую честь, согласившись на встречу.

12. ИЗЛИ

Документы, представлявшие Лоренса Изли репортером службы новостей, были самыми лучшими, какие можно купить за деньги. Роль выгодная, позволяет везде совать нос, задавать провокационные вопросы. Всего за один местный день она ему обеспечила интервью с самим де Блуазом — любому политику нелегко отказаться от бесплатного появления в межзвездных средствах массовой информации.

По пути с Рагны он изучил и проанализировал все имевшиеся материалы, освободив себе остаток дня. Данцер был недалеко, поэтому Ларри взял напрокат маленький флитер, чтобы быстренько смотаться в городок. По словам Джо, там погиб ее отец, хочется просто взглянуть на место происшествия... ради нее.

И ради себя. Он подошел к делу Финча-младшего, отчасти связанному с нынешним путеше-

ствием на Джебинозу, как к типичному случаю исчезновения человека. При этом он обычно разведывал о пропавшем все возможное, прежде чем работать ногами, предпочитая перед охотой хорошо изучить добычу. С Младшим это оказалось подозрительно легко.

Отправной точкой стали старые голографические видеозаписи из семейной библиотеки Финчей. Не слишком многочисленные. Похоже, никто из членов семейства не жаждал неподвижно сидеть перед камерами. Удалось отыскать одну длинную запись, снятую вроде бы на семейном пикнике вскоре после гибели деда и бабки Джо при крушении флитера. Сначала на сферическом мониторе возник лес, травянистые бугры, пруд, вскоре появилось изображение Финча-младшего, сидевшего под деревом с примостившейся у него на коленях пяти- или шестилетней Джозефиной. Они позировали перед камерой, демонстрируя ошеломляющее родственное сходство, тем более что волосы Джо тогда были светлее.

Изли перевел взгляд с девочки, которая выросла и стала его возлюбленной, на Младшего. Казалось, будто он видит слегка искаженное изображение взрослой Джозефины, подмечая сходство в строении фигуры, чертах лица, манерах. На экран выливалась звездная россыпь неуловимо похожих деталей: даже посреди пасторального пейзажа под внешним спокойствием Младшего бурлила бесшабашная сила, вечно толкающая на поиски новых путей, страстный необъяснимый порыв, столь типичный для нынешней хорошо ему знакомой Джо.

Но только когда камера сдвинулась вправо и Младший оказался на самом краю визуального поля, невероятное сходство между Джо и отцом

потрясло Ларри в полную силу. Младший стоял, прислонившись к дереву, сложив на груди руки, глядя в пустоту, явно мысленно улетев с семейного пикника за световые годы. Это было поразительно, ибо Ларри сотни — тысячи! — раз заставлял Джо точно в такой же позе, глядевшую в пустое пространство, погруженную в собственный мир.

Нашлись и другие записи, которые он внимательно просматривал по дороге на Джебинозу, наблюдая за каждым движением Младшего, чувствуя что-то необычайно привлекательное в его спокойной сосредоточенности. Изли все больше им увлекался, восхищался, очаровывался, преследуемый тенью мужчины, с которым никогда не встречался, но которого словно знал почти всю свою жизнь.

Это его беспокоило, а трагическая жизнь Младшего огорчала и озадачивала. Что заставило взрослого человека бросить высокий пост в такой уважаемой фирме, как КАМБ, ежедневно решающей интересные сложнейшие проблемы, и отправиться в гиблое пустое место — на Джебинозу?

Он улыбнулся мелькнувшей в голове мысли: может быть, то же самое, что заставило девятнадцатилетнюю девочку отказаться от легкой жизни в роскоши, чтобы единолично бросить вызов совету директоров КАМБа и заодно всем условностям внешних миров. Тут сразу стало ясно, почему Финч-младший так ему близок: при всем обожании и преклонении перед дедом, Джо скроена по образу и подобию его сына.

И вот он летит к месту гибели этого самого сына, ее отца. Она назвала три фамилии: Билл Джефферс, Марвин Хебер и ванек по имени Рмрл или что-то вроде того. Первого будет легко отыскать, если он до сих пор остается хозяином универмага.

С первого захода Ларри пролестел мимо Данцера, сделал круг и проследовал над земляной дорогой назад к центру города. Имя Джефферса по-прежнему красовалось на вывеске над входом в магазин, поэтому он решил первым делом туда заглянуть.

Хозяина в данный момент на месте не было, но чисто выбритый крупный, плотный молодой человек, оказавшийся его сыном, спросил, чем он может помочь.

— Я ищу Марвина Хебера, — сказал Изли. — Не знаете, где его можно найти?

— Он умер. Где-то прошлой весной.

— Ох, как жаль это слышать...

— Вы его друг?

— Да нет, собственно. Друг родственницы одного его старого друга... Вы понимаете, кого я имею в виду.

Юный Джефферс кивнул.

— Хотел заскочить, поздороваться, разузнать, как он поживает. Ну что ж...

Он вышел на дощатый тротуар. На улице было жарко, сухо, порывы ветра швыряли пыль в лицо. Изли дважды чихнул. Трудно поверить, что люди еще так живут!

Оставалось достаточно времени на поиски того самого Рмрла. Джо говорила, что племя ванекос установило нечто вроде постоянного дежурства в переулке рядом с заведением Джефферса — единственным месте, где можно наверняка найти кого-нибудь ванека в любое время дня.

В том числе и сегодня. Изли завернул за угол магазина, где в центре неровного круга, выложенного из камней, сидел одинокий нищий ванек, скрестив ноги, мыча и позвякивая монетами в потрескавшейся глиняной чашке.

— Колесо в колесе, бендрет, — пропел он, когда Ларри приблизился к кругу.

— Конечно, — ответил тот и остановился, почти коснувшись камней носками ботинок. — Можно с тобой минуточку поговорить?

— Говори, бендрет.

Изли присел на корточки, глядя на нищего. Изпод нависших век на него уставились расширенные от долгого сидения в тенистом переулке зрачки, которые, впрочем, как бы фокусировались на чем-то другом, невидимом для них обоих. Синеватая кожа лица морщинистая, запыленная. Старый ванек.

— Хочу спросить о Финче-младшем, — тихо сказал он, оглянувшись вокруг, чтобы удостовериться, что они с нищим одни в переулке.

Рот ванека скривился в неудачном подобии человеческой улыбки.

— Он был нашим другом.

— Но его убили.

Улыбка не исчезла.

— Колесо в колесе, бендрет.

— Кто его убил?

— Мы.

— Почему?

— Он был нашим другом.

Терпение подходило к концу.

— Зачем вы убили человека, бывшего, по твоим словам, вашим другом?

— Он был другой.

— В каком смысле?

— Колесо в колесе, бендрет.

— Ничего не пойму, черт возьми! — повысил Изли голос. — Ты утверждаешь, что вы его убили. Просто объясни почему.

— Он был нашим другом.

— Но никто никого не убивает за то, что он друг!

— Колесо в колесе, бендрет.

Ларри глухо застонал и быстро поднялся на ноги. Если бы он поверил, что нищий сознательно уклоняется от ответа, то понял бы и смирился с этим. Но видимо, таков привычный ход мыслей ванеков.

Или нет?

— Знаешь Рмрла? — отрывисто спросил он.

Зрачки ванека заметно расширились, и он на секунду действительно посмотрел на собеседника, а не мимо него.

— Мы все знаем Рмрла, — ответил он.

— Где он сейчас?

— Среди нас. — Взгляд вновь устремился неизвестно куда.

— Как мне его найти?

— Колесо в колесе, бендрет, — сказал нищий, встряхнув чашку с альмами.

Изли зарычал и ушел, не дав ему ни единой монеты. Как можно было надеяться получить хоть какую-то внятную информацию от представителя полугибридной инопланетной расы, убившей ставшего им помочь человека, а потом устроившей нечто вроде священной гробницы на месте убийства? Вся эта поездка — пустая трата времени. Даже пейзажами не полюбишься.

Первую половину следующего утра он посвятил подготовке к встрече с де Блуазом. Обязательная прелюдия к следственным действиям: почуять человека. Для чего нужен личный контакт. Изли задался целью найти какие-нибудь — любые — свидетельства против де Блуаза. Джо дорого бы заплатила за это.

Он чуть пораньше явился в родной плюшевый офис секторального представителя де Блуаза, наблюдая за секретаршей, пока та не махнула ему на дверь в кабинет.

Де Блуаз, стоя, ждал его за письменным столом. Он оказался тяжелее, чем ожидалось, — должно быть, прежде мускулистый, склонялся теперь к пухлости, — но темные волосы с седыми висками выглядели знакомо, вместе с застывшей на губах сердечной улыбкой.

Ларри инстинктивно не поверил приятному дружелюбному экстерьеру: следствие показало без всяких сомнений, что под ним скрываются алмазно-твердые амбиции.

— Итак, мистер Изли, — сказал де Блуаз после обмена рукопожатиями, — что вы думаете о нашей прекрасной планете?

— Очень милая планета, — соврал тот, сев в указанное кресло.

— Хорошо. Чем могу вам помочь?

— «Рисден» готовит серию репортажей об отношениях между людьми и инопланетянами, а здесь, на Джебинозе, с ванеками, они, конечно, самые тесные.

Де Блуаз кивнул:

— Необходимо помнить, что ванеки не совсем чужие — в них человек смешан с инопланетянином. Впрочем, ясно, что для подобной серии они представляют первостепенный интерес. Ну а я тут при чем, разрешите спросить?

— Вы были одним из главных сторонников Закона о равноправии ванеков, не так ли?

Де Блуаз наклонил голову.

— Поэтому стали ведущей фигурой в отношениях землян с ванеками, и ваши архивы оказали бы

мне неоценимую помощь. Нельзя ли получить к ним доступ?

Де Блуаз призадумался: открывается верный шанс на массу положительных отзывов в прессе.

— Могу предоставить выборочный доступ. Вы наверняка понимаете, что весь архив я вам не открою.

— Конечно. Как сочтете нужным. Однако с проблемой отношений между людьми и ванеками связана и другая выдающаяся личность — Джозеф Финч-младший, если не ошибаюсь?

Взгляд де Блуаза чуть заметно похолодел при упоминании имени Младшего.

— К сожалению, я его совсем не знаю. Никогда не встречался.

— Но после его смерти вы произнесли весьма страстную речь в его честь в связи с Законом о равноправии. Я слышал запись... очень трогательно, даже через семнадцать лет.

— Спасибо, — поблагодарил де Блуаз с бледной улыбкой. — Не обязательно быть с ним лично знакомым, чтобы принять его смерть близко к сердцу. Я знал, что он пытался сделать: хотел уравнивать в правах тех, кому посчастливилось меньше его, хотел пробудить в ванеках какое-то чувство собственного достоинства, рисковал ради братьев по разуму. Прекрасно его понимаю и могу поспорить — будь он сегодня жив, стал бы самым активным членом движения Перестройщиков.

Ларри чуть не поперхнулся, но сумел сохранить на лице серьезное, внимательное выражение.

— А как насчет Закона о равноправии, сэр? Прошел бы он, если бы мистер Финч остался в живых?

— Безусловно. Возможно, не с таким красноречивым единодушием, но Закон был бы при-

нят. Пришло его время. Кстати, этот билль был предложен еще до прибытия Финча на Джебинозу.

— А вы благодаря репутации, приобретенной с принятием Закона о равноправии, успешно боролись за место планетарного представителя в Центре Федерации, правильно?

Де Блуаз помолчал, пристально разглядывая интервьюера.

— Мы обсуждаем отношения между людьми и инопланетянами или мою политическую карьеру?

— Вам не кажется, что эти вопросы частично взаимосвязаны?

— Частично.

Де Блуазу не особенно нравились манеры этого писака Изли. Он себя чувствовал как бы под микроскопом. Надо как следует его проверить, прежде чем подпускать близко к архивам.

Он не сразу расслышал гудок интеркома и раздраженно рявкнул:

— Кажется, я сказал, чтобы меня пока не беспокоили!..

— Извините, сэр, — залепетала секретарша. — Пришел мистер Проска и немедленно хочет вас видеть...

Сторонний наблюдатель ничего не заметил бы. Но опытный сыщик мигом уловил несколько предательских признаков и полностью сосредоточил внимание на де Блуазе.

Тот был страшно испуган. При упоминании фамилии Проска окаменел всем телом, кожа чуть побелела, губы чуть дрогнули. На взгляд изощренного наблюдателя, Элсон де Блуаз испытывал отчаянный страх. Однако заговорил абсолютно спокойным тоном.

— Передайте, что я приму его через минуту, — сказал он и снова обратился к Изли: — Мне очень жаль, но только что возникло срочное дело. Боюсь, нам придется прервать интервью. Я через несколько дней еду в Центр Федерации, вернусь где-нибудь через стандартный месяц. Обратитесь, пожалуйста, к моей секретарше, запишитесь на другое время.

— А как же архив... — начал Ларри.

— Отложим на месяц. — Де Блуаз поднялся. — В данный момент прошу меня извинить.

Изли пробормотал «спасибо» и удалился в горьком разочаровании — архивные досье жизненно необходимы для расследования. Вновь оказавшись в приемной, увидел, кроме секретарши, еще одного человека — маленького болезненного лысеющего мужчину, который сидел, сложив на коленях руки, и поднялся, когда Изли вышел из кабинета. Он был готов причислить коротышку к категории робких ничтожеств, пока на ходу не поймал его взгляд. В нем не было даже намека на робость — ни на любовь, ни на страх, ни на ненависть, ни на милосердие, кстати сказать.

Это, без всяких сомнений, и есть мистер Проска, вселивший такой ужас в сердце могучего, влиятельного, неуязвимого секторального представителя Элсона де Блуаза. Изли вдруг ясно понял, что Проска обладает какой-то властью над де Блуазом. Очень полезно было бы выяснить, в чем она заключается.

— Прошу прощения, — сказал он секретарше, когда дверь кабинета закрылась за посетителем. — Это, случайно, не Гарольд Проска?

Секретарша улыбнулась:

— Нет. Это *Кандо* Проска. Наверно, вы имеете в виду его брата.

— А у него есть брат?

— Не могу сказать, — пожала она плечами. — По-моему, он старый друг мистера де Блуаза. То и дело заходит. Но фактически мне о нем ничего не известно.

— Должно быть, я его с кем-то спутал, — пробормотал Ларри и выскользнул из приемной.

Старый друг? — думал он, шагая по коридору к спускному желобу, падая вниз со скоростью один километр в час, пока не мелькнула табличка нижнего этажа. Ухватился за поручни, выпрыгнул из желоба в вестибюль. Ни один старый друг никогда меня так не пугал!

Обдумывая свой следующий шаг под лучами полуденного солнца, Изли вдруг припомнил, что находится в Перестроечном мире. А во всех мирах, вставших на сторону Перестройщиков, принято создавать так называемые Информационные Центры — централизованные банки данных, где хранится жизненно важная статистическая информация обо всех уроженцах и постоянных жителях. Сюда входит, как правило, дата и место рождения, имена и фамилии родителей, образование, стаж работы, нынешнее место жительства и прочее.

Он махнул такси-флитеру и направился к муниципальному комплексу Копии, праздно мечтая, как было бы замечательно открыть такие Центры на каждой планете. Насколько это облегчило бы жизнь представителям его профессии! Впрочем, с мечтой пришлось навсегда распрощаться, сообразив, что данные сыщиков тоже были бы зарегистрированы.

Информационные Центры — естественное детище философии Перестройщиков, которые рассматривают человечество как массу и соответственно с

ним обращаются. В результате правительство в Перестроечном мире было в высшей степени централизованным и старалось привести свои действия в соответствие общему коллективному знаменателю. Для определения этого общего знаменателя — «чтобы лучше служить общественным интересам», по его выражению, — руководство должно знать о членах упомянутого общества буквально все.

Отсюда Информационные Центры. Поскольку все люди — братья, каждый имеет доступ к данным. Так выглядит Перестроечный вариант поистине «открытого» общества.

Впрочем, личности вроде Ларри Изли, Джозефины Финч, старика Пита ставили перед теорией Перестройщиков заковыристую проблему: порой сознательно, чаще подсознательно не желали вставать под общий знаменатель, постоянно высывали голову из толпы. Они считали братство симпатичной идеей, но не верили, что его следует насаждать с помощью официальных законов. И не переставали удивляться, сколько дерьма способны скушать люди, если оно преподносится под достаточно густым слоем сахара.

Флитер высадил его перед комплексом зданий в абстрактном неоготическом стиле, где располагались муниципальные учреждения Копии. Здесь он уже без труда отыскал Информационный Центр. Скользя в пустую кабинку, набрал имя и фамилию Кандо Проски. Если маленький человечек родился на Джебинозе, то обязательно зарегистрирован. Если иммигрант, все равно есть хорошие шансы его отыскать.

На экране вспыхнул единственный идентификационный номер. Изли его набрал, надеясь на лучшее.

Участок 149, Гастингсвилл

Проска Кандо

Пол: мужской

Возраст: 44 джебинозских года

Рост: 1,58 м

Вес: 68,2 кг

Родители: Картер и Дори Проска. Оба скончались

Место рождения: юго-западный сектор, Копия

Принадлежность к религиозным общинам: не принадлежит

Принадлежность к политическим партиям: не принадлежит

Семейное положение: холост

Дети: нет

Образование: пси-школа в Копии, с 5 до 10 лет; средняя школа в Копии, с 11 до 16 лет

Стаж работы: секретарь Бюро стандартов Джебинозы, с 19 до 27 лет (уволился по собственному желанию)

Нынешнее место работы: не работает

Несомненно, человек тот самый: рост, возраст, вес — все вроде бы совпадает. Изли с любопытством отметил тот факт, что Проска в десять лет ушел из пси-школы. Факт необычный, ибо пси-талант потерять невозможно — ты с ним рождаешься, он при тебе остается до скончания жизни. Цель пси-школы — лелеять и развивать врожденный талант, стало быть, прежде, чем тебя туда примут, необходимо продемонстрировать псионические способности.

Из пси-школ не уходят. Люди с пси-талантом постоянно пользуются спросом; даже обладающим самыми средними способностями обеспечен хороший доход на всю оставшуюся жизнь. Проска пять

лет проутился, значит, у него имелся определенный дар. Почему он ушел?

Почему не воспользовался талантом? Прослужил восемь лет на самом нижнем уровне административного учреждения, в самые лучшие времена примечательного лишь смертной скукой, потом снова ушел. Последние семнадцать лет не работает. Тоже странно.

Информации немного, впрочем, есть с чего начать, и то хорошо. А в качестве небольшой добавочной награды глубоко в подсознании что-то щелкнуло, пока он просматривал сведения. На свое место еще не всталю — мозги у него часто вносят поправки без предварительного предупреждения, — но известно по опыту, что усилий прилагать не надо. Рано или поздно само выплывает.

Почему бы не осмотреть место жительства Проски? Он списал адрес и, поскольку день выдался тихий, солнечный, взял напрокат открытый флитер, поднялся повыше, нашел в директории кодовый номер воздушных координат участка 149 в Гастингсвилле — F278924B, — набрал, перевел флитер на медленный ход и развалился в кресле, наслаждаясь полетом.

Времени ушло больше, чем ожидалось. Автопилот направил корабль не в глубь города, а на северо-восток за его пределы. Изли заранее предположил, что путь лежит в кварталы для бедных, а потом разглядел, что приближается к пригороду.

Флитер, остановившись, завис над раскинувшейся во все стороны усадьбой, расположенной в центре явно благополучного пригородного поселка. Он снизился, чтоб присмотреться поближе. Усадьба состояла из четырех восьмиугольных строений, образующих неправильную линию и выстро-

енных на разных уровнях. Участок просторный, искусно засаженный подобранными по цвету кустами. Номер 149 на посадочной площадке тот, что указан в адресе.

Неплохо для человека, который семнадцать лет не работает, подумал Изли. Совсем неплохо.

Он спустился еще ниже, и на крыше, на посадочной площадке замелькало множество ярко-красных огней, предупреждая, что надо дожидаться снизу сигнала о разрешении на посадку. Тогда он развернулся и полетел по периметру окружавшей участок ограды, совершив полный круг. Натренированный глаз подмечал признаки, свидетельствующие об установке очень эффективной и очень дорогой автоматической охранной системы.

Ларри уже собрался снова пролететь над домом, как уловил краем глаза движущийся объект — слева подлетал другой флитер. Он быстро толкнул ручку управления и без особой спешки двинулся в противоположную сторону. Другой флитер как бы замешкался в воздухе, потом приземлился рядом с усадьбой. В нем сидели двое мужчин — почти наверняка Проска с де Блуазом, — которые не сразу вылезли из кабины.

Проклиная себя за легкомысленно нанятый открытый флитер, Изли прибавил скорость, набрал высоту и взял курс на Копию. Конечно, у него имеются какие-то оправдания: принял ошибочное допущение, что Проска занимает низкое социально-экономическое положение и живет в перенаселенном районе столицы, где лишнего флитера в воздухе абсолютно никто не заметит.

Но оказалось, что Гастингсвилл не столичный квартал, а пригород, где зависший флитер бросается в глаза, словно лист в ухоженном плаватель-

ном бассейне. Если де Блуаз разглядел и узнал милого журналиста, легенда прикрытия под серьезной угрозой. Ларри взял за правило ожидать худшего в подобных ситуациях. Самое разумное, что в данный момент можно сделать, — немедленно убраться с планеты.

Только еще одно надо проверить перед отъездом. Он отыскал кодовый номер воздушных координат пси-школы в Копии, набрал и, пока автопилот вел флитер, откинулся на спинку кресла, перебирая в памяти все, что успел узнать.

Проска шантажирует де Блуаза. Это очевидно. Рычаг давления неизвестен, но, безусловно, очень силен. В обмен на молчание Проска наверняка выжал из личного капитала де Блуаза поместье и щедрое ежегодное содержание. Однако здесь кроется нечто большее, чем простой шантаж. Де Блуаз реально, физически боится ничтожного коротышки.

Возможно, причина выяснится в пси-школе.

Флитер остановился над впечатляющей кубической постройкой без окон. Изли приземлился и вошел внутрь, дождавшись пробежавшего мимо ученика.

— Извини, — обратился он к мальчику, которому было на вид приблизительно десять стандартных лет, — кто тут у вас декан?

— Доктор Айзекс, конечно.

— Давно он занял этот пост?

— Откуда мне знать, — пожал мальчик плечами. — Вон там на табличке должно быть написано.

Изли подошел к указанной стене с металлической серебристой пластинкой, где перечислялись имена всех деканов с момента открытия школы

вместе с датами их пребывания на посту. Тридцать четыре года назад деканом был некий Джекоб Хауэлл. Вот кто ему нужен.

Видеофонная директория выдала адрес и телефонный код Джекоба Хауэлла, проживающего в Копии. Ларри пошел к будке, набрал код и принялся ждать. После третьего сигнала на экране высветилось худое пожилое мужское лицо.

— Извините за беспокойство, сэр, — начал он, — не вы ли доктор Джекоб Хауэлл, бывший декан психшколы?

— Собственной персоной, — улыбнулся старик. — Чем могу вам помочь?

Ларри вытащил липовое удостоверение.

— Я пишу для службы новостей «Рисден» серию статей о психшколах и сейчас интересуюсь случаями ухода учеников, что при вас, как мне стало известно, однажды произошло. Будьте добры, не могли бы вы...

— Разумеется! — просиял Хауэлл. — С огромным удовольствием. Заходите сейчас же, и поговорим.

— Собственно, у меня очень мало времени до отлета с Джебинозы, — объяснил он. — Может, просто расскажете...

— Я целый день дома, — улыбнулся собеседник. — Забегайте в любую минуту. — И разъединился.

Ларри задумался, как быть дальше. Хауэллу явно хочется залучить его к себе. Зачем? Одинокому старику требуется компания? Не желает обсуждать тему по телефону? Или есть другая причина?

Он решил пойти. Несколько оставшихся здесь без ответа вопросов будут его терзать непрерывно, если не попытаешься получить хоть один ответ.

— А! Все-таки решились! — воскликнул Джекоб Хауэлл, открыв дверь своей скромной квартиры.

Чистота безукоризненная. Стены сплошь увешаны почетными табличками, дипломами, наградами, мебель простая, функциональная. Над видеоэкраном голографическое изображение женщины средних лет.

Быстро оглядевшись вокруг, Изли составил общее представление о хозяине: ушедший на покой ученый, вдовец, одинокий, весьма импульсивный. Очень тепло приветствовал гостя. Рад любой компании — даже в обществе незнакомого человека лучше, чем в одиночестве.

— Прошу садиться, позвольте налить чего-нибудь холодненького, — хлопотал Хауэлл.

Ларри отказался и попробовал перейти к делу:

— У вас был ученик по имени...

— Пожалуйста, никаких имен. — Доктор Хауэлл всплеснул у него перед лицом руками. — За сорок лет, пока я был деканом пси-школы, ее покинул только один ребенок. Я буду с вами говорить откровенно, но без всяких имен.

Решительно импульсивный, пришел к выводу сыщик.

— В статье не будет никаких имен, уверяю вас. Но мне необходимы кое-какие конкретные детали.

— Конечно. Ну, после вашего звонка я прокрутил этот случай в памяти. Такое нелегко забыть. Страшное дело.

— То есть?

— Однажды малыш Кан... — бывший декан, спохватившись, прикусил язык, — я хочу сказать, мальчик, о котором идет речь, поссорился с другим малышом — по-моему, в лаборатории телекинеза, — и тот прямо на месте умер. Мы были потрясены. Ин-

тересующий вас ученик — назовем его «мастер Икс», согласны? — видимо, счел себя виноватым и отказался переступать порог школы.

— От чего же умер тот мальчик?

Хауэлл пожал плечами:

— Мы так и не узнали. Его родители жили в сельском районе, были ревностными членами секты Небесного Блаженства — знаете, их у нас на Джебинозе немало — и не позволили произвести вскрытие. Канон секты запрещает сознательное вторжение в человеческое тело — до рождения, при жизни, после смерти.

— Но ведь существует множество других способов установления причины смерти...

— Разумеется, их применили, не обнаружив ничего нового, кроме давно известного врожденного порока сердца. Это и было предположительно принято за причину. Возможно, подействовало возбуждение при стычке с мастером Икс, которого, конечно, никто не винил. Но и никто не сумел убедить его в собственной невиновности. Он принял на себя ответственность и больше не вернулся в школу.

— Врожденный порок сердца? — с сомнением переспросил Изли. — Такого давно не бывает. Больше никто не расхаживает с больным сердцем.

— Кроме того самого мальчика. Родители не согласились на хирургическую операцию. Понимаете... вторжение в тело. Если бы это случилось сегодня, вскрытие обязательно было бы проведено, несмотря ни на какое Небесное Блаженство. Но тогда у нас не было столь образцовой организации, как теперь. Если бы мы настояли на аутопсии, маленький мастер Икс избавился бы от тяжелого бремени. Помнится, он подавал большие надежды. Какая жалость!

— Случайно, не знаете, чем он сейчас занимается? — спросил Ларри.

Хауэлл покачал головой:

— Нет, я полностью потерял его из виду. Признаюсь со всей откровенностью, старался как можно скорее забыть о случившемся.

Изли пару минут усваивал сообщение бывшего декана, потом поднялся на ноги:

— Спасибо, что уделили время, доктор Хауэлл. Вы очень мне помогли.

— Не уходите, пожалуйста! — всполошился чрезмерно гостеприимный хозяин. — Я столько могу рассказать о пси-школах... Приготовлю ужин, подробно опишу их работу, вам это пригодится в качестве основы...

— Как-нибудь в другой раз. — Ларри направился к двери. — Сегодня у меня действительно напряженное расписание.

— Ну, хоть выпейте чего-нибудь!

Он вырвался, не поддавшись на мольбы, и, шагая по коридору, чувствовал на спине взгляд одинокого старика. На него нахлынуло чувство вины. В награду за предоставленную информацию доктор Хауэлл хотел лишь чуть-чуть пообщаться. Однако общение требует времени, а времени в данный момент в обрез.

Инстинкты, жизненный и профессиональный опыт в один голос требовали, чтобы Ларри Изли мгновенно покинул планету, но он от них отмахнулся. Теперь уже крепко сел на крючок и пока никак не может удрать. Его охватило дразнящее ощущение, что все детали на месте, надо только взглянуть на них в правильном свете, и выплывет красивая понятная картина. Он начал раскладывать фрагменты для пристального осмотра.

Де Блуаз опасается Проски. Проска обладает неким псионическим талантом. Это факты.

Теперь сделаем несколько предположений. Поссорившись с Проской, маленький ученик пси-школы умер. Проска, чувствуя себя виноватым, отказался продолжать учебу. Откуда такое чувство вины? Может быть, он точно *знал*, что убил мальчика?..

Способен ли Кандо Проска убивать силой воли? Не этой ли самой способностью он нагоняет смертельный страх на де Блуаза? Не эта ли способность вкупе с какой-нибудь компрометирующей информацией позволила ему обзавестись поместьем и, возможно, выкачивать из де Блуаза ежегодное содержание на протяжении последних семнадцати лет?

Семнадцать... Почти семнадцать лет назад был принят Закон о равноправии ванеков...

Деталь, уловленная подсознанием в Информационном Центре, вдруг с бульканьем вынырнула на поверхность: семнадцать лет назад на этой планете был убит Финч-младший!

Цифра семнадцать подворачивается слишком часто для простого совпадения: семнадцать лет назад после принятия Закона о равноправии ванеков политическая карьера де Блуаза резко пошла вверх; семнадцать лет назад, отстаивая интересы ванеков, погиб насильственной смертью Финч-младший; семнадцать лет назад Кандо Проска, возможно обладающий способностью убивать на расстоянии силой воли, перестал зарабатывать себе на жизнь и начал шантажировать де Блуаза.

Все сходится!

Нет, не все. Младшего убили ванеки, в чем сами открыто признались. А ванеки никогда не лгут. Или лгут? Кроме того, общепризнано, что смерть Млад-

шего лишь расширила порог прохождения Закона о равноправии, любимого детища де Блуаза. Значит, де Блуаз ничего не выиграл от его смерти. Или выиграл?

Выйдя на крышу, Изли точно знал, куда направляется. Не в космопорт. Перед космопортом он заглянет еще в два места: во-первых, в свой гостиничный номер, во-вторых, в Данцер.

Когда Ларри добрался до Данцера, уже стемнело. На сей раз посреди круга сидел, скрестив ноги, другой ванек. Перед ним трещал небольшой костер, бросая на его лицо бледный отсвет. Этот был помоложе — средних лет, по прикидке, — с темно-синим пигментным пятном на лбу. Несомненно, толку от него будет ровно столько же, сколько от предыдущего, но Изли захватил из номера гостиницы маленький баллончик с газом, который кого хочешь заставит разговариваться.

— Колесо в колесе, бендрет, — приветствовал его нищий.

— Сам ты колесо в колесе, — пробормотал он, присаживаясь на корточки.

— Снова пришел вспомнить нашего друга, Финча-младшего?

Сыщик удивился:

— Откуда ты знаешь, что я здесь уже был?

— Мы много знаем.

— Не спорю. В данный момент мне хотелось бы вспомнить кое-кого другого. Его зовут Кандо Проска. Знаешь?

Взгляд нищего оставался бесстрастным.

— Мы знаем мистера Проску, но силы его не боимся.

Ларри не ожидал услышать столь откровенный ответ.

— Какой силы?

— Совершая оборот, Большое Колесо источает разные силы. Мистер Проска обладает необычной силой.

— Да, но какой именно?

— Колесо в колесе, бендрет.

Ну, завелась заезженная пластинка, мысленно буркнул Изли и полез за сигарой. Впрочем, есть чуть заметная разница. Вчерашний нищий сохранял спокойствие — в нынешнем чувствуется внутреннее волнение. Нынешний нищий вообще другой. С виду тихий, замкнутый, рассудительный. Но видно, как под тонкой оболочкой бурлит целеустремленный дух. В этом нищем есть сила, решимость... Таких ванеков вообще не бывает.

Он не спеша раскуривал сигару. Кончик, наконец, ярко вспыхнул, курильщика вместе с нищим окутало облако пахучего дыма. Так и было задумано — вместе с сигарой Ларри вытащил баллончик, зажал в ладони, направил на ванека, нажал указательным пальцем на кнопку — колпачок открылся, брызнула бесцветная жидкость.

Он задержал дыхание, дожидаясь, пока баллон опустеет. В нем содержался мощный ингибитор деятельности коры головного мозга, который весьма эффективно развязывает людям язык. Впрочем, газ под названием келамин не совсем лишен запаха, поэтому требуется дымовая завеса. Ларри здорово рисковал, взяв в полет келамин. Газ запрещен на многих планетах, включая Джебинозу, — за простое хранение можно запросто попасть в тюрьму. Келамин не вызывает никаких физических и психических последствий, но его

применение классифицируется как «химическая атака».

Баллончик всегда прятался у него в багаже на крайний случай. В данный момент такой случай представился. Остается надеяться, что гибридная нервная система ванек достаточно близка человеческой, чтобы среагировать на действие газа.

Когда весь газ вышел, Ларри сунул баллончик обратно в карман, позволил себе вдохнуть и повторил вопрос:

— Так в чем же сила Проски?

— Колесо в колесе, бендрет, — прозвучала стандартная формула.

Он выругался сквозь зубы, собираясь подняться, но заметил, что нищий шатается.

— У нас голова кружится, бендрет... Наверно, от дыма...

— Извини, пожалуйста.

Изли чуть заметно улыбнулся и загасил сигару о землю. Легкое головокружение — единственный побочный эффект газа.

— Может, ты вопроса не понял, — осторожно продолжал он. — Я спрашиваю, какой именно силой обладает мистер Проска?

— Она у него в голове, — пробормотал ванек, приложив ко лбу палец.

Наконец мы к чему-то пришли!

Только через целый час Изли вернулся к своему флитеру и поднялся в воздух. Даже с помощью келамина пришлось тяжело потрудиться, буквально клещами вытаскивая из ванека конкретные сведения. Мышление этой инопланетной расы так прочно заиклено в круг, что ему почти пришлось

соответственно изменить ход своих собственных мыслей, чтоб добиться необходимых ответов.

Впрочем, он их получил и с новой информацией мчался на всех парах в космопорт. Багаж остался в отеле, ну и черт с ним, пускай остается. Единственное, что сейчас надо сделать, — немедленно улепетывать с Джебинозы.

Мрачно насупившись, он посадил флитер на платной стоянке и помчался заказывать место на следующем челноке. Тайна смерти Финча-младшего и дьявольского пси-таланта Проски разъяснилась. Ларри содрогнулся при мысли о возможности случайно сейчас встретиться с Проской. Коротышка не просто пси-киллер, как сначала казалось. Нет — то, что Кандо Проска способен сотворить с человеком, гораздо хуже.

Ларри Изли боялся. Прежде не раз сталкивался лицом к лицу с опасностью — в самом деле, в ходе одного прошлогоднего расследования чей-то телохранитель сунул ему в ухо дуло бластера, угрожая спустить курок, — но так на нее никогда в жизни не реагировал. Тут совсем другое дело. Невидимая опасность может нанести удар в любом месте, в любой момент, без малейшего предупреждения. Защититься от нее нет никакой возможности.

Он не имел никакого понятия о дальнодействии силы Проски. Необходима ли для эффективного поражения определенная близость к цели, или можно просто сидеть в какой-нибудь комнате? Теперь в каждом темном углу таится угроза. Ладони покрылись липким потом, желудок стиснули холодные острые когти, по шее и по затылку забегали мурашки.

Ларри чуть не потерял сознание от облегчения, когда бегущая строка на столе регистрации сооб-

шила, что ему предоставлено место на следующем орбитальном челноке, отправляющемся через четверть стандартного часа.

По пути на посадку он прошел через зал подпространственной связи, решив — просто на всякий пожарный случай — отправить сообщение Джо.

Вошел в просторную прозрачную кабину, закрыл за собой дверь, опустился на откидное сиденье. Орбитальный компьютер проинформировал, что в офисах КАМБа на Рагне сейчас полдень. Не имеет значения: подпространственный лазер, самое быстрое средство связи, без конца совершенствуется, но сообщение все равно остается односторонним. Промежуток между отправкой и приемом варьируется от нескольких минут до нескольких часов. Он все равно не станет ждать ответа. Сообщение будет автоматически записано в КАМБе, и Джо его прослушает в удобное время.

Заметив перед собой видеоприемник, Ларри понял, что находится в кабинке высшего разряда, передающей одновременно видео- и аудиозапись. Он пожал плечами и набрал номер КАМБа. Сейчас надо лишь передать сообщение и бежать на посадку. Меньше всего его волновали лишние расходы. Вспыхнул красный огонек, он сунул в щель диск кредитки. Диск выскочил, загорелась зеленая лампочка. Началась двухминутная запись.

Джо с удивлением узнала, что от Ларри пришло подпространственное сообщение. Он с ней связывался таким образом лишь в самом крайнем случае, поэтому она приказала срочно воспроизвести запись на мониторе в своем кабинете. Улыбнулась при виде его лица на экране, потом вспомнила, что

он ее не слышит и не видит. Зазвучал суровый, серьезный голос:

— Личное конфиденциальное сообщение для Джо-зефины Финч — исключительно для нее. Прошу прослушивать дальнейшее без посторонних свидетелей.

Ларри выждал несколько секунд и заговорил смягчившимся тоном:

— Я вынужден говорить кратко, Джо, и довольно туманно, не зная, кто прежде тебя просмотрит эту запись. Во-первых, что касается твоего близкого родственника, все совсем не так, как кажется. Может быть, тот, кого ты послала сюда разобраться, лично причастен к событиям. Кроме того, есть темная лошадка — пси-талант, который... который...

На глазах у нее лицо Ларри обмякло, голос прервался. Фигура на экране пошатнулась, пытаясь удержать равновесие. Абсолютно бессильная Джо была вынуждена сидеть и в ужасе смотреть, как глаза ее возлюбленного закатились и он исчез из вида.

Но картинка не исчезла, поэтому она жадно следила за проходившими пассажирами в надежде, что кто-нибудь заглянет в кабинку, заметит, что с Ларри что-то стряслось. Какой-то мужчина остановился, посмотрел сквозь стекло. Невысокий, болезненный, лысоватый. Вроде бы острые глазки остановились там, где упал Ларри, однако коротышка не удивился и не попытался помочь.

Просто улыбнулся и пошел своей дорогой.

13. ТЕЛЛА

У Эндрю Теллы было строгое личное правило против заданий втемную. Он требовал оглашения не только непосредственной и ближайшей, но и

конечной цели. В конечном счете этот самый принцип угробил его карьеру в рядах вооруженных сил: он так и не сумел научиться инстинктивному повиновению, необходимому для успешного выполнения функций в армейском подразделении.

Впрочем, ради нынешнего заказа Энди внес в правило некоторые поправки. Непосредственная цель вполне ясная: обеспечить заключение контракта на экспорт раконых кристаллов Лисона. Сделать это надо в соответствии с федеральной конвенцией об отношениях с инопланетными раками... но непременно сделать. А конечная цель оставалась туманной, и это его беспокоило.

Первое побуждение диктовало отказаться от предложения. Он совсем не умел общаться с инопланетянами, ничего не знал о кристаллах Лисона, кроме того факта, что они используются для облицовки туннельных труб и жутко дорого стоят, и не имел никакого желания расширять свои познания в той и другой области. Однако заказ исходил от Джозефины Финч, которая упомянула, что это важное и весьма щекотливое дело связано с фокусами де Блуаза, хоть и не объяснила, каким именно образом.

Энди согласился на чистом доверии и теперь сидел в качестве пассажира на борту собственного межзвездного лайнера КАМБа, который замедлял ход на орбите вокруг мелькавшего за перистыми облаками коричнево-синего шарика под названием Рако. Дни, проведенные на корабле, были посвящены скоростному подсознательному усвоению всех известных сведений о планете и населявших ее гуманоидах.

Рако представляла собой водно-кислородный мир, обращающийся вокруг звезды спектрального класса F3, расположенной вдоль общей границы

экспансии Федерации землян и Тарканской империи. Открыла ее шесть с половиной стандартных лет назад исследовательская экспедиция компании «Фэрли тьюбс», направленная туда после спектрографического анализа, результаты которого указывали на возможное существование естественных залежей кристаллов Лисона. И разведчики их обнаружили — в несметном количестве.

Обнаружили и еще кое-что. Планета казалась необитаемой. Впрочем, свидетельства разумной жизни попадались им задолго до того, как они наткнулись на раконцев. Мертвые города — отсыревшие, сгнившие руины из сплавов и полимеров, иногда почти полностью заросшие растительностью, — усеивали планету, свидетельствуя о некогда высоком технологическом уровне. Но никаких аборигенов не попадалось. Члены исследовательской команды предположили, что их стерла с лица планеты эпидемия или биологическая катастрофа, и облегченно вздохнули — формы разумной жизни на Рако осложнили бы дело, не позволив «Фэрли» заявить свои права на планету.

Наконец, решили осмотреть последний древний город, который сверху выглядел не столь заросшим, как другие. И там нашли раконцев. Кроме роста — некоторые взрослые особи достигали почти трех метров, — самой примечательной особенностью обыкновенных во всех других отношениях млекопитающих гуманоидов была толстая ороговевшая, постоянно шелушившаяся эпидерма. На руках у них было по три пальца и отдельно стоявший большой, широко расставленные глаза и бесформенный нос, свисавший над беззубым ртом, оснащенным короткими плоскими прямоугольными зубами — верный признак вегетарианства.

Вскоре выяснилось, что раконцы вымирают.

Не от болезней, а в связи с общими показателями рождаемости: на каждые двадцать пять взрослых из предыдущего поколения приходился один здоровый новорожденный. В результате численность населения планеты резко сокращалась в геометрической прогрессии — с пяти миллиардов по прежним оценкам до, грубо говоря, тридцати тысяч. Почти все раконцы собрались в этом самом единственном городе.

Это было первое осложнение для команды «Фэрли». Потом явились тарки, заявляя, будто сами раньше открыли планету и только теперь прибыли для разработки залежей. Сплошное вранье — тарки давно пиратски использовали способ синтеза кристаллов Лисона и немедленно вычерпали бы до дна естественные запасы на Рако — с согласия аборигенов или без, — если бы пришли сюда первыми.

Тут вмешалась Федерация, напомнив Тарканской империи о подписанном между ними почти двести стандартных лет назад договоре об экспансии. В одной из главных статей этого договора перечислялись общепринятые правила поведения в мирах, населенных разумными существами. Поскольку Рако попала в эту категорию, вопрос о первооткрывателе бесповоротно отпал. Империя и «Фэрли тьюбс» должны выдвинуть конкурентные предложения для заключения торгового контракта с раконцами при строгом требовании исчерпывающей осведомленности аборигенов об условиях и последствиях предполагаемой сделки.

Федерация ясно дала понять таркам, что вполне готова пойти на вооруженный конфликт ради защиты интересов «Фэрли» и раконцев. В свою очередь, «Фэрли» было велено неукоснительно со-

блюдать конвенцию, иначе Федерация лишит компанию протекции — не только на Рако, но и во всем освоенном космосе.

В результате земляне, тарки и глава остатков раконцев вступили в переговоры. Тут возникло третье осложнение.

В обмен на кристаллы раконцы просили не денег и не технологии. Они требовали обеспечить своей расе будущее.

— Надеюсь, вы уже сильно продвинулись к решению проблемы, док? — сказал Телла, отлично зная, что получит отрицательный ответ.

Он потягивал горячий чай из чашки, сидя за столом напротив Эвери Чернока, руководителя исследовательской группы «Фэрли тьюбс» на Рако.

Энди чувствовал, что Чернок невзлюбил его с первого взгляда, но предпочел не обращать внимания, решив до конца играть роль дерзкого юного, жадного до денег специалиста по решению проблем. Именно к такой категории причислил его Чернок, прочитав командировочное предписание, выданное домашним офисом компании «Фэрли».

— Близко даже не продвинулись, — буркнул стареющий тощий ученый. — И в нынешней ситуации ничуть не похоже, что когда-нибудь продвинемся.

— Что же вам еще нужно? У вас здесь полностью укомплектованная и лично вами набранная исследовательская команда, подпространственная связь с компьютером университета Дерби, битком набитого всеми имеющимися крохами сведений о человеческой и нечеловеческой репродукции, открытый бюджет для приобретения любой необходимой техники и оборудования...

— Этого мало!

Телла задумался. Если доктор Эвери Чернок, специалист номер один в Федерации по эмбриологии и репродукции инопланетян, зашел в полный тупик, чем ему поможет сыщик?

— Чего вы хотите?

— Я хочу вернуться в свою университетскую лабораторию на Дербби и там исследовать живых раконцев. Мы сполна поработали с трупами, исчерпали возможности изучения живых особей в полевых условиях. Я хочу доставить несколько живых самцов и самок в лабораторию для заключительного анализа, и тогда, может быть — заметьте, я говорю *«может быть»*, — что-то выйдет.

— Как я понимаю, никто из раконцев не соглашается?

— Совершенно верно, — кивнул Чернок.

— Может, они вас боятся?

— Нет. Они почти ничего не боятся. Это как-то связано с их религией. — Он презрительно фыркнул. — Через несколько поколений вымрут полностью из-за какого-то идиотского предрассудка!

Один из лабораторных техников сунул в дверь голову с озабоченным выражением на лице:

— Вим пришел.

Чернок резко дернулся:

— Это что, шутка?

— Нет, конечно, — обиженно ответил техник.

— Ну тогда не стойте столбом, немедленно приведите его!

Голова исчезла, и через несколько секунд вошел тарк. Энди раньше видел голографические изображения, а сейчас впервые встретил тарка во плоти. Совсем другое впечатление: тупая собачья морда с острыми желтыми клыками та же самая, равно как

короткопалые руки, бочкообразная грудь и короткая темная жесткая шерсть, но никакие видеозаписи и голограммы никогда не смогут передать чисто звериную силу, как бы бурлившую под внешней оболочкой, и облаком окружавший инопланетянина резкий запах. Ростом он был почти два метра и весил не менее ста килограммов.

За ним следовал другой тарк, остановившийся чуть позади и правей первого.

— Садитесь, пожалуйста, доктор Вим, — предложил Чернок, вставая.

Тарк, стоявший позади, что-то прорычал, а первый точно так же ответил. После чего второй обратился к Черноку на грамматически безупречном межзвездном языке, хоть и с непривычным гортанным произношением:

— К сожалению, некогда. Меня отзывают.

— Ох, нет! Это ужасно! Почему?

Инопланетяне опять обменялись рычанием. Теперь Телла понял, что первый тарк — Вим, не владеющий межзвездным языком землян, а второй переводчик, который объяснил Черноку:

— Слишком большие затраты. Вышестоящее начальство считает наши неудачи свидетельством обреченности раконской расы. Решили дожидаться смерти последнего представителя, которая избавит нас от необходимости платить дикарям за кристаллы.

— Вы согласны с подобным решением?

— В нынешней ситуации не питаю особой надежды на благоприятное завершение дела, — перевел переводчик после очередного обмена репликами. Сделал паузу, снова выслушав Вима, и продолжал: — Перед отъездом позвольте заверить, что работать на одной территории с вами было для меня большой

честью. Мне бы очень хотелось и дальше сотрудничать, но, к сожалению, знаете, это запрещено. Буду с нетерпением ждать очередных переводов ваших блестящих статей. До свидания.

С тем пара инопланетян повернулась и удалилась.

Несколько долгих минут Чернок сидел в молчании, потом горько вздохнул:

— Вим — достойная личность. Вижу, он глубоко огорчен.

— Хотя сам этого не показывает, — заметил Телла.

— Тарки не позволяют себе проявлять недовольство решениями вышестоящего начальства — насколько я понимаю, подобные поступки укорачивают продолжительность их жизни, если намек вам ясен. Тем не менее Вим расстроен. Позиция раконцев превратилась в непростую проблему. Можно было б, конечно, клонировать новые особи, но вождь аборигенов отказывается от такого варианта. Требуется восстановления настоящей естественной биологической репродукции в масштабе, который гарантирует расе будущее. Я не могу его упрекать, но боюсь, не смогу и помочь.

— Раконцы стерильны? — уточнил Энди.

Рассуждая об аборигенах, Чернок отчасти забыл о враждебности, став почти дружелюбным.

— Будь они стерильны, дело было бы гораздо проще. Нет, у представителей обоих полов полным-полно активных гамет, они просто не сочетаются должным образом. По-моему, Виму жалко расстаться и с бассой.

— А это еще что такое?

— Самая что ни на есть удивительная зернистая ржавчина с любопытным антибиотическим действием: при поглощении определенного количества эк-

стракта она за один стандартный день необратимо внедряется в метаболические пути каждой присутствующей в организме бактерии.

— Ну и что?

— Когда экстракт выводится, бактерии гибнут. Необходимо немедленно восстанавливать у пациента кишечную флору, но у раконцев, видимо, более совершенный процесс. И заодно не имеется никаких признаков сопротивляемости.

— А что происходит с хозяйскими метаболическими путями? Они не изменяются?

— Кажется, нет — возможно, потому, что темпы воспроизводства нуклеопротеидов крупных живых существ близко даже не сравнятся с бактериальными, поэтому экстракт ржавчины просто не успевает внедриться в метаболизм. Хотя, думаю, если сесть на строгую диету из экстракта ржавчины... — Доктор Чернок умолк, фраза повисла в воздухе.

Телла воспользовался этой возможностью, чтобы уйти, и поднялся:

— Ну, мне пора приниматься за работу.

— Что же это за работа? — поинтересовался Чернок, снова переходя на сварливый тон.

— Во-первых, уговорить этих самых инопланетян отправить с вами на Дерби пару добровольцев. Кто меня к ним проводит?

— Пошлю с вами сержанта Пратера — на всякий случай, чтоб вы не наделали каких-нибудь глупостей. Наверняка найдете его во дворе за этим зданием.

Пратер проводил ежедневный осмотр боевой установки в крытом углу переднего двора. Она высилась на целых четыре метра, а изнутри опытный сол-

дат насквозь простреливал лес, мог сровнять с землей город или на месяц укрыться на дне озера. Пратер был представителем федерального Министерства обороны на Рако. Битком набитый солдатами крейсер ждал на орбите. Просто на всякий случай.

Занятый важным делом сержант проигнорировал просьбу насчет поездки в город. Но Энди умел успешно пробивать солдатские барьеры воинского профессионализма.

— Похоже, точно такая же установка, как во время моей службы в армии.

Пратер вскинул выбритую до блеска голову:

— В войсках служил? Когда?

Незнакомец сразу стал для сержанта настоящим человеком.

— Восемь стандартных лет назад. Вроде тебя, в пехоте. И чертовски неплохо освоился с подобными штуками.

— А чего ж уволился?

Телла пожал плечами:

— Не сильно ладил с шишками. Знаешь, как бывает.

— Угу, — согласно кивнул Пратер. — Кое-кому они не по вкусу. Говоришь, умеешь обращаться с таким вот оружием?

— Почти с таким. Это вроде модель поновее.

Энди отступил назад, разглядывая установку. Она была поприместей той, которую он осваивал, легче с виду. Кроме бросающейся в глаза эмблемы Федерации в виде звезды, вписанной в греческую букву «омега», вся поверхность от основания до наблюдательного купола была тускло-черной, но лишь потому, что установка не действовала. В рабочем состоянии она принимала любой цвет, обеспечивая моментальную маскировку.

— Самая последняя. Уход не составляет труда, за что я в данный момент благодарен. После того как тарки объявили, что сворачивают работу, никому не известно, чего они выкинут.

— Неужели выступят против Чернока с его командой?

— Не осмелятся! Знают, что под рукой у нас целая армия, — сержант ткнул пальцем в небо, — а тут я со своей установкой. Мы им это как следует даем понять, хоть оружие тщательно прячем от местных — вдруг усомнятся, что это безобразие тут для их же защиты. Боюсь, как бы тарки каким-нибудь хитрым способом не перебили раконцев, чтобы не дожидаться, пока они вымрут естественным образом.

Телла пришел одновременно в восторг и ужас от простой недвусмысленной логики подобного варианта. Если даже всеобщее убеждение в жестокости тарков вдвое преувеличено, средства и способы достижения цели у них, несомненно, давно разработаны.

— Ну, извини, сержант, — сказал он. — Мне надо попасть в раконский район города. Если ты меня не доставишь, как-нибудь сам доберусь.

— Ну-ка, обожди минутку... Энди, да?

Телла кивнул.

— А я Бентам — Бен. Пожалуй, можно выкроить пару минут, прокатить по городу бывшего солдата. Дай только руки отмою от смазки, и двинем.

Телла впервые близко рассматривал город. Раконцы, видно, помешались на шпилях — каждое строение изящно сужается кверху. Другая удивительная особенность — улицы извиваются, кружат-

ся, переплетаются между зданиями, словно дома строились там, где взбрело в голову архитектору-фантазеру, а дороги прокладывались потом, соответственно уже свершившимся фактам. Маленький открытый флитер всего несколько раз повернул, а Энди уже безнадежно запутался.

— Хорошо знаешь дорогу, Бен?

— Ну, еще бы. Каждый день летаю, присматриваю за аборигенами, поглядываю, не задумали ли чего тарки. Когда будем на месте, сам сразу увидишь.

Энди ломал голову над последним замечанием, пока они не завернули за угол следующего здания. Там на пустой площадке стояла постройка без шпиля, которая представляла собой низкий купол, примечательно примитивный по сравнению с прочей архитектурой. Ее окружали выстроившиеся плечом к плечу раконцы мужского и женского пола.

— Что тут происходит?

— Это храм Вашту, древнего бога Рако. В любой момент дня и ночи пятьсот двенадцать местных стоят вокруг него на страже. Почему именно пятьсот двенадцать? — предупредил сержант вопрос собеседника. — Если вспомнишь, что у раконцев по четыре пальца на каждой руке, не удивишься, что у них восьмеричная система счета. — Пратер направил флитер к шагавшему к храму нескладному старому раконцу с длинным деревянным посохом. — Это Минтаб, вождь оставшихся аборигенов. Если с кем-нибудь надо поговорить, то как раз с ним. Он глашатай: его народ коллективно принимает решения. Только не пробуй давить на трусливую старую птичку.

Минтаб заметил флитер, остановился, дождался, пока Пратер сядет, направился к двоим вы-

шедшим из кабины мужчинам. Рядом с кораблем образовалась далеко не святая троица: высоченный облезлый раконец с висящим носом, маленький черноволосый крепыш Эндрю Телла и Пратер с выбритым до блеска скальпом.

Сержант представил Теллу как покупателя, желающего приобрести камни. Хотя он обращался к Минтабу на раконском языке, Энди понимал услышанное благодаря прослушанному в полете ускоренному курсу, записанному на подкорку. Другое дело — говорить по-раконски. Без практики не воспроизведешь бесчисленное множество носовых звуков, однако можно внятно объясняться, если говорить покороче и тщательно подбирать слова.

— Мохнатые уходят, — сказал Минтаб, переводя взгляд на Энди. — Когда вы своего доктора убедите?

— Скоро, — с запинкой ответил Телла по-раконски. — Здесь не получим ответа. Надо отвезти нескольких ваших в другое место.

— Я старался объяснить своему народу, но он слушать не хочет. — Вождь оглянулся на окруженный купол. — Не судите нас слишком строго. Наш образ жизни не всегда был таким примитивным. Об этом говорят наши мертвые города. Некогда мы летали по воздуху, переговаривались через океаны. Теперь нас слишком мало, чтобы поддерживать прежний технологический уровень. Как только численность раконцев начала сокращаться, мы постепенно лишились средств производства, столкнувшись с нехваткой точных деталей. Со временем опустились до нынешнего положения.

— Почему же ваш народ отказывается помочь нам и самому себе? — спросил Телла.

Минтаб задумчиво взглянул на купол.

— Пойдемте. Увидите.

Круг раконцев расступился, пропустив троицу. Минтаб ввел своих спутников в хилую постройку.

— Вы входите в храм Вашту, Подателя Света и Бога нашего, избранного им народа, — провозгласил он. — Перед вами его усыпальница.

В центре сумрачного храма стояла гигантская статуя высотой добрых семь-восемь метров, высеченная вручную из камня вроде нефрита, изображающая существо, под ногами которого распротерлась другая фигура.

— С виду... старая. — Телла с трудом ворочал языком.

Освещение, поза, размеры наделяли статую сверхъестественной силой.

— Древняя. Мы не знаем, когда она создана, но на протяжении нашей письменной истории статуя была средоточием народной религии, и особенно ныне. Это изображение Вашту, празднующего победу над поверженным Млорной, богом Зла и Тьмы.

Энди подошел поближе. Вашту, напоминавший раконца с лучистым солнцем вместо лица, держал в руке жезл с огромным кроваво-красным драгоценным камнем на кончике. Поверженное существо у него под ногами невозможно было распознать.

— Млорну никак не могу разглядеть.

Минтаб поманил его к двери, где было чуть светлее. Резное стенное панно изображало двуное существо с единственным огромным глазом вместо головы, клешнеобразными руками и телом, покрытым чередующимися зелеными и желтыми полосами.

— Вот он.

— Все-таки не понимаю, почему ваш народ не поможет нам, чтобы мы получили возможность помочь ему?

— На этом самом месте, — объяснил Минтаб, — Вашту победил Млорну, когда мир наш был новым. Гордый Млорна поклялся вернуться и разрушить храм Вашту. Великий Вашту поручил моему народу охранять храм от Млорны.

Много поколений назад, когда в наших городах жили миллионы здоровых раконцев, мы забыли о Вашту, обратив свои мысли и души к другим делам. Храм остался без охраны. За это упущение Вашту сократил нашу численность. Вскоре нас стало слишком мало для надлежащей защиты храма. Вернувшийся Млорна без труда его уничтожит. Мы не выполним повеление Вашту, который за это развеет наш дух между звездами.

— Но...

Энди отчаянно и безнадежно подыскивал слова. Впрочем, Минтаб словно знал, что он хочет сказать.

— Никто не покинет планету. Народ, которым некогда правил разум, вновь стал рабом суеверия. Все боятся, что близится день возвращения Повелителя Тьмы, и твердо намерены оставаться на месте. Я старался внушить им, что Вашту позволит уехать — ведь если народ возродится, у храма не переведется надежная охрана. А они твердят, что это будет свидетельством очередного предательства священной веры... — Помолчав, инопланетянин добавил: — Я сам бы поехал, да вышел из возраста.

Телла не понимал ни выражения лица, ни телодвижений, ни тона раконца, но, когда троица

выходила на гаснувший солнечный свет, от Минтаба определенно веяло безнадежностью.

На полпути назад вместе с Пратером к лагерю землян на краю города Энди осенила идея — рискованная даже по его собственным стандартам, сулившая либо заключение контракта на поставку кристаллов, либо заключение в федеральную тюрьму. Он решил предварительно связаться с Джо.

Приземлившись, отправился прямо на пункт связи, послав на Рагну тщательно сформулированное словесное сообщение, переданное подпространственным лазером. Не стал подробно излагать свои планы, намекнул на риск с точки зрения закона, упомянул об антибактериальных свойствах бассы, поинтересовался, найдет ли она применение в этом смысле.

Потом вновь пошел к Пратеру, топтавшемуся вокруг установки.

— Маскировка по-прежнему устанавливается вручную? — спросил он у сержанта. — Я на службе обычно проделывал кучу всяких фантастических трюков.

Пратер, кивнув, продемонстрировал систему управления. Существенных изменений за прошедшие годы оно не претерпело, руки Энди сразу привычно забегали по панели, привели в действие защитную оболочку, выбрали оттенок, рисунок. Сержант отступил назад и расхохотался при виде орудия, похожего на красно-белый парикмахерский столбик¹.

— Где ты научился таким фокусам, Энди?

¹ Парикмахерский столбик — традиционный отличительный знак парикмахерской в виде столбика со спиральными красно-белыми полосами, который вращается, когда парикмахерская открыта.

— За это среди многого прочего меня очень сильно любило начальство на протяжении четырех лет службы. Соскучившись, я каждый раз выдумывал другой камуфляж. Если интересуешься, могу предложить даже несколько порнографических вариантов.

Тут явился связник-оператор с известием о поступившем с Рагны кратком послании на имя мистера Теллы. Энди взял плеер и прослушал запись. Голос Джо звучал четко, но напряженно.

Энди, я срочно лечу на Джебинозу. Возможно, ваш успех сейчас важен, как никогда, тем более если верны сведения насчет бассы. В данный момент вы представляете не только «Фэрли тьюбс», но и «Опсал фармасьютикалс», имея полномочия на заключение предварительного договора от имени фирмы при согласии раконцев продавать бассу. Если получится, незамедлительно оповестите межзвездные службы новостей. Желаю удачи.

Он вернул оператору плеер и снова влез внутрь установки.

— Говори, что она тебе напоминает, Бен.

Энди сел за панель управления, закрыл над своей головой смотровой купол. Корпус, заплечики и опоры орудия вспыхнули желто-зелеными полосами, а купол засветился ослепительным голубовато-белым светом с крупным черным пятном в центре.

В наушниках прозвучал голос Пратера:

— Слушай, жутко похоже на бога Зла в том самом храме. Как его...

— Млорна, — шепнул Телла и привел в действие антигравитационные платы.

Хотя почти стемнело, он не боялся сбиться с пути. В конце концов, вовсе не обязательно держаться улиц. Энди набрал высоту, взял приблизительный курс на хорошо заметный с воздуха купол, сделал круг, подлетая с дальней стороны, приземлился на краю парка уже в темноте. Видя, тем не менее, на экране яркую дневную картинку, нарисованную инфракрасными линзами и усилителями, мысленно решил действовать быстро и обходительно, медленным ходом повел установку к куполу.

Проделал почти полпути, когда кто-то из аборигенов заметил маячившую во тьме гигантскую, слишком хорошо знакомую фигуру. На миг вспыхнула паника, потом стражи с громкими криками быстро образовали барьер между Млорной и храмом Вашту. Со всех сторон на площадь хлынули раконцы всех сортов — мужского и женского пола, старики, инвалиды, — укрепляя живую стену перед богом Тьмы. Заметив вбежавшего в храм Минтаба, Энди включил лазер.

Зеленый световой луч, вспыхнув, вырезал борозду на наружной стене купола справа, обогнул дугой дверь, вспорол левую стену. Тогда раконцы бросились на Млорну, тщетно колотя его кулаками, пиная ногами, забрасывая камнями, тыча ножами и палками. Безрассудная храбрость немного угасла, когда раконцы увидели, как бог Зла и Тьмы невредимо шествует сквозь их ряды, словно фермер по хлебному полю. Млорна, ни перед чем не останавливаясь, двигался к входу в храм своего древнего врага Вашту.

Но бог Тьмы не успел войти — из храма, пошатываясь, задыхаясь, с трудом вышел Минтаб, высоко подняв увенчанный драгоценным камнем жезл, который в усыпальнице держал в руке Вашту. Млорна замер на месте, отступая перед шагавшим навстречу

Минтабом с жезлом. Потом, на глазах у собравшихся приверженцев Вашту, бог Зла и Тьмы медленно, молча поднялся и исчез в черном небе.

— Телла, вы арестованы! — рявкнул Пратер, когда Энди вылез из установки.

Под мышкой побагровевший сержант держал гравитационные наручники.

— По какому обвинению?

— Нападение на инопланетное население для начала годится?

— Почему ты решил, будто я на кого-то напал?

Энди знал, что попал в переплет, но решительно не собирался сдаваться.

Пратер самодовольно ухмыльнулся:

— Наблюдал за твоими экранами с самого момента взлета. Каждое движение видел и даже записывал. У тебя серьезные неприятности. Сейчас отправишься под стражу на крейсер, а оттуда под следствие в Центр Федерации и под суд.

— Сначала пусть принесет глубокие извинения Минтабу и раконцам за осквернение святыни! — крикнул выскочивший во двор Чернок. — Окончательно испортил отношения, которые мне удалось наладить с раконским народом, и я требую извинения перед отъездом!

После долгих споров Пратер нехотя согласился доставить Чернока и Теллу в раконский квартал города, но необходимость в этом отпала: у флитера их ждал Минтаб.

— Теперь мои братья готовы отправиться с доктором к нему на родину, — без преамбулы объявил он, бесстрастно высясь в темноте, хотя дышал, кажется, чаще обыкновенного.

— К-как... — запнулся Чернок.

— Сейчас мои братья празднуют победу. Они успешно отстояли храм и заслуженно поздравляют друг друга. А утром мы приступим к обсуждению договора о торговле камнями вот с этим человеком, — указал он на Энди.

— Боюсь, мистера Теллы здесь утром не будет, — заявил Пратер.

— Ни с кем другим мы говорить не станем, — отрезал в ответ Минтаб.

Это было последнее слово.

Чернок с Пратером переглянулись, пожали плечами.

— Очень хорошо. Он будет здесь завтра утром.

— А басса? — уточнил Энди, чувствуя прилив облегчения оттого, что сорвался с крючка. — Бассой торговать будете?

— Конечно. За это попросим продолжать работы по обеспечению будущего нашей расы. — Минтаб пристально посмотрел Телле в глаза. — С вашей помощью мой народ наверняка защитит храм в тот день, когда Млорна *действительно* явится.

Сыщику вдруг показалось, будто кто-то двинул его кулаком прямо в солнечное сплетение.

— Прошу прощения, — пробормотал он на своем родном языке, пятясь от инопланетянина, — мне надо сделать несколько очень важных звонков.

14. ДЖО

Летя в состоянии полного умственного и душевного ступора, Джо едва запомнила путь с Рагны на Джебинозу. Одно потрясение следовало за другим, и лишь после того, как коммерческий лайнер вы-

шел на орбиту вокруг конечной цели, она вновь начала замечать окружающее.

Как только Ларри упал у нее на глазах во время сеанса подпространственной связи, она сразу сама позвонила в космопорт Джебинозы. Тамошний администратор проинформировал, что неизвестный мужчина срочно доставлен в больницу Копии — живой, но в бессознательном состоянии. Следующее послание отправилось в больницу с просьбой обеспечить доставленному из космопорта пациенту максимальный уход и внимание и гарантией полной оплаты лечения и услуг с такого-то расчетного счета в секторальном банке.

Затем последовал очередной удар: решив лично лететь на Джебинозу со стариком Питом, которого не хотелось терять из виду, Джо узнала, что он уже несколько дней назад сам отправился на планету. Она к тому времени не испытывала ни малейших сомнений в причастности старика Пита к смерти ее отца, а может быть, и к несчастному случаю с Ларри, что бы с ним ни приключилось.

И вот под ней вращается Джебиноза, с виду столь же невинная, как любая планета земного класса, только совсем другая. Джебиноза убила отца, покалечила любимого... Джо никак не решалась сесть в поджидавший челнок, боясь этой планеты.

В голове вертелись мысли об отце, четкие, ясные воспоминания, неподвластные времени. Была между ними неопиcуемая словами связь, которая после смерти ее матери усилилась так, что ей порой почти казалось, будто она угадывает отцовские мысли. Тогда она не понимала, почему он оставил ее у дяди с теткой и улетел на другую планету. Это сокрушило ее. Она до сих пор не совсем понимает, но хотя бы может примириться. Впрочем, при-

мирение нисколько не облегчает напряженного внутреннего конфликта между не угасшей любовью к отцу и остаточной жгучей обидой, презрением к его трусливому, на ее взгляд, бегству.

Джо снова взглянула на планету в иллюминатор, чувствуя на душе тяжесть, желание на кого-то, на что-то наброситься — на что угодно. Она себя чувствовала гигантской умирающей звездой, которая переживает гравитационный коллапс, стремительно сжимаясь к железному ядру, готовясь превратиться в сверхновую. Впрочем, надо держаться. Нельзя ненавидеть планету. Где-то на Джебинозе скрывается человек, виноватый в несчастье с Ларри. Известно, как он выглядит, — по пути с Рагны она вновь и вновь прокручивала запись подпространственного звонка, пока в памяти прочно не запечатлелась лысеющая голова, болезненно-желтая кожа, безжалостные глаза. Джо ошупала крошечный бластер в мешочке у себя на бедре. Негодяй непременно отыщется...

Старик Пит тоже. Начнется жестокий бой. Фактически он во всем виноват. Сидел бы у себя на острове в море Кель, не возникал в ее жизни, держал бы при себе свои подозрения, и они с Ларри сейчас играли бы в казино в условные шахматы.

Подозрения, правда, небезосновательны — почти определенно существует заговор против Федерации, и надо отдать старику Питу должное за то, что он его разглядел задолго до любого другого. Хотя это не снимает с него вины за скрываемую на лежащей внизу планете тайну.

Стюард подал ей знак, что пора пересаживаться в челнок. Глубоко вздохнув, крепко сжав кулаки, Джо отвернулась от иллюминатора и направилась к шлюзу.

Космопорт, расположенный неподалеку от Копии, служил также аэропортом для местных рейсов и в этот час был битком набит пассажирами. Джо себя чувствовала совсем одинокой, несмотря на толкавшуюся вокруг толпу. Не могла даже назвать свое имя — летела под псевдонимом, заплатив за билет наличными на случай, вдруг кто-нибудь выслеживает пассажирку по фамилии Финч или служащую в КАМБе.

Спустившись с верхнего этажа и спрыгнув с желоба, она впервые увидела ванека, безошибочно узнаваемого по пыльной хламиде, синеватой коже, черным волосам, заплетенным в косу. Он молча сидел, скрестив ноги, прислонившись спиной к столбу в центре просторного переполненного нижнего зала. Левая рука пряталась под хламидой, правая держала на коленях потрескавшуюся нищенскую чашку. На дне тускло поблескивали несколько монет. Мелькавшие пассажиры почти не обращали на него внимания, и ванек в свою очередь как бы не видел, что происходит вокруг. Глаза под нависшими веками были обращены куда-то внутрь.

Джо остановилась, пристально глядя на нищего. Вот один из метисов, убивших ее отца. Возможно, тот самый. А с виду вполне безобидный.

Быстро встряхнув головой, передернув плечами, словно в ознобе, она пошла дальше. Слишком много надо сделать, прежде чем попусту тратить время, глаза по сторонам. Джо прошла мимо ванека на расстоянии вытянутой руки, не глядя на него и, разумеется, не собираясь бросать что-либо в чашку, и поэтому не заметила, что глаза его широко открылись, провожая ее взглядом. Заворачивая за угол, услышала за спиной звон и грохот.

Испуганно обернувшись, увидела стоявшего на ногах ванека, застывшего неподвижно, как статуя,

с вытаращенными темными глазами. На полу лежала разбитая глиняная чашка, монетки еще катились в разные стороны. Проходившие по залу пассажиры замедляли шаг, наблюдая за происходящим.

Тут ванек нерешительно, спотыкаясь, направился к ней, остановившись в полуметре.

— Это ты! — хрипло, тоненько прошептал он.

Протянул веретенообразную руку, дотронулся до ее плеча. Джо содрогнулась от прикосновения сухих шершавых пальцев.

— Действительно ты... Колесо совершило полный оборот!

Он круто повернулся и заспешил прочь.

Когда ванек исчез из вида, Джо раздраженно поежилась и пошла своей дорогой. То же самое сделали окружавшие ее случайные наблюдатели. Вскоре на сцене остались только два маленьких мальчика, собиравшие рассыпавшиеся монетки среди осколков забытой нищенской чашки.

Она отыскала общедоступную будку видеофона, позвонила в городскую больницу. Из головы не выходил случай с ванekom. Было в этом нечто фантастическое. Кажется, будто он ее узнал. Может, каким-то образом почуял родство между нею и Финчем-младшим? Она вновь передернулась. В любом случае, кто знает, что взбредет ванеку в голову?

На экране появилась женщина средних лет, в традиционном белом медицинском халате.

— Городская больница Копии, — сказала она.

— Мне бы хотелось справиться о пациенте по имени Лоренс Изли, — объяснила Джо. — Три дня назад его доставила «скорая помощь».

— Извините, сведения такого рода считаются конфиденциальными и не распространяются. Если желаете, можете прямо связаться с лечащим врачом пациента.

— Мне сообщили, — перебила Джо, — что три дня назад он был жив. Это хотя бы вы можете подтвердить?

— Могу сказать, что он в стабильном состоянии, и больше ничего, — ответила женщина, видимо чувствуя обеспокоенность собеседницы. — Вам это поможет?

— Конечно, — с явным облегчением кивнула она.

Значит, Ларри держится.

На стене напротив видеоавтоматов горела табличка «Подпространственная связь», и она пошла, следуя указанию мигавшей стрелки. Кабинки стояли посреди длинного низкого мезонина, тянувшегося между залом ожидания и регистрационным залом. Джо остановилась, осматривая шесть будок высшего класса. Все одинаковые — было бы практически невозможно определить искомую, но за самой дальней она заметила тележку с инструментами, приглядевшись поближе, увидела мужчину в комбинезоне, согнувшегося на полу, заглядывая в смотровое окно.

Играя ва-банк, она открыла дверцу:

— Уже выяснили, от чего пострадал тот самый мужчина?

Техник поднял голову:

— Никто здесь ни от чего не пострадал, леди. Все в полном порядке, — воинственно заявил он.

— Мне хотелось бы кое-что выяснить об этих будках, — начала Джо, но техник раздраженно ее перебил:

— Слушайте, я ничего рассказывать не собираюсь. Если у вас есть вопросы, обращайтесь в главную контору компании «Адамс лизинг».

— Хорошо, так я и сделаю.

Она взяла напрокат флитер, набрала кодовый номер главного офиса компании и сидела, погрузившись в размышления, не обращая внимания на проплывавшую внизу Копию. Флитер автоматически остановился над конечной целью, и она посадила его на крышу.

В конторе ее встретил за стойкой худой мужчина с ястребиным профилем.

— Чем могу вам помочь? — спросил он елеиным тоном при ее приближении.

— Меня интересуют ваши кабины для подпространственной связи.

Табличка на стойке представляла заметно просветлевшего мужчину как Олвина Мирра.

— Ах! Желаете абонировать?

— Нет. Просто хочу, чтоб кто-нибудь ответил на несколько вопросов.

Мистер Мирр охладел.

— А. Тогда все, что нужно, найдете вот здесь.

Он резким движением бросил через стойку буклет и собрался уйти.

— Ну-ка, слушайте! — взорвалась Джо, швырнув ему в лицо рекламную брошюру. — Один из моих сотрудников — который, кстати, отличался прекрасным здоровьем, пока не зашел в вашу будку, — третий день лежит в местной больнице, и от ответов, которые вы мне сейчас здесь дадите, будет, скорее всего, зависеть, утонете ли вы по уши в судебных разбирательствах!

Мистер Мирр стал вдруг необычайно сговорчивым:

— Должно быть, вы имеете в виду прискорбное происшествие в космопорте. Нам, разумеется, страшно жаль, что так вышло, но могу безоговорочно вас заверить в абсолютной безопасности наших кабин. Особенно моделей высшего класса, снабженных всевозможной надежнейшей изоляцией. В каждой даже пси-щит установлен. Мы ничего не упустили из виду. Чем еще я вам могу...

— Стойте! Обождите, — перебила Джо поток объяснений. — Вы говорите, в кабинах есть пси-защита?

— В моделях высшего класса есть, — кивнул он. — Для полной конфиденциальности. Абонент при желании может даже стекло затемнить, чтобы сообщение нельзя было прочесть по губам.

— А зачем пси-изоляция?

— Порой в этих кабинах передается важнейшая деликатная информация, касающаяся деловых и политических проблем самого высокого уровня. Наши клиенты должны быть уверены, что мы приняли все меры для обеспечения безопасности. Им известно, что даже телепат их не слышит.

Джо задумалась.

— Изоляция действует в том и другом направлении? — уточнила она после паузы.

— Я не понимаю, — начал было Мирр с озадаченным выражением на лице, а потом спохватился: — А, ясно, что имеется в виду. Да, пси-защита не односторонняя, она действует по обеим сторонам кабины.

— Спасибо! — поблагодарила Джо и направилась на крышу.

Следующая остановка — больница. Она набрала код, размышляя о пси-изоляции. Прежде чем потерять сознание, Ларри упомянул о «темной ло-

шадке» — пси-таланте, который к чему-то причастен. К чему, он не успел сказать, — то ли к смерти ее отца, то ли к де Блуазу... Потом появился страшный человечек, заглянувший в будку. Интересно. Может быть, Ларри должен был умереть в той кабинке и пси-шит спас ему жизнь?

Тогда это означало бы, что в деле замешан пси-киллер, а их, предположительно, не бывает. Конечно, рышущим по освоенному космосу пси-киллерам хочется всем внушить именно эту мысль. Подтвержденных случаев не имеется, но Джо была уверена, что где-нибудь существует пси-талант, способный убивать на расстоянии, силой воли. Среди триллионов людей на обитаемых планетах должен быть, как минимум, один — а скорее всего, не один.

Одно точно известно: Ларри что-то здесь раскопал, что-то потенциально опасное для де Блуазы или для его планов. В кратком прерванном сообщении звучал даже намек на причастность де Блуазы к смерти ее отца. Разве это возможно?

Если связующим звеном не служит старик Пит.

Флитер замедлил ход и завис. Внизу ждала городская больница Копии.

Джо раньше никогда не бывала в больницах и не нашла в первом опыте ничего приятного. Возникло впечатление, будто огромное здание существует отдельно от общества, изолировано в своем собственном времени и пространстве. Здешнюю субкультуру составляют физически больные и те, кто за ними ухаживает. Ничто больше роли не играет.

Сестра проводила ее к отдельной палате Ларри, где она случайно застала его лечащего врача, со-

вершавшего дневной обход. Почти все медицинские и санитарные процедуры в больнице могли бы гораздо быстрее и дешевле выполнять машины. Но полностью автоматизированные больницы пробыли создать давно... и признали невыгодными. Пациенты там просто плохо себя чувствовали. Выяснилось, что персональный уход со стороны другого человеческого существа гораздо благотворней влияет на физиологическое состояние больного, чем работа автомата. Поэтому реальное появление время от времени дежурного врача и постоянное присутствие обслуживающего персонала осталось неизменным условием больничной рутины.

— Сначала мы это приняли за очередной случай белой горячки, — объяснял доктор, смуглый плотный мужчина с отрывистой речью, не тративший напрасно ни слов, ни времени. — Но горячку научились успешно диагностировать, и здесь решительно что-то другое.

Джо удивил абсолютно здоровый вид Ларри. Легко дыша, он спокойно лежал в кровати с умиротворенным выражением на лице. Прилегло поспать после обеда — иначе не скажешь. Только никто не может его разбудить.

— Страдающие горячкой, — продолжал доктор, — отказываются реагировать на любые внешние стимулы. Патологический процесс отчасти заключается в том, что сознательная и подсознательная области мозга принимают стимулы и блокируют ответы. У мистера Изли, похоже, совсем другой случай: полная деафферентация.

— Я вынуждена попросить вас объяснить этот термин, — сказала Джо, не сводя глаз с лица Ларри.

— Ну, это означает, что его сознание не воспринимает ни один — подчеркиваю, *ни один* — вне-

шний стимул. Грубо говоря, представьте себе компьютер без единого входного устройства.

— Что же могло послужить причиной?

— Не знаю. Он был психически стабилен? Понимаете ли, возможно, мы имеем дело с психопатическим состоянием.

— Он был стабилен не меньше любого другого нормального человека. — Джо взглянула на врача.

— А... эта самая деафферентация, как вы говорите, не может служить защитным механизмом?

Доктор снисходительно улыбнулся:

— В высшей степени невероятно. Даже если б могла, тут нет ничего хорошего. Все равно что сунуть в песок голову — довольно бесполезно для тела.

— Полезно, когда кто-нибудь целится именно в голову, — пробормотала Джо, поймала удивленный взгляд собеседника и переменяла тему: — Скоро он выйдет из этого состояния?

— В данный момент невозможно сказать. Завтра, через неделю, через год — я не знаю. Когда-нибудь выйдет.

— Вы уверены?

— Насколько возможно в отсутствие предшествующего опыта. Утренние анализы свидетельствуют о слабом снижении уровня деафферентации. Незадолго до вашего прихода их вновь повторили, и, если они покажут дальнейшее снижение, нам удастся оценить темп ремиссии и сообщить вам прогноз.

С тем он повернулся и вышел из палаты.

Джо вновь переключилась на Ларри, еще сильнее ощущая душевное напряжение, готовое привести к взрыву. С ним вообще не должно быть такого — невыносимо видеть сильного талантливого мужчину,

беспомощно лежащего в коме. И она ничем не может помочь...

Джо вцепилась в верхний прут решетки, ограждавшей сбоку койку, стиснула так, что побелели и протестующе захрустели костяшки пальцев. Собралась завопить от отчаяния, но сдержалась. Отложим до встречи с тем, кто это сделал.

Со временем она заставила себя успокоиться, медленно и глубоко дыша. Выпустила решетку, медленно прошла по палате, скрестив на груди руки. И почти пришла в себя к возвращению доктора.

— Прогресс замечательный, — деловито сообщил врач. — Если дело пойдет такими же темпами, через шесть—восемь часов очнется.

У нее екнуло сердце.

— Как он себя будет чувствовать после этого?

— Откуда я знаю? — пожал доктор плечами. — Можно только гадать. Возможно, полностью придет в сознание, хорошо отдохнув, как бы после крепкого и спокойного ночного сна. Возможно, будет в необратимом психопатическом состоянии. Обождем, увидим.

Дежурные санитарки сменились, перед уходом врача в палату вошла другая старшая сестра.

— Извините, — сказала она, — время для посетителей истекло.

— Не для меня, — отрезала Джо таким тоном, что сестра заколебалась, оглянувшись на доктора.

— Пусть останется, — разрешил он. — Палата отдельная, никому она не мешает.

Сестра пожала плечами:

— Если вы позволяете, это меня не волнует.

После их ухода Джо рухнула в кресло, щелкнула рычажком, глядя, как часть наружной стены

становится прозрачной. Полыхал грандиозный закат, она, закрыв глаза, подставила лицо под гаснущий теплый кровавый свет солнца, пока оно не скрылось из вида за соседними зданиями. И оглянулась на шум за спиной.

В открывшуюся дверь входила процессия из пяти фигур, закутанных в плащи с капюшонами. Последний закрыл за собой створку, и все разом откинули капюшоны, демонстрируя сине-серую кожу, высокие лбы, длинные черные волосы, заплетенные в одну косу.

Ванеки!

Джо вскочила, когда первый вошедший направился к ней. Внешне он ничем не отличался от других, за исключением темно-синего пигментного пятна почти посередине лба, чуть левее. Хотя в их поведении не было ничего угрожающего, она встревожилась... Эти существа спокойно позволили себе убить ее отца!

— Что вам нужно? — спросила она, проклиная себя за дрогнувший на последнем слове голос.

Тот, кого можно было принять за предводителя, остановился перед ней и поклонился в пояс. Четверо его спутников сделали то же самое. Склонившись, они монотонно записли на древнем языке ванеков. Непривычные мелодичные звуки странным образом успокоили Джо. Выдержав финальную ноту, ванеки распрямились.

Потом предводитель выпростал руки из-под хламиды. В правой он держал потрескавшуюся глиняную чашу, в левой — искусно вырезанное изображение фруктового дерева в полном цвету.

— Это принадлежит тебе, — просвистел он.

Джо не смогла до конца разгадать интонацию. В ней звучало глубокое почтение, но присутство-

вал также оттенок благоговейного страха, смешанного с виновностью и стремлением оправдаться.

Приняв дары, она хотела что-то сказать, однако не сумела. Знала, что точно такие подарки преподнесли когда-то отцу, и, держа их в руках, вновь вдруг почувствовала близость с ним.

— Враг рядом, — сказал предводитель. — Но мы ему не дадим еще раз причинить тебе зло. Я об этом позабочусь.

— Враг? — воскликнула она, опять обретая дар речи. — Кто он? Где его найти?

— Колесо в колесе, бендрет, — последовал ответ.

После чего пять ванеков накинули капюшоны и потянулись к двери, не сказав больше ни слова. Изумленная Джо просто стояла посреди палаты, глядя им вслед. А когда послышался стук закрывшейся двери, очнулась и побежала за ними.

Коридор был пуст. Из-за угла вывернула медсестра, и Джо ее остановила, обратившись с вопросом:

— Куда пошли ванеки?

Сестра склонила к плечу голову.

— Ванеки?

— Да. Пятеро, которые только что были в палате Лоренса Изли.

— Моя милая, — коротко рассмеялась сестра, — я полжизни работаю в этой больнице и никогда не видела здесь *ни одного* ванека, не говоря уже о пяти! У них своя медицина. — Она на секунду нахмурила брови. — Хотя, если подумать, в последнее время они *в самом деле* частенько шатаются вокруг больницы. Наверно, могли бы проскользнуть, но зачем — не могу себе даже представить.

— А как насчет камеры наблюдения? — Высоко на стене напротив изножья кровати Ларри Джо

заметила плату видеокамеры. — Кто-нибудь видел их на экране?

— Камера следит только за койкой больного, — сухо ответила сестра. — Теперь, если не возражаете, мне надо работать.

Джо рассеянно кивнула и вернулась в палату. Поставила чашу и статуэтку на тумбочку у кровати, пододвинула кресло поближе. Здесь она переночует. Несмотря на усталость, сомнительно, что сумеет заснуть.

15. ДЕ БЛУАЗ

Элсон де Блуаз набрал код видеофона Проски и стал ждать ответа. Воспользовался общедоступным автоматом. За все страшные годы знакомства звонил ему лишь второй раз и не собирался доверять намеченную беседу аппарату в своем кабинете. После событий последних нескольких дней неизвестно, кто может подслушивать.

Он ждал, пока на экране появится лицо Проски. Как же он боится и ненавидит чудовищного коротышку! Ах, если бы негодяй в тот день не просочился к нему в кабинет — неужели это было действительно семнадцать лет назад? — предложив без применения силы убрать Финча со сцены. Если бы только...

На экране высветилась мрачная физиономия Проски с острыми чертами.

— Ну и ну! — с искренним изумлением протянул маленький человечек. — Кого я вижу! Выдающийся секторальный представитель набирает мой жалкий номер... Какая честь!

— Не надо натужного юмора, он тебе не к лицу. И в моем звонке ничего нет забавного.

— Ну?

— У меня для тебя есть задание, — объявил де Блуаз, внимательно вглядываясь в собеседника в ожидании реакции. После семнадцати лет покорного исполнения любой просьбы гада приятно самому от него чего-то потребовать.

Но Проска оставался невозмутимым, лишь слабая искорка в темных глазах выдавала недовольство услышанным. Он молча ждал, и де Блуазу пришлось продолжать:

— Ты потерпел неудачу. Будка была оборудована пси-изоляцией, мой осведомитель в больнице проинформировал, что сыщик, которого ты должен был устранить, к утру придет в сознание.

— Сыщик? Мне показалось, ты говорил, будто он какой-то репортер.

— Так я и думал. Так думали и таможенники. Однако его документы — сплошная липа. Я поручил своим людям связаться с информационным агентством «Рисден», там о нем никогда не слышали. Хотя имя и фамилия подлинны: он и есть Лоренс Изли, частный сыщик, который очень часто работает в сфере бизнеса.

— В сфере бизнеса? Тогда зачем он занялся тобой?

— Не знаю. Не могу утверждать, будто он занимается исключительно промышленным шпионажем. Кроме того, мне известно, что за мной уже много лет ведется наблюдение, и, возможно, это его рук дело.

— Но с какой целью?

— Может, работает на какого-то деятеля с политическими амбициями, который готовится со мной столкнуться в один прекрасный день и хочет предварительно набрать в карманы грязи.

— Значит, потенциальный шантажист.

— Вот именно. Твой конкурент.

Не слишком приятно было видеть улыбку Проски.

— Никто не может знать того, что я знаю, не правда ли, Элсон? А если и знает, не имеет таких доказательств, какие у меня имеются.

— В данный момент это не важно! Если меня разоблачат... если просочится хотя бы намек на события в Данцере, я погибну. При этом кончатся и твои талоны на обед. Поэтому надеюсь, что ты отправишься в больницу и доделаешь дело.

— Милый Элсон, как ты изменился! Помню, с каким ужасом и отвращением впервые видел демонстрацию моих скромных талантов. А теперь действительно хочешь, чтобы я применил их вторично к тому же самому человеку!

Насмешливое замечание Проски поразило де Блуаза, и память внезапным скачком унесла его на семнадцать лет назад в тот день, когда в его кабинете — не таком просторном и более скромном, чем ныне, — стоял мелкий чиновник, заявляя, что может «решить проблему в Данцере». Де Блуаз от него отмахнулся, но не забыл его взгляда и выражения лица.

А когда через несколько дней из Данцера вернулся Тейес с новостью о капитуляции Джефферса, которая означала, что, как только об этом станет известно, Закон о равноправии ванеков можно спокойно выбрасывать на помойку, он решил немедленно действовать, если хочет хоть что-то спасти. Связался с маленьким человечком и послал его в Данцер.

На следующее утро Джебинозу потрясло известие о смерти мужчины, который отстаивал в Данцере

дело ванеков. Ванеки — все вместе — признались в убийстве. Поэтому де Блуаз совершенно естественно расхохотался в физиономию Проски, явившегося в тот же день требовать «компенсацию» за свои услуги.

И тогда Проска сделал с ним что-то ужасное... немножко продемонстрировал свои «таланты», как он любит повторять. А потом доставил его в самый старый, самый запущенный квартал Копии, посмотрел какого-то пропащего одурманенного наркомана и показал, что бывает, когда Кандо Проска обрушивает на человека свою полную силу.

На том представление не закончилось. После этого они отправились в темную квартирку Проски, где де Блуаз в дикой панике просмотрел видеозапись, на которой сам лично приказывал Проске пресечь деятельность Финча-младшего в Данцере. Это была копия. Оригинал будет представлен общественности, если с Проской произойдет хоть какая-нибудь, даже самая мелкая неприятность.

С тех пор Кандо Проска сосет из него кровь. С тех пор его постоянно преследует мысль о том, что мерзавец может с ним сделать в политическом и личном плане. От этой мысли он вскакивает по ночам в холодном поту, задыхаясь и лихорадочно размахивая в пустоте руками.

— Я тогда и понятия не имел, что ты задумал, — хрипло заметил он, заставив себя вернуться в настоящее, — и на что вообще способен.

— Какая разница? — усмехнулся Проска. — Финч всем показал бы, что Закон о ванеках — бесполезная политическая шарада. Я это предвидел, поэтому пришел к тебе. Если бы он преуспел, поддержка твоего Закона о равноправии испарилась бы. А если б Закон провалился — ты тоже!

Помнишь, как ты смотрел ту запись — на все был готов. На все! — Он вдруг заговорил деловым озабоченным тоном: — Запись, кстати, ныне хранится в Центре Федерации, адресованная федеральному Комитету по этике.

Де Блуаз побелел, вымолвил дрожащим голосом:

— Как бы мне хотелось, Проска...

— Знаю, чего тебе хотелось бы, поэтому запись находится в том самом месте.

Де Блуаз старался взять себя в руки, и это ему, наконец, удалось. После долгой паузы он сказал:

— Закончишь работу?

— Конечно. Только надо найти способ проникнуть в больницу, не привлекая слишком большого внимания. Знаешь, мне требуется определенная близость к объекту.

— Это можно устроить. Свяжу тебя со своим человеком в больнице. Сегодня отправляюсь в Центр Федерации. Надеюсь, прежде, чем мой корабль совершит первый прыжок, дело будет улажено.

— Не волнуйся. Я обо всем позабочусь.

16. ДЖО

Джо чутко дремала в кресле, когда вошла новая старшая сестра из третьей смены, приступившей к дежурству, и разбудила ее.

— Простите, если испугала вас, дорогая, — с теплой улыбкой сказала она. — Я просто совершаю обход.

Она была старше прочих сестер, все ее движения были давно заучены, совершаясь почти бессознательно. Проверила датчики жизненных показате-

телей, внимательно, долго смотрела на Ларри. Видимо удовлетворившись, улыбнулась, кивнула Джо и ушла.

Через несколько секунд дверь вновь открыл санитар средних лет. Маленького роста, с болезненно-желтым лицом и лысеющей головой. Он почему-то сильно удивился, увидев сидевшую возле кровати Джо.

— Прошу прощения, мисс, — тихо проговорил он, — мне надо подготовить пациента к заключительным анализам, так что вы должны выйти на несколько минут.

Джо вскочила, потянулась за сумочкой, а потом передумала.

— Что? *Должна?*

— Извините. Таковы больничные правила.

— Хорошо, — уступила она и направилась к двери, слегка пошатываясь от усталости.

А когда проходила мимо санитаря, ее поведение полностью изменилось. Правая рука метнулась к сумке, выхватив маленький, но безошибочно смертоносный бластер. Джо прицелилась в затылок санитаря, нащупала курок, но тут краем глаза уловила движение. Он оглянулся...

...и Джо лишилась тела. По крайней мере, так ей показалось. Все тактильные и проприоцептивные импульсы конечностей и туловища исчезли. От нее осталась одна голова, парившая в палате. Ощущение тошнотворное. Лицевые мышцы еще работали, глаза двигались. Как насчет речи? Она боялась попробовать заговорить, боялась, что сумеет лишь взвизгнуть. Чего никак не хотелось перед этой... тварью.

— Нечестная игра, — насмешливо заметил санитар. Джо по-прежнему вытягивала перед собой

руку с бластером. Он небрежно дотянулся и забрал оружие. — Зачем сносить голову бедному старику санитару?

Джо глубоко вздохнула — подумала, будто вздохнула, не чувствуя, что грудь расширилась. Не испытывая уверенности, что в таком страхе сможет внятно изъясняться, попыталась вымолвить слово.

— Я... — Горло перехвачено наглухо. Сглотнув, она повторила попытку: — Я должна помешать вам закончить начатое три дня назад.

Маленький человечек приблизился, широко вытаращив глаза:

— Откуда вам об этом известно?

— Он именно мне передавал подпространственное сообщение, когда лишился сознания. Вы подошли, заглянули в кабину, отправились дальше. Я знаю, что это ваших рук дело.

— Итак, — медленно протянул коротышка, устремив взор куда-то между Джо и Изли, — похоже, в тот вечер я совершил *две* ошибки. Не только позабыл про пси-защиту в будках, но и вошел в поле визуального приема. Либо старею, либо забываю об осторожности. — Он поднял бластер. — Скажите, вы действительно выстрелили бы мне в затылок?

Джо хотела кивнуть, но шейные мышцы не слушались.

— Без малейших колебаний.

Ее правая рука все еще была вытянута, искушающе не доставая нескольких сантиметров до бластера, и никак не могла дотянуться. Рука не слушалась, словно больше не принадлежала ей! Она прекратила пустые старания и принялась искать способ продолжить разговор с женщиной. Может, старшая сестра вернется...

— Можете предложить другой способ расправиться с пси-киллером? — ответила она вопросом на вопрос.

— Так вот кем вы меня считаете, — изумленно усмехнулся мнимый санитар. — Пси-киллером? Просто фантастика!

— Разве это не так?

— Мои способности, дорогая, превосходят любого пси-киллера ровно настолько, насколько способности лазерного подпространственного передатчика превосходят древнее радио на кристаллах.

В тот момент на том самом месте Джо сообразила, что имеет дело с чудовищно самодовольной личностью.

— Что ж в них такого особенного?

Он взглянул на нее, и глаза его заплесали, и внезапно она очутилась...

...нигде. Полная чернота, полное отсутствие света. Полная тишина, полное отсутствие звуков. Полное отсутствие ощущений: она не парила, не плавала, не падала. Чернота не имела глубины, не давила. Не было измерений: ни времени, ни ширины, ни длины. Невозможно сориентироваться. Она была нигде, откуда не было выхода. Нахлынула паника. Никаких ориентиров. Если бы только найти за что ухватиться, на чем мысленно сосредоточиться, удалось бы не потерять рассудок. Но кругом нет ничего, кроме ничего. Паника выросла вдвое. Потом еще вдвое. Вскоре полностью захлестнет рассудок, Джо безнадежно сойдет с ума. И вдруг она...

...вернулась в больницу в виде головы, парящей в палате.

— Понравилось? — спросил маленький человечек, по-прежнему улыбаясь и внимательно ее разглядывая. — Вот каковы мои способности. Вот так

вы проживете до конца своей жизни. Только сначала дайте, пожалуйста, несколько ответов. Мы знаем, что этот человек — детектив. Вы его наняли?

Джо не сразу сумела ответить. Полностью потеряла присутствие духа. Надо сказать что-нибудь, оттягивая возвращение в никуда, но в данный момент язык не шевелится. Коротышка терпеливо ждал.

Наконец она вымолвила:

— Да. Много лет назад, для сбора компрометирующих свидетельств против де Блуаза.

Врать надо осторожно и тщательно.

— Почему против де Блуаза?

— Я представляю многие группировки, поддерживающие Устав, которые считают, что Перестройщики приобретают чересчур много власти. Им требуется рычаг против де Блуаза.

— Ага! Политический шантаж?

— Именно так называется эта игра. Но мы никогда не подозревали, что наткнемся на деятеля вроде вас, — добавила она, стараясь вновь перевести беседу на его несомненно любимую тему — о самом себе.

Коротышка клюнул.

— И впредь не надейтесь! Даже если вам удалось бы выйти из палаты и прожить еще тысячу лет, вы никогда не встретите другого такого, как Кандо Проска! Я в десятилетнем возрасте впервые обнаружил, что могу причинить вред усилием воли. В тот день убил одного мальчишку. Осознав, что сделал и на что способен, я чуть не погиб. Но никто не поверил, что я это сделал.

Хотя глаза его были по-прежнему устремлены на Джо, он ее уже не видел.

— Больше я не пытался использовать свою силу и не связывался с псионикой, пока мне не стукнуло

восемнадцать. Однажды вечером шел по одному из опасных кварталов нашего прекрасного города, и молодой человек приблизительно моего возраста ткнул мне в лицо бластер, требуя денег. — Он помолчал с улыбкой. — Я убил его. Очень просто: только пожелал ему смерти, и он упал на тротуар.

Я сразу стал другим человеком! — продолжал убийца, вновь сфокусировав взгляд на Джо. Он с большим удовольствием рассказывал свою историю — никто не знал, что он распоряжается жизнью и смертью каждого по своему усмотрению. Никогда не имел возможности в полном блеске предстать перед публикой, страстно жажда восторженных, в ужасе замерших слушателей. — Начал экспериментировать с отбросами общества — наркоманами, накачавшимися земмеларом, алкоголиками, воришками, бродягами, которых никто не станет искать. Не понимал тогда своей силы — до сих пор не понимаю, — но выяснил, на что способен. Могу ненадолго лишить человека сознания, могу убить на месте. Или, — снова пауза, снова улыбка, — отправить в вечный лимб, не только с полной деафферентацией, как принято говорить, но и с полной деэфферентацией. Ни один нервный импульс не проникает в сознание и не выходит из него. Хуже не придумаешь. Вы только что попробовали — прикиньте, надолго ли в таких обстоятельствах сохраните рассудок.

Маленький человечек принялся расхаживать по палате.

— Я тратил время на адски скучную канцелярскую работу, ища способ зарабатывать своим особым талантом. Терпение вознаградилось, когда выяснилось, что я могу помочь Элсону де Блуазу, разобравшись с одной надоедливой личностью в

городе под названием Данцер. Если вы местная, то слышали его имя — Финч-младший.

Если бы Проска в тот миг наблюдал за Джо, понял бы, что задел чрезвычайно чувствительный нерв. Она закрыла глаза и закусилла нижнюю губу. Весь страх сразу схлынул, вместо него пришло тупое хладнокровие. Только в сердцевине ледяного холода горел маленький огонек, который разгорался все ярче, все жарче. Предчувствие неизбежного взрыва вернулось, нестерпимо усиливаясь.

— Слышала, — умудрилась она прошептать после легкого колебания. — Хотя думала, будто его убили ванеки.

— Ох, правда! — рассмеялся Проска. — Сами признались в убийстве, а ванеки никогда не лгут. По-моему, история вам понравится. Этот самый Финч реально угрожал политической карьере де Блуаза. Мы с последним пришли к соглашению: в ответ на определенные финансовые обязательства с его стороны я убираю Финча со сцены. В тот же вечер отправился в Данцер, дождался, пока он выйдет с пирушки, направил его в переулок. Он выпил, но даже в алкогольном тумане оказывал более сильное сопротивление, чем все прежние экспериментальные объекты, вместе взятые. Впрочем, я победил — как всегда. Оставил его в виде слюнявого овоща, жертвы очень тяжелого приступа белой горячки. И тут наступил поворотный момент в моей жизни.

Джо умирала, почти слеpla от ярости, но была абсолютно бессильна. Голос прозвучал еле слышно, как всхлип:

— А как же нож... кинжал ванеков?

— Ах!.. — вздохнул коротышка, слишком увлеченный собственным рассказом, не замечая иска-

женного лица слушательницы. — Последний идеальный штрих. Видно, кто-то из ванекских дружков Финча наткнулся на него в переулке, догадался каким-то манером, что с ним было сделано, — интуиция у них гораздо глубже, чем у чистых землян. Нож в сердце — подарок истинного друга тому, кого я отправляю в лимб. Смерть Финча была очень кстати для де Блуаза — его закон прошел под громкие фанфары, политическое будущее было обеспечено. Он несколько осложнил мне дело, поверив, будто вански покончили с Финчем, но я ему позволил лично познакомиться с грандиозным масштабом моего таланта, после чего он сразу стал очень сговорчивым. В качестве гарантии я приберег доказательство его прямой причастности к убийству Финча, которое мигом отправится в федеральный Комитет по этике, если со мной случится что-нибудь подозрительное. В итоге благодаря нашему договору живу нынче очень приятной жизнью.

Маленький человечек придвинулся так, что лицо его оказалось всего в нескольких дюймах от Джо.

— Ну, довольно рассказов. Если еще кто-то об этом узнает, моя власть над де Блуазом ослабнет. Поэтому приступаю к прискорбному долгу — позабочусь, чтоб вы со своим приятелем-детективом больше ничего не узнали.

Палата затуманилась, но не исчезла. На сей раз Джо приготовилась встретить удар, цепляясь за реальность каждой фиброй мозга. Разум и сознание разжигало чудесное идеальное топливо — ненависть.

Голос Проски слышался как бы издалека.

— Неплохо сопротивляешься, — с удивленной усмешкой заметил он. — Последним, кто доста-

вил мне столько трудов, был как раз тот самый Финч.

— Наверно, — услышала свой ответ Джо, — это семейное.

— Не понял, — озадаченно пробормотал убийца, и давление на ее рассудок чуть заметно ослабло.

— *Финч-младший был моим отцом!* — завопила она.

От безумного вопля сдетонировала тикавшая в душе эмоциональная бомба, и вся сила взрыва направилась в псионический туннель, который Проска открыл между ними. Чудовищное потрясение, горе, злость, тайная жалость к себе, которые накапливались в сердце Джо после смерти отца, наконец нашли выход. К ним добавился свежий гнев и ярость после хладнокровного рассказа жуткого коротышки о том, как он одним жестоким ударом лишил отца разума.

Проска попятился, закрыл глаза ладонями, разинул рот, из которого не вышло ни звука, и рухнул навзничь на пол, лишившись сознания.

Джо вдруг снова ощутила собственное тело. Руки, ноги, туловище вновь свои, только ноги не держат. Колени подогнулись, она упала. Сознание начало таять, но, прежде чем совсем угасло, в глаза бросилась голова в капюшоне, синеватое лицо, заглянувшее в дверь и пристально оглядевшее палату.

Когда Джо опять открыла глаза, над ней склонялась ночная сестра. Она не сразу сориентировалась, потом взглянула на пол, где в последний раз видела Проску. Маленький человечек исчез. И ее бластер тоже.

— Где он? — спросила она, приподнявшись и садясь в кровати.

— Кто?

— Мужчина, который лежал вон там на полу!

Сестра улыбнулась:

— Боюсь, вы, наверно, немножечко перетрудились, моя дорогая. Лучше бы о себе позаботились. Полночи провалялись бы тут, если бы мистер Изли не позвонил.

— Ларри! — воскликнула она, вскочив на ноги.

Ларри Изли тихо лежал в постели, сложив на груди руки, с усталой улыбкой.

— Привет, Джо, — шепнул он.

Ее охватило неслыханное облегчение, наступила разрядка. Она бросилась к койке, схватила его за обе руки. По щекам текли слезы — она плакала во второй раз за семнадцать лет. Радостно видеть Ларри в сознании, видеть в его глазах жизнь, слышать голос. Но чувствуется еще что-то... к облегчению примешивалась непонятная, незнакомая легкость духа, словно Джо очистилась от всех сомнений, бед, страхов. Словно заново родилась, избавилась от прошлого.

Кроме старика Пита. С ним еще предстоит разобратся.

— Я вас оставлю наедине на минуту, — сказала сестра, — а потом пациент отправится на обследование к невропатологу, — и закрыла за собой дверь.

— Со мной все в порядке, Джо, — тихо заверил Ларри. — Только слабость. Такая слабость, что, очнувшись и видя тебя на полу, я сумел только кнопку нажать.

Джо вздернула голову:

— Больше ты на полу никого не видел?

— Нет. Кого ты имеешь в виду?

— Проску.

Ларри вытаращил глаза:

— Ты его знаешь?

— Он был здесь! Пытался сделать со мной то же самое, что сделал с моим отцом, чуть не сделал с тобой! — Она нерешительно поколебалась. — Ты все это время был в лимбе?

Он энергично затряс головой:

— Нет. Хотя понимаю, о чем идет речь. Мне один ванек объяснил, на что способен Проска. Я просто был без сознания. Между будкой связи и больничной палатой ничего не помню. А где он?

— Не знаю. Когда он пытался сделать свое дело, что-то произошло, мы оба отключились. В последний раз я его видела лежавшим на полу. — Она взглянула на стенные часы. — Это было два часа назад!

— Ну, я пришел в себя минут пятнадцать назад, и его тут не было. — Ларри попробовал поднять голову, но сил не хватило. — Значит, Проска на свободе. Джо, нам надо убираться с Джебинозы. Это самый опасный человек на свете! Я пока ходить не могу, пусть меня отнесут на носилках.

Тут вернулась сестра:

— Пора. Вас ждет невропатолог.

— Я отправлюсь лишь в одно место — в глубокое пространство! — со всей категоричностью заявил Ларри.

Игнорируя его, сестра открыла маленькую панель в изножье кровати.

— Вы отправитесь к невропатологу. По приказу врача. Кроме того, вы слишком слабы, чтоб куда-то лететь.

Она набрала трехзначную комбинацию и снова закрыла панель.

Кровать поехала к двери. Ларри беспомощно озирался вокруг.

— Джо!..

— Ничего, — сказала она. — Я тебя тут обожду.

Джо уже не смотрела на Ларри. Глаза ее были прикованы к темной фигуре, стоявшей в тени в коридоре.

Когда кровать в сопровождении сестры скрылась из вида, повернув налево, она пошла к креслу у окна и села.

Вошел старик Пит. Держа в правой руке ее бластер, положил его на тумбочку рядом с ней.

— Больше он тебе не понадобится.

— Вы уверены? — переспросила Джо ровным твердым тоном, глядя в стену.

— Проска мертв. Думаю, вскоре после рассвета его обнаружат в парке через дорогу. Руки и ноги будут привязаны к дереву, череп разбит, мозги размазаны под ногами.

Она взглянула на старика Пита, видя на его лице выражение глубокого удовлетворения.

— Вы?

Он покачал головой:

— Нет. Ванеки. Вскоре после того, как он отключился, они его забрали отсюда, а потом ко мне в номер гостиницы пришел Рмрл. Вернул твой бластер, повел меня посмотреть на дело их рук.

— А я думала, что ванеки никогда не проявляют инициативы, никогда ничего не делают по собственной воле.

— Действительно. По крайней мере, никогда раньше не делали. — Он глубоко вдохнул и пере-

дернулся. — Для начинающих, безусловно, неплохо управились.

— Откуда ванеки вас знают?

— Я познакомился с Рмрлом семнадцать лет назад, когда расследовал смерть Младшего.

— Это у него синее родимое пятно на лбу?

Старик Пит кивнул:

— Именно он нанес твоему отцу удар милосердия и молча ждал столько лет, пока Большое Колесо совершит полный оборот и укажет, что пришло время мстить Проске. Твой приезд подтолкнул его к действиям. После близкого общения с Финчем-младшим он уже не типичный ванек, и когда среди них прошел слух о твоём появлении...

— Откуда им известно, кто я такая?

Он старательно избегал ее взгляда.

— Известно... Рмрл решил позаботиться, чтобы ты не повторила судьбу Младшего, и поэтому вместе с несколькими друзьями намерился навсегда убрать Проску со сцены. Негодяй должен был умереть... нет другого способа с ним справиться.

— Надеюсь, с де Блуазом тоже расправились?

— С ним ванеки не ссорились.

— И напрасно. Проска мне рассказал, что убил отца по указанию де Блуаза.

— Значит, правда!.. — прошептал старик Пит.

— Что?

— Это правда! Де Блуаз виновен в убийстве... Я семнадцать лет нутром чуял и никогда ничего не мог доказать. Вот почему все эти годы пристально за ним следил.

— А за Проской?

— Никогда не догадывался о его существовании до нынешнего утра, когда Рмрл все о нем рассказал и показал останки.

Надолго воцарилось молчание. Наконец Джо его прервала. Голос звучал тихо, но почти резко:

— В самом деле рассчитываете, будто я вам поверю?

— Все это полностью соответствует истине.

Она медленно встала, повернулась лицом к старику. Отчаянно хотелось верить. Хотелось, чтоб все кончилось, разъяснилось, уладилось, чтобы можно было жить своей собственной жизнью. Но в том, что касается старика Пита, остается еще слишком много темных пятен.

Джо задала вопрос, который безответной громадой стоял между ними с того момента, как старик Пит вошел в палату:

— Зачем вы здесь?

— На Джебинозе? Отправился посмотреть, не смогу ли помочь Ларри. В конце концов, я тут раньше бывал...

— *Ложь!* Вы приехали сюда, чтобы что-то скрыть или постараться, чтоб правда не вышла на свет. В чем дело?

— Ни в чем, — неубедительно ответил он, словно зная, что она ему не поверит.

— Снова ложь! С Джебинозой вас связывал лишь мой отец, а он мертв. Вы каким-то образом причастны к его смерти, и я хочу знать, каким именно!

— Никогда! Я никогда не причинил вреда Младшему. Как ты можешь так говорить?

— Ванек сказал: «Мы ему не дадим еще раз причинить тебе зло». Он вас имел в виду?

— Нет! Проску...

— Это невозможно. Проска до вчерашнего вечера вообще не догадывался о моем существовании. Как он мог причинить мне зло «еще раз»?

Старик Пит, побелев, ничего не сказал.

Повернувшись к тумбочке, Джо взяла бластер, прицелилась ему в голову:

— Сейчас же объясните, иначе, клянусь всем, во что верю, прожгу вас насквозь! Какое вы имеете отношение к смерти отца?

Взгляд свидетельствовал, что она не блефует. Почуяла нынче ночью вкус мести, теперь не остановится, пока не подведет все счеты. Старик Пит задрожал, отыскал стул у дальней стены и медленно на него опустился. Подняв глаза, выдержал разъяренный пылающий взгляд Джо и вымолвил сухим надтреснутым шепотом:

— Финч-младший не умер, и он тебе не отец.

Слова повисли в воздухе, словно дохлая рыба в застоявшемся пруду. Наконец Джо затрясла головой, словно пытаясь ее прояснить.

— Что вы сказали? — Она чуть с ума не сходила от злости. — Рассчитываете отделаться дикой бредовой выдумкой...

— Это чистая правда! После утечки радиации, которая чуть не убила его в восемнадцать лет, Финч-младший был абсолютно стерилен. С тех пор его организм не выработал ни одной половой клетки. Об этом свидетельствовали данные гистологического анализа мочеполовой системы, и мне пришлось выложить дьявольски крупную сумму, чтобы выбросить эти сведения из протокола.

Палец Джо крепче нажал на спусковой крючок бластера.

— По вашим словам, он не умер! Откуда взялся протокол о вскрытии неумершего человека?

Старик Пит, сдаваясь, поднял вверх руки. Он устал, проиграл и серьезно боялся того, что сулил ему взгляд собеседницы.

— Дай-ка мне рассказать до конца. Узнав о бесплодии сына, твой дед был буквально раздавлен. Это означало, что после Младшего больше не будет Финчей, которые обеспечат будущее КАМБа. Для него это было очень важно. Он заложил для семьи великую основу — начал дело поздно, но, как только начал, оно стало главной целью жизни. Одним его сыном был Младший, другим КАМБ. Он хотел, чтобы оба жили вечно. Меня это несколько не волновало.

— Переходите к делу.

— Перехожу. Твой дед — самый настойчивый человек на свете — уговорил сына и его жену клонировать ребенка от Младшего. Я помог им это устроить. — Он помолчал, а потом виновато признался: — Ты и есть тот самый ребенок.

Бластер не дрогнул.

— Я женщина, а Финч-младший мужчина. Клон — точный генетический дубликат.

— Тебе, безусловно, известно, что от мужчины можно клонировать женщину. Достаточно просто выбросить Y-хромосому и удвоить имеющуюся X-хромосому. Элементарные законы генетики. Остановились на женском клоне, чтобы исключить в будущем всякие подозрения. Мужчина вырос бы *точным* подобием донора, и, если бы кто-то когда-нибудь проявил лишнее любопытство, Младший после обычного анализа хромосом отправился бы в тюрьму, а ребенок в камеру молекулярного распылителя. Тебе известны законы против клонов. С женщиной безопаснее.

Джо опустила бластер, поверив ему. Тот же самый инстинкт, который ей раньше подсказывал, что старик Пит лжет, утверждал теперь, что сказал он правду. Все совпало. Объяснились многие вещи,

особенно благоговейный страх, который она внушала ванекам — они ее с первого взгляда узнали.

В данный момент она сама на себя смотрела с благоговейным страхом. Следовало упасть в обморок, онеметь, пережить сокрушительное потрясение. Ничего подобного. Выслушала старика Пита с невероятным спокойствием, словно речь шла о ком-то другом.

— Мне приходилось все время скрывать от тебя эту тайну, — продолжал он. — Никогда не хотел, чтоб ты знала. Оставшись после смерти Младшего единственным посвященным, собирался унести ее с собою в могилу. Даже техники, которые производили клонирование, так и не узнали, с чьими клетками работали.

— Зачем надо было от меня скрывать?

— А зачем тебе знать, что ты не настоящая, признанная законом личность? Неизвестно, как бы ты среагировала на такое известие. Не всякий способен пережить открытие, что он клон. Теперь понимаешь? Финч-младший не умер. Он — это ты, а ты — это Финч-младший.

Джо ответила без колебаний, спокойным уверенным тоном:

— Нет. Я — *Джозефина* Финч. Всегда была и всегда буду. Финч-младший покоится здесь в могиле. Джозефина Финч будет жить, как жила — Джозефиной Финч.

Услышав подобную декларацию собственной личности, старик Пит вскочил на ноги, просияв от счастья. Уверенность в себе помогла Джо пройти через нелегкое испытание. Узнав, кто она такая, решила остаться самой собой, невзирая на происхождение. Он, спотыкаясь, шагнул к ней, остановился рядом, положил руки на плечи и вымолвил:

— Я горжусь тобой, Джозефина.

Она бросила бластер, обняла его, хотела объяснить, как рада, что его единственным преступлением было стремление уберечь ее от удара, но горло заledenело, и Джо только крепче стиснула худые старческие плечи.

Старик Пит, все понимая, тоже тискал ее, пока руки не занемели, потом, не выпуская, слегка отстранил от себя.

— Теперь мы сможем стать друзьями?

Джо кивнула, улыбнулась, разразилась смехом. Старик Пит тоже расхохотался, и только возвращение Ларри в передвижной койке не позволило им удариться в слезы.

— Что вас так рассмешило? — спросил он пободрее, чем прежде. — И что вы тут делаете, Пит?

— Приехал посмотреть, не нужна ли нам помощь, — с улыбкой пояснила Джо.

— Нужна. Мы должны срочно убраться подальше от Проски!

— Не должны, — возразила она. — Проска мертв. Его убили ванеки.

И потом ознакомила Ларри и старика Пита с историей о том, как Проска шантажировал де Блуаза.

— Немыслимо жестокий аморальный мерзавец! — заключил старик Пит по окончании повествования.

— Почти такой же, как де Блуаз, — холодно добавила Джо. — Он послал Проску в Данцер, а потом воспользовался именем моего убитого отца для продолжения своей грязной карьеры.

Она поняла, что по-прежнему считает Финча-младшего своим отцом и наверняка всегда будет считать. С Ларри когда-нибудь объяснится. В данный момент, безусловно, не время.

— Слушай, Джо, — сказал Ларри, — ванеки ведь совершили реальное убийство...

— И правильно сделали, — тихо проговорила она. — Я бы сама не колеблясь его совершила... Ты просто не знаешь, что это такое. Собственно, ванеки оказали Проске большую услугу. А счет де Блуаза остается открытым.

— Его даже на Джебинозе нет, — заметил старик Пит. — Улетел вчера в Центр Федерации. Я по видео слышал, пока одевался.

— С де Блуазом уже покончено, — объявил Ларри. — По крайней мере, если Проска не соврал тебе про запись.

— Не соврал. Зачем ему было мне врать? Сказал, что оригинал будет мгновенно отправлен в федеральный Комитет по этике, если с ним случится «что-нибудь подозрительное». Как только распространится известие о его смерти, тот, кому Проска доверил запись, наверняка найдет обстоятельства достаточно подозрительными, чтобы сразу же отослать ее в Комитет. — Джо мрачно усмехнулась. — Она придет туда через стандартный день. И положит конец карьере де Блуаза.

— Ну и прекрасно, — осторожно вставил старик Пит, — заслуженно, и давно пора. Хотя это не имеет ни малейшего отношения к цели, ради которой мы ввязались в заваруху. Что мешает остальным Перестройщикам довести до конца план Хааса, в чем бы он ни заключался?

— Возможно, и этой проблемы больше не существует, — сказала Джо с ликующей улыбкой. — Я точно узнаю, сделав один звонок.

Она подошла к видеофону у койки и попросила соединить ее с галактическим акционерным отделом брокерской конторы на Джебинозе.

— В такую рань? — хмыкнул Ларри.

— Галактический Совет никогда не закрывается, Ларри, — пояснил старик Пит, — а на малонаселенных планетах вроде Джебинозы обычно имеется только один отдел, который занимается галактическими пакетами акций. Поэтому, получая заказы со всех планет, они вынуждены работать круглосуточно. Ночное дежурство, как правило, ведут брокеры помоложе.

— При чем тут вообще де Блуаз и Хаас?

— Не имею ни малейшего представления, — пожал старик Пит плечами.

— Сейчас поймете, — пообещала Джо, ожидая соединения. — Как только задам несколько вопросов, сразу все объясню.

На экране появилось молодое мужское лицо.

— Галактический акционерный отдел, — устало промямлил дежурный брокер.

— Доброе утро, — с максимально возможной любезностью поздоровалась Джо. — Я решила приобрести акции пары компаний и хочу осведомиться о текущей продажной стоимости.

— Пожалуйста. Что конкретно вас интересует?

— «Фэрли» и «Опсал».

Рука брокера заранее привычно тянулась к компьютерному терминалу, встроенному в столешницу письменного стола, с намерением набрать названия компаний. Но, услышав их, он остановился с безнадёжной улыбкой.

— И вы туда же.

— Что это значит?

— Это значит, что половина освоенного космоса желает купить акции двух упомянутых вами компаний. Я всю ночь пытаюсь пробиться на торги и близко даже не продвинулся.

— Откуда столь неожиданный интерес?

— Все началось с неподтвержденного сообщения одного агентства новостей, будто «Фэрли» застолбила залежи натуральных кристаллов Лисона, а «Опсал» скоро начнет выпускать самый революционный после пенициллина антибиотик. Когда обе компании подтвердили известие, Галактический Совет начал тихонечко сходить с ума. Никому не хочется упускать удачный момент. Посмотрим в лицо фактам: «Фэрли» получит возможность вдвое снизить цены на свою продукцию, временно сохранив за собой монополию на полеты к дальним звездам. А как только «Опсал» приступит к выпуску нового препарата, сотни прочих антибиотиков безнадежно устареют.

— Можно сделать у вас заказ на покупку?

— Да, — вздохнул он, — но я вряд ли сумею помочь до раздела пакета, что, надеюсь, случится до окончания сегодняшних торгов.

— Как насчет «Теблинко»?

— Падает. Сильно.

— «Стардрайв»?

— Та же история. Очень многие стараются обменять акции «Стардрайв» и «Теблинко» на «Фэрли» и «Опсал». Фактически пострадало все семейство «Старуэйз». Итак, сколько акций вы желаете...

— Спасибо, — перебила Джо с милой улыбкой. — Вы очень мне помогли. — Она резко прервала разговор, и ошеломленная физиономия брокера на экране погасла.

— Что вообще все это значит? — спросил Ларри.

Старик Пит восторженно помотал головой:

— Богом клянусь, мы только что видели, как крупнейший в освоенном космосе конгломерат набил себе крупную шишку! И все это исключи-

тельная заслуга нашей присутствующей здесь подруги.

— Энди очень сильно помог. Фактически я без него бы не справилась.

Ларри с трудом сел в постели.

— Ну-ка, обождите минуточку! Почему всем известно о происходящем, кроме одного меня? И причем тут Энди?

Джо опустилаcь в кресло у видеофона.

— Я обещала дать объяснения, поэтому начнем с Перестройщиков. Главная цель всей их деятельности и риторики — натравить Федерацию на свободный рынок, постепенно беря под контроль межпланетную экономику, где кроется реальная власть. Но Устав Ла Нага ничего подобного Федерации не позволяет. Перестройщикам пришлось искать способ отмены Устава, а единственную такую возможность предоставляет ввод в действие чрезвычайной статьи.

— Если вспомнить историю Федерации, Ларри, — вставил старик Пит, — эта статья временно целиком и полностью отменяет Устав, а заодно и все ограничения деятельности Федерации как органа власти. Ла Наг не признавал чрезвычайной статьи, хотя она предусматривалась лишь на случай серьезной опасности для Федерации и входящих в нее планет. Он в принципе возражал против всяких чрезвычайных полномочий и боролся против этой статьи зубами и когтями. Но его возражения проигнорировали, включив ее в Устав, несмотря на протесты.

— Что-то смутно припоминаю, — кивнул Ларри, — но это старая история.

— Пожалуй, — согласилась Джо, — однако очень важная для Перестройщиков. Они давно об-

ратили внимание на чрезвычайную статью — единственное слабое место в Уставе. И на сей раз решились, что нашли способ ввести ее в действие. С помощью врат Хааса.

Она подалась вперед, переводя взгляд с Ларри на старика Пита и обратно.

— Тут дело осложняется. Де Блуаз вместе со своей компанией вкладывает во врата, искривляющие пространство, колоссальные деньги, заставляя Хааса преждевременно выпустить их на рынок — прежде чем окончательные доделки превратят их в поистине революционный продукт. Ни один умный инвестор не совершит подобного финансового самоубийства. Поскольку де Блуаз далеко не дурак, ситуация объясняется только тем, что Перестройщикам обязательно требуется полный коммерческий крах перспективного изобретения.

Я все ломала голову, зачем им это понадобилось, пока не услышала две вещи. Во-первых, замечание де Блуаза о военных контрактах, во-вторых, шуточное упоминание старика Пита о тарках. Тогда мне стал ясен замысел де Блуаза.

— Кажется, я тоже начинаю понимать, — пробормотал старик Пит, медленно расплываясь в улыбке.

— А я нет! — буркнул Ларри. — Какое отношение к Уставу Федерации имеют тарки и врата в искривленное пространство?

— Тарки грозят создать серьезные проблемы, — объяснила Джо. — Интересы землян и тарков сталкиваются во многих областях, причем перечень удлинняется год от года. Помня об этом и о военном потенциале врат, ты увидишь, каким идеальным рычагом давления станут они при введении в действие чрезвычайной статьи.

Позволь нарисовать тебе задуманный сценарий, как я его себе представляю. Де Блуаз и прочие Перестройщики, причастные к делу, собрались преждевременно выбросить врата на рынок в ожидании неизбежного развития событий. «Старуэйз» непременно снижала бы цены на *свои* генераторы искривленного пространства, переманивая большинство потенциальных клиентов Хааса. Разорив его компанию, всемогущая корпорация сделала бы заманчивое предложение о временном приобретении прав на производство врат, благодаря которому изобретатель стал бы богаче, чем когда-либо в жизни мечтал. Но Денвер Хаас, как капризный ребенок, забрал бы свой мячик и ушел домой.

Тут в игру должна была вступить шайка де Блуаза. Они забегали бы по всевозможным оборонным комитетам, заявляя, что продажа и дальнейшее совершенствование врат — обязательное условие подготовки к неизбежному моменту столкновения Федерации и Тарканской империи. Доказывая, что в условиях свободной конкуренции Федерация лишится врат, потребовали бы введения в действие чрезвычайной статьи, чтобы помешать корпорации «Старуэйз» и спасти изобретение.

Если бы им удалось нагнать достаточно страху, трудно было бы им отказать. Они не только вопили бы о «безопасности», но и нарисовали бы впечатляющую картину гибели крошечной компании под нажимом гигантского конгломерата во вред всей Федерации. В результате наверняка добились бы определенного экономического контроля.

— Что было бы началом конца, — добавил старик Пит.

— Правильно. Поэтому я нацелилась на одну переменную величину, которую заговорщики счи-

тали постоянной, — на «Старуэйз». Конгломераты не столь чувствительны к изменениям рыночной ситуации, но полным иммунитетом все-таки не обладают. С помощью Энди Теллы удалось чувствительно ужалить две основные дочерние компании «Старуэйз». Теперь ей не выиграть ценовую войну против Хааса.

— Все это хорошо и прекрасно, — пробормотал Ларри, — только без тебя врата *точно* были б потеряны. Что свидетельствует вовсе не в пользу свободного рынка.

— Это свидетельствует, что рынок страдает от идиотизма! — громко объявил старик Пит. — Со стороны любого игрока адски глупо выбрасывать товар на рынок в незавершенном виде. Каждый желающий получить доход от капиталовложения должен уметь ждать. Не забывайте — де Блуаз *хотел*, чтоб врата провалились. Ему требуются не финансовые, а политические доходы.

— Ну ладно. Все вышло к лучшему. Уставу Федерации ничего не грозит, врата выйдут на рынок в нужный момент, над убийцей приведен в исполнение давно вынесенный приговор. По-моему, можно праздновать победу!

— Пока еще нет, — возразила Джо с напряженным лицом и остекленевшим взглядом. — Пока я не увижу своими глазами, как Элсона де Блуаза вышвырнут из Федерации.

— И я тоже! — добавил старик Пит.

Эпилог

Они прибыли в Центр Федерации как раз вовремя. Комитет по этике ни минуты не медлил, получив заготовленный Проской пакет доказательств. Члены Комитета представили де Блуазу свидетельства его непосредственной причастности к убийству человека ради дальнейшего обеспечения своей политической карьеры.

Де Блуаз, разумеется, все отрицал, объявляя интригой, затеянной разнообразными антиперестроечными фракциями внутри Федерации. Комитет по этике не поверил, решив предъявить доказательства Верховному Совету на следующей сессии. Де Блуаз попросил — и получил — разрешение обратиться к Совету до оглашения свидетельств и обвинений.

Джо со стариком Питом успели захватить конец его выступления.

— ...это вообще не правительство! Мы старались продемонстрировать вам данный факт, но тщетно. Мы годами, веками старались открыть вам глаза, а вы ничего не хотели видеть. Отказывались признать, что погрязли в бессистемном хаосе безвластия. Мы старались навести порядок вместо анархии, а вы упорно сопротивлялись.

И теперь...

Он умолк, слова повисли в воздухе. Де Блуаз употреблял все свои незаурядные ораторские таланты, зная, что его выступление записывается, транслируется и запись будет снова и снова прокручиваться в каждой информационной программе в освоенном космосе.

— И теперь вы унизились до очернения моей репутации! Неужели действительно верите, будто другие прогрессивно мыслящие члены досточтимого органа власти примут за правду фальшивые обвинения против меня? Они не глупцы! Видя циничный заговор, сразу его распознают! Мы, члены движения Перестройщиков, несколько дней проводили закрытое совещание и после долгих откровенных речей и горячих дебатов, после бесчисленных сообщений, отправленных на представляемые нами планеты, выработали решение.

Он вновь сделал паузу для пушего эффекта.

— Миры, стоящие плечом к плечу в рядах движения Перестройщиков, решили отказаться от дальнейшего участия в диком хаосе, который вы именуете Федерацией!

Да будет вам известно, — продолжал он в поднявшемся внизу шуме, — что мы уходим из Федерации, уходим от анархии к порядку. Торговые пути, пролегающие через наши секторы, откроются только для кораблей тех компаний, которые испросят и получают предварительное разрешение от нового Союза Перестройщиков. Любой корабль, вторгшийся на нашу территорию без подобного разрешения, будет захвачен. Мы без предупреждения откроем огонь по каждому воздушному судну с гербом Федерации. С нынешнего дня мы берем власть в свои руки!

Эффектно слернув с головы сенаторскую шапочку, де Блуаз спустился с трибуны и зашагал по центральному проходу зала заседаний Верховного Совета. Другие Перестройщики, включая Фило Барта и Дойла Катеру, вставали со своих мест и следовали за ним. Остальные члены Совета наблюдали в ошеломленном молчании.

Джо со стариком Питом стояли в главных дверях зала, мимо которых проходил де Блуаз. Он бросил на Джо такой же равнодушный взгляд, как на любого праздного зеваку.

С крахом «Теблинко» и «Стардрайв» на фондовой бирже провалился замысел использования врат Хааса против Устава Федерации, а после доставки в Комитет по этике шантажистского пакета Проски почти та же судьба грозила его личной свободе и публичной карьере. Единственным способом хоть что-нибудь спасти оставался разрыв Перестройщиков с Федерацией.

Секторальный представитель Элсон де Блуаз прошел в полуметре от Джозефины Финч, так никогда и не догадавшись, что эта неприметная с виду женщина в пух и прах разнесла его планы, погубила все мечты о власти, которые он питал всю жизнь. Для него она оставалась очередной забежавшей из любопытства на заседание зрительницей, мимолетно попавшейся на глаза.

Видеореporter, проталкиваясь из вестибюля в зал заседаний, спеша запечатлеть реакцию на оглушительное историческое заявление, заметил Джо со стариком Питом и рысью направился к ним.

— Простите, — пропыхтел он, — хотелось бы знать, что вы думаете об отделении Перестройщиков. — Камера нацелилась на старика Пита. — Думаете, возможна война?

— Вряд ли, — медленно ответил старик Пит. — Шаг, безусловно, смелый, безусловно, неожиданный, но было бы слишком мелодраматично говорить о «войне». Конечно, наверняка произойдут стычки из-за планет, богатых ресурсами, которые обязательно будут именоваться «сражениями», однако крупномасштабных действий я не предвижу.

— Да... Угу... Благодарю вас, сэр, — с явным неудовольствием промямлил репортер.

Хорошие журналисты не любят спокойных рациональных ответов, замедляющих темп. Он обратился к Джо в надежде на легкую женскую историю:

— А вы что скажете, мисс? По вашему мнению, это действительно заговор с целью погубить де Блуаза?

Джо зловеще скривила губы и торжественно молвила:

— Колесо в колесе, бендрет.

Потом взяла под руку старика Пита, и они, смеясь, вместе направились к выходу.

Литературно-художественное издание

Вилсон Ф. Пол

КОЛЕСО В КОЛЕСЕ

Роман

Ответственный редактор *З.В. Полякова*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Корректор *М.Г. Смирнова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 23.01.2006
Формат 82×100 1/32. Бумага типографская. Гарнитура «Таймс»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,77. Уч.-изд. л. 10,47
Тираж 6 000 экз. Заказ № 483

ЗАО «Центрполиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1,
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLOGRAF.RU

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ВИЛСОН

Ф. ПОЛ

К О Л Е С О В К О Л Е С Е

Секторальный представитель в космической Федерации Элсон де Блуаз собирается использовать открытие врат, искривляющих пространство, чтобы разжечь межгалактическую войну и укрепить свою власть. У него на пути встает Джозсфина Финч, которая, расследуя убийство отца на планете ванеков, обнаруживает заговор против Федерации. Де Блуаз отправляет пси-киллера уничтожить всех, кому стала известна его тайна...

ISBN 5-9524-2128-8

9 785952 421288

ЦЕНТРОЛИГРАФ®